

UNION LIBRE

ESSAI D'UN PROGRAMME POLITIQUE ET SOCIAL UKRAINIEN

Par M. Dragomanov.

ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ — ВІЛЬНА СПІЛКА

ОПЫТЪ

УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

СВОДЪ И ОБЪЯСНЕНІЯ

М. Драгоманова.

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДЫ»

1884

FREIER BUND

WOLNY ZWIĄZEK

UNIREA LIBERĂ

ВОЛЬНА СПІЛКА

ТОВАРИСТВО ВІЛЬНИХЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЧЕРЕЗЪ:

H. GEORG, Corratierie, 10, Genève

ГРОМАДА, Українська збірка впорядкована М. Драгомановим.

№ 1. Переднє слово. Женева. 1878, 2 фр.

Межі нашої мужицької України в Росії і Австрії. — Наші сусіди-мужики. — Чуже начальство і панство на нашій землі. — Змагання наших простих людей до волі і спільності на всій нашій Україні в козацькі часи XVII ст. — Остатній поділ наших людей: неволя в XVIII ст. — Змагання наших людей до волі і спільності в XIX ст.: письменство українське і наука про Україну в Росії; змагання мужиків до волі і землі. — Змагання наших людей до волі духовної в XVI—XVII ст. і попівська неволя в XVIII—XIX ст.: братства міщанські в XVI ст. і селянські в XIX ст., (люде божі і штунди). — Змагання наших людей до волі і землі в Австрії. — Марність надії на царство і попівство. — Своя воля на своїй землі. — Можливість і вартість своєї української держави. — Українська козацька держава XVII ст. і правдива своя воля: — товариство і безначальство. — Товариство в Січі Запорозькій. — Товариські і громадівські змагання і наука в Європі і Америці: — соціалізм. — Однаковість українських і соціальних змагань.

Конечна ціль громадської праці. — Зміни половинні і посередні станції: державні зміни. — Служба людей з теперішнього панства мужицьким громадам. — Проби такої служби на Україні: українські, польські і всеросійські. — Потреба ясно одмежованого українства в тій службі. — Всесвітня наука і краєва праця. — «Всесвітня спілка робітників» і товариства по країнам і породах. — Українські потреби громадівської праці: політичні вільності, освіта по країнам і громадам і спеціальність праці; живі повстання громадських людей; потреба праць не політичних і зріст нових порядків в громадах; праця протипопівська і наукова. — Український соціалізм — не партія, а громада.

Що тепер може зробити українська печать? — Українці в чужій печаті. — Наші думки про чужих людей на Україні. — Наші супротивники і співники. — Федеральна спілка в Росії і в Австрії. — Спілка демократії в недержавних породах в Європі. — Користь з неї для державних пород. — Спілка українців з західними слав'янами. Порядок видання „Громади“.

ГРОМАДА, № 2. Женева. 1878, 8 фр.

Звістки про Україну 1876—1877. Од впорядника М. Драгоманова; Життя по селам: І. «Здирство»; А) Богатирі і бідні: 1, Поділ землі. 2, У наймах. 3, Мошенства панів і підпанків. Б) Начальство: 1, Крест'янське начальство. 2, Царське начальство. 3, Земство. II «Темнота»: Народні школи на Україні серед життя і письменства в Росії. М. Драгоманова; Що нового по газетах? І—V. С—ого. Україна і центри І—III. М. Драгоманова. Відповіді впорядника; Прилога. Лічба „Общества пособія политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи“.

ГРОМАДА, № 3. Женева. 1878, 2 фр.

«Лихі люди», оди листочок з життя. Повість.

ГРОМАДА, № 4. Женева. 1879, 6 фр.

Біржове мошенство та запродана печать. І.—III. II. М.; Додаток од впорядника. (Хіба російської і української печати про мужицьке життя); Г. Г. Шевченко і його думки про громадське життя, С—а; Уваги впо-

ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ — ВІЛЬНА СПІЛКА.

ОПЫТЪ
УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

СВОДЪ И ОБЪЯСНЕНІЯ

М. Драгманова.

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДЫ»

1884

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Съ 1876 г. изданіе украинскаго сборника «Громада» и рядомъ съ нѣю брошюры на русскомъ и французскомъ языкѣ, а потомъ газеты «Вольное Слово» и другихъ публикацій, въ которыхъ мы постоянно доказывали необходимость организованнаго общественнаго движенія для установленія въ Россіи политической свободы, привело насъ въ столкновеніе, помимо нашихъ ближайшихъ политическихъ друзей и земляковъ, съ разнообразными элементами изъ населеній Россіи. Люди разныхъ племенъ, классовъ и политико-соціальныхъ направленій высказывали намъ свои соображенія по затрогиваемымъ въ нашихъ публикаціяхъ общественнымъ вопросамъ, а равно вызывали насъ на дальнѣйшее изложеніе нашихъ мнѣній, требуя отъ насъ болѣе или менѣе подробной политико-соціальной программы, приспособленной къ практическимъ условіямъ настоящаго положенія Россіи. Нѣкоторые сообщали намъ свои наброски подобныхъ программъ. Наконецъ, слѣдя за мнѣніями, какія высказывались съ 1878 г. въ различныхъ земскихъ собраніяхъ какъ объ общемъ положеніи Россіи, такъ и по вопросу о т. наз. мѣстномъ управленіи, мы часто встрѣчали какъ подтвержденіе нашихъ политическихъ соображеній, такъ и дополненія къ нимъ или выраженія ихъ въ болѣе практической формѣ. Напечатанныя въ концѣ прошлаго года и распространенныя въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ «Политическая Программа Земскаго Союза», которая въ значительной степени есть ничто иное, какъ только систематическій сводъ отдѣльныхъ положеній и желаній, высказанныхъ въ упомянутыхъ собраніяхъ,—въ свою очередь послужила намъ поводомъ къ собиранію различнаго рода политическихъ соображеній. Хотя эта программа составлена была не нами, а людьми, поставленными въ болѣе непосредственное, чѣмъ мы,

соприкосновение съ практической жизнью, но такъ какъ она была опубликована въ связи съ газетою, въ которой мы принимали дѣятельное участіе и такъ какъ основныя положенія ея согласны съ тѣми, которыя мы развивали въ нашихъ публикаціяхъ, — то многія лица обратили на насъ свои замѣчанія по поводу этой программы *).

Такимъ образомъ у насъ составилъ известный запасъ политико-соціальныхъ соображеній, общихъ намъ съ нашими читателями, продуктъ столько же индивидуальной, сколько и коллективной работы мысли, возбужденной положеніемъ Россіи въ послѣдніе годы. Намъ показалось, что напечатаніе систематическаго свода этихъ соображеній было бы лишнимъ, хотя бы только для того, чтобъ послужить поводомъ для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ, съѣмъ думать, довольно важныхъ, при настоящемъ положеніи Россіи, уже потому, что они возникли не въ фантазіи одного-другого индивидуума, а возбуждены самою жизнію въ умахъ значительнаго количества самыхъ разнообразныхъ индивидуумовъ. Вопросы эти касаются основъ политическаго переустройства Россіи и необходимыхъ для нея социально-экономическихъ реформъ. Для удобства обсужденія этихъ вопросовъ, мы раздѣлили наше ихъ изложеніе на двѣ части: въ первой мы поставили рядъ категорическихъ положеній, — которыя могутъ быть вѣрны, или невѣрны независимо отъ нашего умѣнья поддержать ихъ своими аргументами; — въ другой самыя эти аргументы въ поддержку тѣхъ положеній, которыя требуютъ разъясненія или которыя, какъ мы знаемъ по опыту изъ предварительнаго обмѣна мыслей нашихъ съ разными лицами, встрѣчаютъ извѣстные возраженія.

Не смотря на то, что мы пользовались политическими соображеніями лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи, и не смотря на наше глубокое убѣжденіе, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время невозможно практическое движеніе впередъ никакой отдѣльной части Россіи безъ движенія всѣхъ ея частей и общей политической реформы всего этого государства, мы однакожь не рѣшились придать нашей политико-соціальной программѣ даже вѣшнюю форму программы всероссійской, — а предлагаемъ ее какъ опытъ программы, приспособленной къ краю, наиболѣе намъ извѣстному. Это — области, населенныя преимущественно украинскими или малорусскими племенемъ, — отъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго до предгорій Кавказа.

Истинно всероссійская программа, равно какъ исти-

*) Читатель увидитъ далѣе, что мы почти буквально воспроизводимъ многія статьи этой программы.

по всероссийская политическая организация, может, по нашему мнѣнію, явиться только какъ совокупность извѣстныхъ областныхъ программъ и какъ союзъ стоящихъ за ними областныхъ организаций. А потому наиболее насущнымъ въ настоящее время вопросомъ въ дѣлѣ добыванія для населеній Россіи политической свободы мы считаемъ устройство такихъ организаций, областныхъ политическихъ обществъ, которыя бы собрали подъ знамя извѣстныхъ политико-соціальныхъ требований возможно большее количество лицъ и кружковъ своихъ областей и за тѣмъ вошли бы въ связь между собою для совокупнаго дѣйствія, направленаго къ преобразованію Россіи согласно этимъ требованиямъ. Предлагая, подъ влияніемъ вышесказаннаго убѣжденія, на широкій публичный судъ, прежде всего жителей украинскіхъ областей, сводъ политико-соціальныхъ требований, которыя разделяютъ уже извѣстнымъ количествомъ индивидуумовъ, мы сочли наиболее удобнымъ и изложить ихъ въ формѣ проекта устава такого рода политическаго общества, для котораго, по настоящему положенію Украины и соедѣнныхъ съ нею областей, мы считаемъ наиболее соответствующими ими Вільна Спілка, Вольный Союзъ. Основныя идеи такого общества вполне соответствуютъ традиціямъ украинскаго населенія и даже въ болѣе темныя времена стремились проявиться въ организованои видѣ, напр. въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ 1824—25 гг. и въ кружкѣ друзей Шевченка, извѣстномъ подъ именемъ Кирило-Меодіевскаго Братства въ 40-е годы. Въ настоящее время необходимые элементы для такого общества существуютъ на Украинѣ и даже находятся въ дѣйствіи въ различныхъ сферахъ общественной жизни, какъ самостоятельно, такъ и въ видѣ участниковъ въ другихъ политическихъ группахъ. Имъ недостасть только прочной спеціальной организаціи, которая одна только можетъ обезпечить систематичность, а потому и широту и успѣшность дѣятельности. Мы сочтемъ свою задачу исполненною и даже съ успѣхомъ, если настоящей проектъ нашъ послужитъ для упомянутыхъ элементовъ поводомъ для выработки окончательной программы, которую составители ея, находящіеся въ самой странѣ, станутъ осуществлять, уже какъ исполнѣ свое собственное созданіе.

I.

ПРОЭКТЪ

ОСНОВАНІЙ УСТАВА УКРАИНСКАГО ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПІЛКА“

Часть I. О цѣляхъ общества.

I. Въ земляхъ, населенныхъ украинскимъ племенемъ, должно быть основано общество «Вільна Спілка» — «Вольный Союзъ», которое поставитъ себѣ задачею работу для политическаго, экономическаго и культурнаго освобожденія и развитія украинскаго народа и живущихъ среди него иноплеменныхъ колоній.

Примѣчаніе. Такъ какъ украинскій народъ живетъ въ разныхъ государствахъ: въ Россіи, въ Австріи (въ Галиціи и Буковинѣ) и въ Венгріи (въ восточныхъ комитатахъ) при различныхъ политическихъ условіяхъ (хотя и при значительно-сходныхъ условіяхъ социальныхъ и культурныхъ) — то въ каждой изъ этихъ политическихъ областей приемы общественной дѣятельности должны быть различны. Поэтому въ каждой изъ вышеупомянутыхъ украинскихъ областей должны быть образованы и особые политическія общества, — скорѣе вполнѣ самостоятельныя, чѣмъ отдѣлы одного и того же, — которыя впрочемъ, по самой сущѣ вещей должны будутъ прійти въ соглашеніе между собою относительно извѣстной солидарности въ дѣйствіяхъ и взаимной помощи.

Настоящій проектъ, выработанный при участіи украинцевъ русскіхъ, имѣетъ въ виду почти исключительно Украину русскіую же.

II. «Вольный Союзъ» долженъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей въ согласіи съ подобными ему обществами среди другихъ народовъ, интересы которыхъ соприкасаются съ интересами украинскаго народа.

Примѣчаніе. Для удобнѣйшаго достиженія такого согласія «Вольный Союзъ» долженъ принимать въ число своихъ членовъ лица разныхъ національностей, основывая свои отдѣлы въ украинскихъ колоніяхъ среди другихъ племенъ и содѣйствовать образованію подобныхъ ему обществъ среди народовъ, интересы которыхъ связаны съ интересами украинскаго народа.

III. Важнѣйшей задачей «Вольнаго Союза» въ Россіи въ настоящее и ближайшее время должна быть работа для преобразованія этого государства на началахъ политической свободы, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Подъ словами — политическая свобода должно разумѣть:

А) Права человека и гражданина

а) Неприкосновенность тѣла для позорныхъ наказаній и смертной казни.

б) Неприкосновенность личности и жилища для полиціи безъ судебнаго постановленія.

Примѣчаніе I. Въ случаѣ поимки кого либо на мѣстѣ преступленія всякій можетъ арестовать виновнаго, но долженъ тотчасъ же передать его въ руки судебной власти.

Примѣчаніе II. Никто не долженъ быть судимъ судомъ чрезвычайнымъ. Уголовный судъ, кромѣ мирового, долженъ быть судъ съ присяжными.

в) Неприкосновенность частныхъ писемъ и телеграммъ.

г) Свобода выбора мѣста жительства и занятій.

д) Неприкосновенность національности (языка) въ частной и публичной жизни.

е) Свобода совѣсти (вѣры и невѣрія) и всякаго публичнаго богослуженія и обрядовъ, не противныхъ общественному стыду.

Примѣчаніе. Изъ этой свободы вытекаетъ отиѣна государственной церкви и обращеніе всѣхъ церковныхъ учреждений

въ частныя, содержащія единственно на счетъ желающихъ и управляемыхъ сообразно ихъ волѣ, безъ всякаго пособія или выѣшательства учреждений гражданскихъ.

ж) Свобода рѣчи, печати, театровъ и обученій.

з) Свобода сходовъ, прошеній и заявленій выѣшпими знаками (рисунками, знаменами, процессіями и др.) безъ нарушенія выѣшпиаго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

и) Свобода товариществъ и обществъ.

і) Право ношенія оружія и военныхъ упражненій безъ нарушенія выѣшпиаго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.

к) Право гражданского и уголовного иска противъ должностныхъ лицъ и учреждений за незаконное нарушеніе интересовъ лица.

л) Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ.

м) Равенство всѣхъ въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Примѣчаніе I къ разд. А. Права человека и гражданина не могутъ быть отняты, ни ограничены никакимъ постановленіемъ, ни закономъ, исключая ограниченій, устанавливаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ на время выѣшней войны. Но и въ такомъ случаѣ никто, не принадлежащій къ арміи и флоту, не можетъ быть судимъ военнымъ судомъ.

Примѣчаніе II къ разд. А. Охрана вышесчисленныхъ правъ должна возлагаться на обязанность мѣстныхъ мировыхъ судей, которымъ должно быть предоставлено право, подъ личной отвѣтственностію, требовать себѣ содѣйствія вблизи стоящихъ военныхъ силъ, обязанныхъ оказывать имъ такое содѣйствіе.

Б) Самоуправленіе :

а) *Мѣстное* :

Общинное (сельское и городское).

Волостное.

Уѣздное.

Областное. *)

*) Области, на которыя должна быть раздѣлена Россійская Имперія, сообразно сложности географическихъ, экономическихъ и этнографическихъ условій, могутъ быть предложены приблизительно слѣдующія :

1. Сѣверная : губерніи Архангельская и Вологодская.

б) *Государственное.*

2. Самоуправленіе это должно представляться сходами, или же выбранными собраніями, предъ которыми должны быть отвѣтственны все должностныя лица, кромѣ судей, положеніе которыхъ должно быть определено особо.

Примѣчаніе. Въ основныхъ своихъ чертахъ теперешнее судоустройство по уставамъ 20 Ноября 1864 г. можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

2. Озерная: губ. Олонецкая, С.Петербургская, Исковская, Новгородская и Тверская.

3. Балтійская. губ. Эстляндская, Лифляндская, латышскіе уѣзды (Люцинскій, Рѣчпцкій и Динабургскій) Витебской губерніи и Курляндская.

4. Литовская: губ. Ковенская, Сувальская къ сѣверу отъ г. Сувалокъ, сѣв. зап. половина Виленской губерніи.

5. Польская: губерніи царства Польскаго кромѣ литовской части Сувальской и восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской (бывшая униатская Холмская епархія) и западныя части уѣздовъ Гродненскаго и Вѣлостокскаго, Гродн. губ.

6. Бѣлорусская: губ. Витебская (кромѣ латышскихъ уѣздовъ) западная половина Смоленской губ., Могилевская губ., Минская, кромѣ Плинскаго и Мозырскаго уѣздовъ и губ. Гродненская, кромѣ южныхъ уѣздовъ (Бѣлскаго, Пружанскаго, Брестскаго и Кобринскаго).

7. Полѣсская: восточныя части Сѣдлецкой и Люблинской губ., южныя уѣзды Гродненской. Плинскій и Мозырскій уѣзды Минской губ. и Волынская губ., кромѣ юговосточной части (уѣздовъ Житомирскаго и Новградъ-Волынскаго по р. Случь).

8. Кіевская: юговосточная часть Волынской губ., Кіевская губернія, Черниговская и Полтавская безъ юговосточной части (уѣздовъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Кобеляцкаго и в. половины Кременчугскаго).

9. Одесская: губ. Подольская, Бессарабская, Херсонская, западная часть Екатеринославской (по р. Днѣпръ) и Таврическаго губ., кромѣ уѣздовъ Мелитопольскаго и Бердянскаго.

10. Харьковская: Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды Таврической губ., юговосточныя уѣзды Полтавской губ., Харьковская губ., и южныя, Слободско-украинскіе, уѣзды Курской и Воронежской.

11. Московская: сѣверныя уѣзды Курской губ., губ. Орловская, Тульская, Калужская, Смоленская, (кромѣ Бѣлорусскихъ уѣздовъ), Московская и Рязанская.

12. Нижегородская: губ. Ярославская, Костромская, Владимирская и Нижегородская.

3. Все лица, достигшія 21-лѣтняго возраста, должны пользоваться избирательнымъ правомъ и правомъ быть избираемыми въ всякія представительныя собранія и должности общинныя, волостныя и уѣздныя; для права же быть избраннымъ въ собранія и должности областныя и государственныя необходимъ 25 лѣтній возрастъ.

Примѣчаніе I. Законы объ избирательныхъ сходахъ по округамъ должны быть составлены такимъ образомъ, чтобы выбранные могли представлять не только жителей всѣхъ мѣстностей, но и, по возможности, всѣхъ родовъ занятій, а также не только большинства, но и меньшинства.

Примѣчаніе II. Избиратели должны имѣть право составлять для своихъ выборовъ наказы.

4. Въ селахъ общественными дѣлами долженъ заведывать сходъ и выбираемая имъ управа съ выбраннымъ сходомъ же старшиною.

5. Въ городахъ (и мѣстечкахъ), волостяхъ, уѣздахъ и областяхъ для заведыванія общественными дѣлами должны быть учреждены думы, выбранныя на основаніи особыхъ, составленныхъ безъ нарушенія пункта

13. Казанская: губ. Вятская, Казанская, Сибирская и Самарская, кромѣ южныхъ уѣздовъ (Николаевского и Новоузенскаго).

14. Приуральская: губ. Пермская, Уфимская и Оренбургская.

15. Саратовская: сѣверност. уѣзды Воронежской губ. губ. Тамбовская, Пензенская, Николаевскій и Новоузенскій у. Сам. губ. и Астраханская губ.

16. Кавказская: — Закавказье съ Ставропольской губ. (временно).

17. Западная Сибирь.

18. Восточная Сибирь.

19. Земли Казачьи. (Донская, Кубанская, Терская, и Уральская) должны оставаться, какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности, послѣ чего Земли Уральскихъ казаковъ примкнутъ, вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составятъ съ губерніей Ставропольской одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отячій.

20. Области Среднеазиатскія, какъ слишкомъ разнообразны по своему населенію и недавно еще присоединенныя, должны быть управляемы на особомъ положеніи съ возможнымъ примѣненіемъ началъ самоуправленія.

3-го, законы объ избирательныхъ сходахъ и округахъ, — а также управы, выбранныя думами.

6. Сельскіе сходы, а также городскія, волостныя, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать исполненіе своихъ постановленій, кромѣ своихъ старшинъ и управъ, еще и особеннымъ лицамъ или комитетамъ.

7. Сельскіе сходы, а также городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать своимъ управамъ вести гражданскіе и уголовныя искы противъ всякаго рода должностныхъ лицъ за незаконныя ихъ дѣйствія.

8. Указанныя въ 4 и 5 §§ учрежденія общинныя, волостныя и уѣздныя должны заведывать въ своихъ округахъ дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства (обществ. имущество, базары, ярмарки и т. п.), благоустройства (пути сообщенія, публичныя зданія, почты и т. н.) и благосостоянія (оздоровленіе, продовольствіе, призрѣніе, страхованіе, охрана скота отъ эпизоотій и т. н.) и общественнымъ начальнымъ и (по мѣрѣ средствъ) среднимъ обученіемъ.

9. Областнымъ думамъ и опредѣленнымъ отъ нихъ управамъ и другимъ органамъ должно принадлежать: заведываніе дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія, которыя превосходятъ средства одного уѣзда, принятіе общихъ мѣръ по области по всѣмъ дѣламъ общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія; — надзоръ за всею экономическою дѣятельностью въ области (земледѣліемъ, копанью, лѣсами, промыслами, заводами, фабриками и др.) и принятіе мѣръ къ сохраненію природныхъ богатствъ области и къ правильному ими пользованію, а также къ обезпеченію и увеличенію всеобщаго богатства населенія области; — надзоръ (инспекціи) за публичнымъ обученіемъ въ области и заведываніе школами средними, содержимыми на областной счетъ, а также школами высшими, и учеными учрежденіями (академіями и пр.).

10. Сельскіе сходы, а также волостныя, городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право издавать

по всѣмъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ ихъ дѣйствій, обязательныя постановленія (не противныя основнымъ законамъ и общимъ интересамъ государственнаго союза) назначать для удовлетворенія подлежащихъ ихъ вѣдѣнiю общественныхъ нуждъ налоги и входить въ сношенія и соглашенiя съ другими подобными учрежденiями въ предѣлахъ государства относительно удовлетворенiя общихъ имъ нуждъ.

Примѣчанiя къ §§ 4—10. I. Подробности объ отношенiяхъ между названными выше учрежденiями, съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ дѣйствiя должны быть опредѣлены особыми уставами. Но необходимо, чтобы эти уставы возможно болѣе имѣли въ виду, чтобы учрежденiе съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствiя не являлось начальствомъ надъ учрежденiями съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствiя, — а чтобы каждое имѣло возможно полную самостоятельность въ своемъ кругѣ, особенно въ дѣлахъ, которыя оно оплачиваетъ своими средствами. Упомянутый надзоръ въ дѣлахъ образовательныхъ, долженъ имѣть значенiе изслѣдованiя и совѣта, а не командованiя.

II. Равнымъ образомъ особыми установленiями должны быть опредѣлены и отношенiя къ органамъ мѣстнаго самоуправленiя представителей общегосударственнаго правительства (министровъ и областныхъ намѣстниковъ). Но для того, чтобы мѣстное самоуправленiе было дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы представители государства могли прiостанавливать только такія постановленiя и дѣйствiя органовъ мѣстнаго самоуправленiя, которыя не согласны съ основными законами и общими интересами государственнаго союза и чтобы возникшее такимъ образомъ столкновенiе разрѣшалось Сенатомъ (высшимъ судомъ) съ отвѣтственностію государственнаго чиновника за послѣдствiя произведенной имъ остановки.

11. Полиція въ городахъ, уѣздахъ и подраздѣленiяхъ послѣднихъ должна находиться въ вѣдѣнiи соответственныхъ думъ, передъ которыми должны быть отвѣтственны начальники мѣстной полиціи, какими бы способомъ они ни назначались.

12. Кромѣ исчисленныхъ въ §§ 8, 9, 10 и 11 дѣлъ мѣстнымъ выборнымъ учрежденiямъ должна принадлежать разверстка и раскладка прямыхъ государственныхъ податей. Областнымъ же думамъ должно принадлежать также предварительное рассмотрѣнiе всѣхъ проектовъ общегосударственныхъ финансовыхъ законовъ и представленiе объ нихъ заключенiй въ законодательнымъ

государственныя учрежденія, а также законодательство по вопросам мѣстной жизни (примѣненіе избирательныхъ законовъ, территоріальныя раздѣленія, кодификація обычнаго права и т. п.).

13. Заявляваніе дѣлами, общими всему російскому государственному союзу и общегосударственное законодательство должно принадлежать двумъ думамъ:

А) Государственной Думѣ, гласные которой должны выбираться избирательными сходами по округамъ, которые должны быть опредѣлены особымъ на этотъ счетъ установленіемъ на основаніи § 3-го и

Б) Союзной Думѣ, гласные которой должны выбираться областными думами.

Примѣчаніе. Областныя думы должны давать своимъ представителямъ въ Союзной Думѣ наказы и имѣть право во всякое время замѣнять этихъ представителей другими.

14. Общегосударственныя думы на время прерыва своихъ собраній должны составлять изъ себя Наблюдательную Коммиссію.

15. Министры, назначаемые Главою Государства, должны быть отвѣтственными передъ общими думами и могутъ быть отдаваемы ими подъ судъ.

16. Думѣ Союзной, какъ представительницѣ областей, — кромѣ участія въ общегосударственномъ законодательствѣ и управленіи, — должно принадлежать въ частности заявляваніе государственнымъ имуществами, какъ общимъ всемъ областямъ государства занасомъ; относительно употребленія этого занаса на пользу общую Союзная Дума должна принимать мѣры, на основаніи изданныхъ совместно съ Государственною Думою законовъ и по сношенію съ Думами Уѣздными и Областными, которыя должны сообщать Союзной Думѣ о нуждахъ, какія могутъ быть удовлетворены изъ упомянутаго занаса.

17. Всѣ названныя думы должны обязательно собираться въ опредѣленные сроки на очередныя собранія. На чрезвычайныя же собранія эти думы должны созываться по приглашенію соответственныхъ ун-

равъ и Наблюдательной Коммисіи или по желанію трети своихъ членовъ. Въ случаѣ войны или возстанія въ одной изъ областей, Государственная и Союзная Думы должны собираться сами, если ихъ не зоветъ ни Глава Государства, ни Наблюдательная Коммисія, и не расходятся, пока сами о томъ не постановятъ.

18. Глава государства можетъ, съ согласія Союзной Думы, распустить Государственную Думу, но въ такомъ случаѣ распускается и Союзная Дума, а въ манифестѣ о томъ долженъ быть назначенъ и срокъ избранія новыхъ членовъ этихъ думъ; одновременно съ изданіемъ этого манифеста должны собираться областныя думы, которыя и должны засѣдать до собранія новыхъ общегосударственныхъ думъ.

19. Въ случаѣ незаконнаго захвата государственной власти съ чьей бы то ни было стороны, должны собираться по собственному почину областныя думы, которыя и примутъ мѣры къ возстановленію законнаго порядка. Въ такомъ случаѣ войска, расположенныя въ областяхъ, должны подчиниться областнымъ думамъ.

20. Для суда надъ министрами за преступленія по должности, а также надъ членами Государственной и Союзной Думы за государственную измѣну долженъ собираться Верховный Судъ изъ членовъ уголовного департамента Сена та и Союзной Думы.

21. Сенаторы должны назначаться пожизненно главою государства изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему Союзною Думою непременно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и бывшихъ уже членами судебныхъ палатъ, областныхъ или общегосударственныхъ думъ.

22. Думы уѣздныя и областныя, а также Глава Государства, должны имѣть право поднимать вопросъ о несогласіи постановленій Государственной и Союзной Думы съ основными законами (уставомъ, конституціей) государства; вопросы эти должны разрѣшаться С е н а т о мъ въ общемъ собраніи его департаментовъ.

23. Никакія перемѣны въ основныхъ законахъ го-

сударства не должны быть производимы безъ предварительнаго согласія двухъ третей голосовъ Государственной и Союзной Думы и безъ утвержденія Государственнаго Собора.

24. Государственный Соборъ долженъ состояться изъ членовъ соединенныхъ Государственной и Союзной Думы, а также изъ нарочитыхъ гласныхъ, выбранныхъ областными собраніями въ такомъ количествѣ, чтобъ число членовъ Союзной Думы и этихъ нарочитыхъ гласныхъ было равно числу членовъ Думы Государственной.

25. Глава Государства долженъ быть обязанъ обнародовать законы, принятые общегосударственными собраніями, и постановленія Сенага, лишающія ихъ силы, а также постановленія Государственнаго Собора, наблюдать за исполненіемъ законовъ и преслѣдовать въ законномъ порядкѣ ихъ нарушенія.

Примѣчаніе. Глава Государства можетъ быть наслѣдственный Императоръ, равно какъ и избранный на срокъ Предсѣдатель Всероссійскаго Государственнаго Союза. Въ первомъ случаѣ за его дѣйствія должны быть отвѣтственными министры, въ порядкѣ, указанномъ въ §§ 15 и 21, а во второмъ онъ отвѣтственъ самъ въ томъ же порядкѣ.

IV. Изъ вышензложенныхъ началъ политическаго преобразованія Россіи должно считать особенно важными: 1) права человека и гражданина и 2) самоуправленіе мѣстное; правленіе же всею Россіей посредствомъ центральнаго представительнаго собранія, безъ признанія и обезпеченія этихъ правъ и мѣстнаго самоуправления, должно считать такъ же мало охраняющимъ свободу вообще и интересы Украины въ частности, какъ и теперешнее устройство Россійскою имперіи.

V. По осуществленіи вышензложеннаго или подобнаго плана политическаго преобразованія Россіи въ цѣломъ, или въ важнѣйшихъ частяхъ его, члены «Вольнаго Союза» должны взять на себя обязанность обратить свои усилія къ облегченію угнетающихъ теперь жителей россійской Украины общественныхъ тягостей и къ обезпеченію каждому изъ нихъ средствъ

жизни и развитіи. Для этого члены «Вольнаго Союза» должны обязаться проводить, при помощи свободы и через органы самоуправленія, всякія мѣры, направленныя:

1. Къ уменьшенію тяжестей военной повинности, впрямь пока общія международныя отношенія дадутъ возможность замѣнить постоянную армію временно-собираемыми народными ополченіями.

Примѣчаніе. Между прочимъ облегченіе тяжести военной повинности можетъ быть достигнуто раздѣленіемъ ея между общегосударственной арміей и областными ополченіями, при сокращеніи арміи и срока службы въ ней.

2. Къ обращенію всѣхъ налоговъ въ прямыя подоходныя подати, постепенно увеличивающіеся, сообразно величинѣ дохода плательщика.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что теперешніе воинствующе-несправедливые налоги и поборы: подушные, паспортные, акцизные и т. п. должны быть прежде всего или уничтожены, или совершенно преобразованы.

3. Къ установленію доступнаго каждому обученія въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, — съ тѣмъ, чтобы для дѣтей бѣдныхъ семей первоначальное обученіе было даровое и сопровождалось пособіями или, въ случаѣ нужды, полнымъ содержаніемъ ученика на общественный счетъ, при чемъ болѣе способные ученики были бы подобнымъ же образомъ содержимы и въ среднихъ, и въ высшихъ школахъ.

4. Къ устройству для бѣдныхъ людей общественныхъ пріютовъ: для дѣтей, больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, а также общественныхъ пенсіонныхъ кассъ для потерявшихъ силы и престарѣлыхъ работниковъ всѣхъ видовъ полезнаго обществу труда.

5. Къ ограниченію часовъ дневнаго труда, прежде всего женщинъ и дѣтей, — временемъ, при которомъ было бы возможно сохраненіе здоровья и развитіе тѣлесное и нравственное.

Примѣчаніе. Фабричная работа для недостигшихъ 14 лѣтняго возраста должна быть безслѣдно чуждымъ

6. Къ установленію посредническихъ судовъ между хозяевами и рабочими изъ выборныхъ отъ обѣихъ сторонъ.

7. Къ устройству для рабочихъ здоровыхъ жилищъ, къ удешевленію ихъ найма и къ облегченію покупки ихъ семействами и артелями рабочихъ.

8. Къ предоставленію, по возможности, каждому земледѣльцу участія въ пользованіи или во владѣніи землею и лѣсомъ, — посредствомъ раздачи ихъ изъ государственныхъ имуществъ, переселенія на незанятые мѣста, выкуна, при кредитѣ и пособіи отъ общественныхъ учреждений, покупки общественными учреждениями земель и лѣсовъ у частныхъ лицъ и т. п.

Примѣчаніе I. Заключение, при введеніи Положенія о крестьянахъ 19 Февр. 1861 г., договоры, обезземелившие крестьянъ или давшие имъ т. наз. четвертной надѣлъ, должны быть провѣрены, съ примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, обязательнаго выкуна.

Примѣчаніе II. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ совершившіеся съ 1861 г. выкуны сдѣлки налагаютъ на крестьянъ платежи, высшіе дѣйствительной доходности съ земли, выкупные платежи эти должны быть облегчены посредствомъ перенесенія погашенія выкупнаго долга съ спеціальнаго крестьянскаго налога на общегосударственные расходы.

9. Къ возвышенію поземельнаго дохода и всякаго заработка трудящихся людей посредствомъ устройства общественныхъ товарныхъ складовъ, посредствомъ заказовъ всякаго рода подрядовъ на общественныя нужды прямо земледѣльцамъ и работникамъ, при руководствѣ общественныхъ учреждений (преимущественно общинныхъ).

10. Къ поддержкѣ и развитію громадскаго и товарищескаго землевладѣнія и арендованія, и всякой другой товарищеской или артельной работы.

11. Къ выкупу копей, водъ, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. въ собственность государства, областей, уѣздовъ, волостей или общинъ и къ предоставленію ихъ въ пользованіе населенію, возможно дешевое и съ примѣненіемъ, по возможности, артельного способа добыванія и обработки продуктовъ.

VI. Проведеніе вышеоцерченнихъ экономическихъ мѣръ составляетъ наименьшее изъ обязанностей, принимаемыхъ на себя членами «Вольнаго Союза», по установленіи въ Россіи начатковъ политической свободы; члены же, которые будутъ считать эти мѣры недостаточными, могутъ, послѣ этого установленія, безъ нарушенія своего слова, удалиться изъ общества, для дѣйствованія по своему усмотрѣнію.

Заключение. Послѣ всего сказаннаго цѣли украинскаго общества «Вільна Спілка», въ настоящее время могутъ быть сжато выражены въ слѣдующихъ словахъ:

I. Цѣли обще-гражданскія:

- а) Права человека и гражданина, — какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія.
- б) Самоуправленіе, — какъ основа для движенія къ соціальной справедливости.

II. Цѣль частно-національная:

Политическая свобода, — какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ.

Часть II. О средствахъ дѣятельности общества.

Предварительное замѣчаніе. Во всякомъ общественомъ дѣлѣ вопросъ о средствахъ, сравнительно съ вопросомъ о цѣляхъ, есть дѣло вторичное. Средства зависятъ отъ обстоятельствъ, постоянно измѣняющихся, а потому опредѣлить ихъ съ достаточной полнотою заранее нѣтъ возможности, а слѣдовательно и необходимости. Для всякаго политическаго сообщества самое главное — собрать возможно большее количество ясно сознающихъ цѣли его членовъ, которые затѣмъ, сообразно условіямъ мѣста и времени, естественно найдутъ удобнѣйшія средства для достиженія своихъ

цѣлей. Нижеслѣдующія положенія поэтому не имѣютъ претензій на полную, а представляютъ только опытъ указанія нѣкоторыхъ приѣмовъ, имѣющихъ въ виду преимущественно распространеніе въ разныхъ слояхъ населенія основныя идеи предполагаемаго «Вольнаго Союза».

I. Для достиженія означенныхъ въ первой части Основаній Устава цѣлей, необходимо прежде всего основать на всей Украинской землѣ отдѣленія «Вольнаго Союза» изъ лицъ совершеннолѣтнихъ и по возможности съ опредѣленными занятіями, изъ всѣхъ теперешнихъ классовъ населенія.

Примѣчаніе. Изъ сказаннаго ясно, что члены «Вольнаго Союза» должны избѣгать всякаго рода дѣйствій къ возбужденію молодежи къ преждевременной для нея политической борьбѣ и къ дѣйствіямъ, которыя могутъ воспренятствовать молодымъ людямъ стать въ должное время, при помощи образованія общаго и профессиональнаго, сознательными и вліятельными политическими дѣятелями.

II. Непремѣнную обязанность члена «Вольнаго Союза», — при всѣхъ другихъ обязанностяхъ, которыя онъ приметъ на себя, согласно настоящему уставу, — должна быть забота о возвышеніи своего умственнаго и нравственнаго уровня, и стараніе во всякомъ полезномъ обществѣ дѣлѣ занять по возможности самое видное мѣсто.

Примѣчаніе. Изъ знаній, которыя особенно желательны для членовъ «В. Союза», прежде всего должны быть рекомендованы: знакомство съ политической, социальной и культурной жизнью западноевропейскихъ народовъ, а также подробнѣйшее ознакомленіе съ своей родиной.

III. Всѣ частныя проявленія дѣятельности «Вольнаго Союза» должны быть согласны съ его опредѣленными выше цѣлями, въ отдѣльности и въ совокупности, а также съ общими правилами нравственности.

Примѣчаніе I. Всякая кража и всякій обманъ населенія для членовъ «Вольнаго Союза» должны быть безусловно недозволительны.

Примѣчаніе II. Убійство какого бы то ни было лица, (дѣйствіе противное одному изъ положеній о правахъ человѣка и гражданина) никогда не должно быть задачей ни цѣлаго «Вольнаго Со-

юза», ни какого бы то ни было его отѣла; если же бы кто нибудь изъ членовъ «Вольнаго Союза» совершить политическое убійство, для самосохраненія, или подъ вліяніемъ возбужденія крайними несправедливостями правительства и его слугъ, — то объявъ принять это убійство исключительно на свою личную отвѣтственность.

IV. Не упуская никогда изъ виду главныхъ своихъ цѣлей: объединенія всѣхъ жителей Украины въ дѣйствительности для свободы и благосостоянія родной земли, а также соединенія всѣхъ теперешнихъ классовъ населенія Украины въ одно равноправное цѣлое, — члены «Вольнаго Союза» должны однакожъ отыскивать въ каждой мѣстности и въ каждомъ классѣ такія стороны жизни, преданія и стремленія, которые могутъ служить естественною основою для принятія къ нимъ какого либо изъ стремленій Союза, а именно:

1. Члены «Вольнаго Союза» должны отыскивать въ разныхъ мѣстахъ и классахъ населенія Украины воспоминанія о прежней свободѣ и равноправности, какъ напр. о самоуправленіи повѣтовъ по т. наз. Литовскому праву, городовъ по т. наз. праву Магдебургскому, о свѣтскомъ и церковномъ самоуправленіи громадъ и волостей, о братствахъ, о самоуправленіи козацкомъ (сотень, полковъ, и всей Гетьманщины), о разпосословныхъ сѣздахъ во время Гетьманщины, о Сѣчи и Вольностяхъ Товариства Запорожскаго и т. п., и т. п., — поддерживать эти воспоминанія и подводить ихъ къ теперешнимъ понятіямъ о свободѣ и равенствѣ у образованныхъ народовъ.

2. Такъ какъ и по императорскимъ русскимъ законамъ (напр. Дворянской Грамотѣ 1787 г.) дворяне должны были быть избавлены отъ безсуднаго распоряженія ихъ свободою и имуществомъ, а также имѣть право представленія Верховной Власти о своихъ нуждахъ и пользахъ, — то члены «Вольнаго Союза» изъ дворянъ должны побуждать свое сословіе къ требованіямъ объ отмѣнѣ такихъ учреждений, какъ ссылки безъ суда, положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, а также къ требованіямъ общаго преобразованія управления Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены «Вольнаго

Союза» изъ украинскихъ дворянъ должны обращать вниманіе своихъ товарищей по сословію на недавній простонародный характеръ происхожденія украинскаго дворянства изъ козацкой старшины, первоначально выборной, а также на воіююще-несправедливый захватъ этой старшиной народнаго имуществва, и потому должны указывать на тѣмъ большую нравственную обязанность украинскихъ дворянъ выступить противъ самодержавія, а равно заплатить простонародью долгъ за оказанныя ему несправедливости.

3. Члены «Вольнаго Союза» изъ ремесленныхъ классовъ и крестьянъ, а также всѣ другіе члены, при сношеніяхъ съ ремесленниками и крестьянами, должны собирать и систематизировать ихъ недовольство своимъ теперешнимъ положеніемъ, но при этомъ должны распространять среди нихъ мысль о несовмѣстности царско-чиновническаго самодержавія даже съ матеріальнымъ благомъ чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы царь и чиновники искренно пожелали этого блага; — вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутые члены «Вольнаго Союза» должны распространять мысль объ удобствахъ политической свободы и для чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы на первыхъ порахъ теперешніе экономическіе порядки и не были измѣнены, а также доказывать необходимость политической свободы для того, чтобъ чернорабочіе классы были въ состояніи сами приступить къ измѣненію этихъ порядковъ.

4. Въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ члены «Вольнаго Союза» должны обратить особенное вниманіе на евангелическія братства (т. наз. штундистовъ, молоканъ, людей божіихъ и т. п.) стараясь разъяснить имъ связь свободы совѣсти съ другими свободами, поддерживать въ нихъ склонность къ свободному мышленію, ослаблять мистицизмъ и направлять мысль о братствѣ религіозномъ къ мысли о союзѣ гражданскомъ и хозяйственномъ и выводить мысль о такомъ союзѣ за предѣлы вѣроисповѣдныя.

Примѣчаніе. Лучшимъ средствомъ для послѣдняго можетъ быть ознакомленіе нашихъ сектантовъ съ развитіемъ протес-

стангскихъ сектъ и коопераціоннаго движенія въ Западной Европѣ, особенно въ Голландіи и Великобританіи, отъ анабаптистовъ и социантовъ (когорыхъ ученіе коснулось и Украины въ XVI—XVII вв. до Роберта Оуэна и теперешнихъ рабочихъ союзовъ).

5. При сближеніи съ людьми класса военнаго, члены «Вольнаго Союза» должны расширять существующее въ этомъ классѣ понятіе объ обязанности воина защищать свою родину отъ вѣшняго врага до понятія о необходимости защиты родины отъ всего вреднаго для нея, въ томъ числѣ и отъ гибельнаго для нея внутренняго управленія: при этомъ военнымъ лицамъ украинскаго происхожденія должно быть поставлено на видъ и то обстоятельство, что дѣйствительная ихъ родина теперь порабощена государственной властью, для нея вредной и въ то же время чужой. Приглашая военныхъ людей отказывать въ поддержкѣ деспотическому правительству и дѣйтельно помогать освобожденію Россіи и въ частности Украины, члены «Вольнаго Союза» должны въ тоже время распространить въ военномъ классѣ мысль о томъ, что интересы правильнаго общественнаго и развитія требуютъ, чтобы армія, даже и въ борьбѣ съ правительствомъ, не захватывала власти, а только испровергала насиліе надъ свободою гражданъ и охраняла гражданское самоуправленіе отъ всякихъ на него покушеній.

V. Члены «Вольнаго Союза» должны особенно стараться проникнуть въ избирательныя должности и собранія (сельскія, городскія, уѣздныя, губернскія, — крестьянскія, дворянскія, земскія) для того, чтобы имѣть возможность направлять ходъ общественныхъ дѣлъ въ цѣляхъ «Вольнаго Союза» и въ частности для того, чтобы

1. подвигать общественные сходы и собранія къ заявленіямъ правительству о необходимости преобразованія Россіи на началахъ политической свободы;

2. въ случаѣ упорства правительства возбуждать сходы и собранія къ отказу ему въ поддержкѣ, напр. къ отказу отъ исполненія возложенныхъ теперь законами на общественныя учрежденія обязанностей податныхъ, рекрутскихъ и т. п. и наконецъ къ прямымъ

попыткамъ устраненія царскихъ чиновниковъ отъ за-
вѣдыванія общественными дѣлами и къ попыткамъ
самовольнаго осуществленія самоуправленія, съ при-
глашеніемъ къ тому же и представителей другихъ
мѣстностей.

VI. Главною заботою «Вольнаго Союза» въ настоя-
щее и ближайшее время должно быть собраніе во
всѣхъ слояхъ населенія силъ, достаточныхъ для того,
чтобъ принудить самодержавное правительство Россіи
уступить поработенному имъ населенію права чело-
вѣка и гражданина и самоуправленіе, — для чего
преимущественно необходимо достигнуть согласнаго
дѣйствія силъ земскихъ и военныхъ, соотвѣтственно
статьѣ IV и § 4 статьи III настоящей части проекта
Устава. Но и до полного собранія этихъ силъ членамъ
«Вольнаго Союза» могутъ, по соображеніи обстоя-
тельствъ, предпринимать противъ правительства разна-
го рода дѣйствія: заявленія, сопротивленія, и даже
нападенія, могущія пробуждать и распространять въ
населеніи мысль о необходимости измѣненія правленія
Россіи въ смыслѣ, желательномъ для «Вольнаго Со-
юза», и участвовать въ подобныхъ дѣйствіяхъ, пред-
принятыхъ другими.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если начинъ упомянутыхъ въ концѣ
предыдущаго пункта дѣйствій будетъ принадлежать членамъ
«Вольнаго Союза», — то члены эти не имѣютъ права уклон-
яться отъ той отвѣтственности за эти дѣйствія, которая па-
детъ на другихъ ихъ участниковъ.

Часть III. О внутреннемъ устройствѣ общества

зависитъ отъ условій часто самыхъ случайныхъ, а
потому заранѣе точно опредѣлена, а особенно опубли-
кована быть не можетъ.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЕКТУ УСТАВА ОСНОВАНІЙ УКРАИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПІЛКА“

Къ первой части.

Къ статьямъ I, II и III-ей. Всякаго рода общественная дѣятельность должна считаться не только съ здоровыми мнѣніями и стремленіями въ обществѣ, но и съ предрассудками и заблужденіями. На этомъ основаніи настоящая записка должна начаться съ объясненій какъ имени политическаго общества, основанія устава котораго изложены выше, такъ и опредѣленія области его дѣятельности. При нормальныхъ условіяхъ нѣтъ надобности въ особомъ объясненіи того, что извѣстное количество лицъ выбираютъ себѣ для работы извѣстный народъ и страну, имъ населенную. Но украинскій народъ поставленъ судьбою въ положеніе именно ненормальное, главнымъ образомъ влѣдствіе двухъ обстоятельствъ: а) потери имъ политической независимости, (благодаря особенно раздѣлу его страны въ к. XVII в. между Польшею, Московіею и Турціею) и б) происшедшаго, главнымъ

образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, разобщенія между массою украинскаго народа и большинствомъ высшихъ классовъ, которые усвоили себѣ признаки господствующихъ надъ украинскимъ народомъ національностей: великорусской, польской, нѣмецкой (въ Буковинѣ) и венгерской, и чрезъ то потеряли непосредственное чувство своей связи съ народомъ, среди котораго они живутъ, и сознаніе интересовъ этого народа и его страны, или даже сдѣлались среди этого народа и въ этой странѣ представителями чуждыхъ послѣднимъ, а иногда и прямо вредныхъ имъ, интересовъ. Такое ненормальное положеніе украинскаго народа послужило источникомъ цѣлаго круга ложныхъ понятій, недоразумѣній и софизмовъ, поддержка которыхъ представляетъ столько выгоды для разнаго рода политическихъ элементовъ, которые стремятся удержать или пріобрѣсти такое или иное господство надъ этимъ народомъ, что всякая рѣчь о работѣ въ пользу этого народа должна начинаться съ опроверженій этихъ ложныхъ идей — и съ объясненій необходимости этой работы и ея спеціализаціи.

Въ числѣ наиболѣе распространенныхъ софизмовъ относительно Украины не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе, будто спеціализація дѣятельности на пользу украинскаго народа есть стремленіе узкое въ виду того, что въ настоящее время интересы всѣхъ народовъ въ цивилизованномъ мірѣ находятся въ тѣсной связи между собою, — или не практичное въ виду того, что основою для политической дѣятельности въ настоящее время служить государство, а не національность.

Дѣйствительно, матеріальныя и нравственныя связи между народами не только Европы, но и всего земнаго шара, такъ быстро возрастаютъ, что всякій общественный дѣятель, чѣмъ дальше, все больше долженъ соображаться съ ходомъ дѣлъ не только своей ближайшей страны, но и всего міра. Тѣмъ не менѣе реальныя условія всякой общественной дѣятельности, а особенно политической, требуютъ отъ дѣятеля избранія такого поля приложенія его силъ, какое об-

ширностію своєю не превосходило бы розміра этихъ силъ и къ которому самъ этотъ дѣтель могъ бы най-удобнѣе приспособиться своими личными особенностями. За тѣмъ всемірность извѣстнаго движенія является уже дѣломъ вторичнымъ, какъ результатъ совокупности приложенія извѣстныхъ силъ на первичныхъ, болѣе ограниченныхъ поляхъ дѣятельности, въ особенности, конечно, если эта совокупность будетъ заранее организована постоянными сношеніями представителей дѣятельности на этихъ первичныхъ поляхъ.

Целью не видѣть, что существованіе извѣстныхъ человѣческихъ породъ, — національностей, — опредѣлились отдѣльными лицами, или по крайней мѣрѣ огромному большинству ихъ, — естественнѣйшія поля для ихъ дѣятельности, какъ потому что національные языки, — самое определенное и болѣе важное въ практическомъ отношеніи отличіе человѣческихъ породъ, — представляютъ болѣе естественную сферу отдѣльныхъ лицъ извѣстныхъ національныхъ массъ и самихъ передовыхъ общественныхъ дѣтелей съ этими массами, такъ и потому что, за немногими исключеніями, люди одной породы заняли на землѣ страны съ болѣе или менѣе однородными условіями для хозяйства и быта вообще. Вотъ почему и первымъ широкія правовыя общестія, — государства, образовались, и при томъ съ наименьшими насиліями, въ областяхъ, однородныхъ по національности, и во многихъ случаяхъ и до сихъ поръ почти не выходятъ изъ предѣловъ національныхъ, такъ что въ политической терминологіи и до сихъ поръ слово народъ (*populus*, *peuple*, — собственно *race*) и государство (*status*, *état*, — собственно *empire*) употребляются за одно и одинаково замѣняются словомъ — *natio*, *nation*. Понятіе о всемірномъ, общечеловѣческомъ и до сихъ поръ выражается и сколько нибудь реально представляется только въ видѣ между-народнаго, — собственно между-національнаго, *inter-national*.

Обращаясь теперь къ населенію украинскому и къ его странѣ, мы во первыхъ видимъ, что это населеніе пред-

ставляет собою все признаки особой национальности. Фактъ этой особенности доказывается не только непосредственнымъ чувствомъ какъ самаго этого населенія, такъ и его иностранныхъ наблюдателей, но и разносторонними научными изслѣдованіями. Отрицать эту особенность теперь рѣшаются только поверхностные или умышленно извращающіе дѣло чиновники или политики, — въ казенныхъ бумагахъ и газетныхъ статьяхъ, но не ученые, авторы монографій, спеціалисты-профессора высшихъ школъ или академики. Выстъ съ тѣмъ однимъ бѣглый взглядъ на карту показываетъ намъ, что украинская порода заняла опредѣленную, довольно однородную географическую область: страну чернозема отъ Карпатъ до сѣвернаго склона Кавказа, страну, которой восточную часть (отъ нижн. Дона до Каспія) украинцы быстро заселяютъ на нашихъ глазахъ, преодолевая здѣсь соперничество господствующей въ Россіи и даже ближайшей къ этому краю по меридіональному направленію породы великорусской, которая сама направляется преимущественно въ болѣе восточные края. (Сколько мѣло внимательное изученіе географическихъ особенностей этой страны и ея положенія относительно другихъ странъ *), непременно откроетъ всякому существованіе особыхъ задачъ съ внутренней и внешней политики, которыя могутъ быть разрѣшены рачіонально только при извѣстномъ самоуправленіи этой страны, возможномъ только при сознаніи населеніемъ съ своего единства и своихъ интересовъ.

Если къ сейчасъ сказанному прибавимъ, что по признанію всѣхъ наблюдателей украинская порода, число членовъ которой и теперь уже можетъ быть опредѣлено до 20.000.000, — далеко не лишена физическихъ и нравственныхъ признаковъ высшей члoвѣчности и доказала въ своемъ прошломъ способность къ культурѣ, не смотря на неблагопріятныя условія, —

*) Украина съ Бѣлоруссией страны Черноморскаго бассейна, какъ Польша и Литва — Балтійскаго, а Великороссія Балтійско-Каспійскаго и Сѣвернаго.

то мы тѣмъ болѣе должны будемъ признать, что украинскій народъ можетъ представить не только естественное, но и благодарное поле для приложенія силъ тѣхъ лицъ, которыя желаютъ служить развитію человѣческому. Посвященіе себя работѣ на пользу развитія народа украинского не только можетъ исполнить удовольворить личности, которыя возвысились до пониманія интересовъ общечеловѣческихъ, такъ какъ общечеловѣческое есть ничто иное, какъ совокупность лучшаго и всѣмъ выгоднаго въ отдѣльныхъ націяхъ. — но свободная и развитая украинская нація будетъ, конечно не самымъ послѣднимъ членомъ въ человѣческой семьѣ. Проявляющееся въ послѣднее десятилѣтіе все съ болѣею настойчивостью украинское движеніе и въ самыя нѣжныя свои времена въ сущности не имѣло другой цѣли, кромѣ возвращенія украинской націи въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, въ которую она входила до к. XVII в., пока упомянутый выше раздѣлъ Украины не подорвать ея силъ, пока деспотическое Россійское государство не провело трудно переходимой границы между огромнымъ большинствомъ украинцевъ и Западной Европой и пока всеизсушающая государственная централизациа не парализовала развитія украинскихъ культурныхъ центровъ. Въ настоящее время сознательная дѣятельность въ пользу гражданской свободы и самоуправления населенія Украины, а также соединенія ея образованныхъ классовъ съ массой народа, конечно поможетъ украинской націи сократить то разстояніе, какое образовалось въ послѣднія столѣтія между развитіемъ ея и далеко опередившихъ ее народовъ Европы, — цѣль, которая уже сама по себѣ не можетъ не быть признанною достойной усилій нравственно развитыхъ людей, а особенно вскормленныхъ среди украинскаго народа и благодаря его труду.

Все сказанное вовсе не исключаетъ значенія для украинскаго народа и слѣдовательно для лицъ, посвящающихъ себя дѣятельности въ средѣ его, — условій жизни государственной и особенно государства Россійскаго, въ которомъ находится огромное боль-

шинство украинскаго народа, ни не устраняетъ необходимости особенно тѣсныхъ связей какъ этого народа съ другими народами Россіи, такъ и тѣснѣйшаго согласія лицъ, посвятившихъ себя работѣ на пользу украинской націи, съ лицами, работающими на другія націи этого государства. Въ настоящее время уже и въ разнонаціональныхъ государствахъ, каково бы то ни было ихъ происхожденіе, выработались между разноплеменными населеніями связи, разрывъ которыхъ нарушилъ бы многіе уже установившіеся интересы и отъ которыхъ можно отпираться для дальнѣйшаго развитія упомянутыхъ націй. Даже въ государствахъ, явно угнетающихъ свои или извѣстныя націи, согласное дѣйствіе послѣднихъ необходимо для самаго освобожденія ихъ отъ общаго гнета. При этомъ только необходимо наиболѣе соответственное дѣйствительному положенію вещей упорядоченіе этого согласія.

Очевидно, что въ государствахъ столько же разнонаціональныхъ, сколько и обширныхъ по пространству, послѣдняго рода согласное дѣйствіе всѣхъ населеній можетъ быть достигнуто только послѣ предварительнаго соглашенія отдѣльныхъ частей ихъ по племеннымъ и областнымъ подраздѣленіямъ. Таковой именно случай представляетъ въ особенности Россійская Имперія, которой уже одно пространство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ непосредственное приложеніе силъ отдѣльныхъ лицъ ко всей государственной области.

Обращаясь въ частности къ украинскому населенію Россійскаго государства, мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, сколько нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ этого населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связано съ свободой и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь, не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная, — но, при пзвѣстныхъ условіяхъ, вовсе не нужная для ка-

кихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа*).

Народъ этотъ терпитъ теперь въ Россійскомъ государствѣ въ политическомъ отношеніи отъ непризнанія его національности, — вмѣстѣ со всѣми другими негосударственными народами Россіи, — а также вообще отъ непризнанія правъ человѣческихъ и гражданскихъ и отсутствія самоуправленія, отъ монархическаго деспотизма и правительственной централизаціи, которые и представляютъ политическаго врага, общаго всѣмъ народамъ Россіи, не исключая и того, національность котораго является въ этомъ государствѣ господствующею. Этотъ врагъ можетъ быть побѣжденъ только совокупными усиліями всѣхъ народовъ Россіи, — которые и должны для этого организовать себя какъ внутри себя, такъ и между собою. «Вільна Сілка» и должна прежде всего заняться организаціей среди украинскаго населенія силъ, способныхъ къ борьбѣ съ упомянутымъ врагомъ, — чтобы затѣмъ приступить вмѣстѣ съ другими подобными ей организаціями къ нападенію на этого врага и къ преобразованію Россійскаго государства на началахъ политической свободы. Сосредоточеніе на первыхъ порахъ дѣйствій «Вольнаго Союза» на украинскихъ областяхъ тѣмъ самымъ вовсе не отклонило бы его дѣйствій отъ всей Россіи, а только дало бы имъ наиболѣе практическое направленіе. Даже и исключительное посвященіе образованныхъ людей, живущихъ на Украйнѣ, дѣятельности въ пользу тамошняго народа, не осталось бы безъ вліянія и на всю Россію, — такъ какъ характеръ, способности и традиціи украинскаго народа даютъ возможность надѣяться на быстрый среди него успѣхъ освободительныхъ идей, если только образованные люди на Украйнѣ

*) Кромѣ другихъ резонанъ, въ родѣ отсутствія рѣзкихъ границъ между украинскою и великорусскою страной и смѣшенія во многихъ мѣстахъ населенія обоихъ племенъ, — противъ такого сепаратизма говорятъ между прочимъ и то обстоятельство, что, при осуществленіи его, коренное украинское населеніе лишилось бы запасныхъ для своей колонизаціи земель въ Донско-Каспійской области и отдѣлилось бы отъ своихъ соплеменниковъ, какъ въ этой области, такъ и въ Кубанской.

нѣ отбросить свой теперешній нравственный и физическій абсентеизмъ и искренно обратиться къ своему народу. Въ такомъ случаѣ возбужденныя къ свободнымъ стремленіямъ украинскія области не остались бы безъ вліянія и на всю Россію. Но о какой бы то ни было украинской исключительности теперь странно и говорить. Горячее стремленіе добыть для украинскаго населенія права человека и гражданина и самоуправленіе, при упомянутомъ выше сознаніи трудности и нецужности для украинскихъ областей Россіи политическаго сепаратизма, — составляетъ именно залогъ того, что люди, посвятившіе себя освобожденію украинскаго народа, будутъ самыми горячими сторонниками преобразованія всей Россіи на началахъ, наиболѣе благоприятныхъ для свободы и развитія всѣхъ ея народовъ.

Вотъ важнѣйшія изъ соображеній, которыя говорятъ въ пользу необходимости дружнымъ свободѣ и развитію, живущимъ среди украинскаго населенія Россіи, соединиться прежде всего въ мѣстное политическое общество и затѣмъ уже, вступая въ связь съ подобными же обществами въ другихъ областяхъ, дѣйствовать для свободы и развитія всей Россіи.

Но жители украинскихъ областей Россіи не могутъ ограничить своей дѣятельности только ея политическими границами. Украинское населеніе восточныхъ областей Австро-Венгріи есть прямое продолженіе такого же населенія югозападной Россіи. Не смотря на нѣкоторыя отличія, зависящія отъ государственныя условій, быть, національно-культурныя задачи и даже социальное положеніе украинскаго народа въ сущности одинаковы по обѣ стороны рѣки Збручъ, составляющей границу между австрійскою Галиціей и россійскою Подольскою губерніей. Не только непосредственное сосѣдство, но и направленіе рѣкъ и дорогъ, относительная густота населенія, и влѣдствіе этого движеніе товаровъ и людей, ищущихъ заработка, и т. п. причины приводятъ населеніе прикарпатской Украйны въ постоянное соприкосновеніе съ ихъ соплеменниками въ Россіи. Ближайшее знакомство съ вопросомъ

показываетъ, что политическая граница между Россіей и Австріей существуетъ здѣсь гораздо больше для высшихъ классовъ, (и то преимущественно для «православныхъ», а не для католиковъ или поляковъ и не для евреевъ) чѣмъ для народныхъ массъ, крестьянъ. Эти послѣдніе по обѣ стороны границы не только живутъ однимъ бытомъ, рождаются, ходятъ черезъ границу на заработки, но обмѣниваются продуктами нравственной жизни: такъ напр. пѣсни о крѣпостномъ правѣ, рекрутчинѣ, эманципаціи крестьянъ и т. п. по обѣ стороны границы почти одинаковы, не смотря на то, что крѣпостное право было смягчено въ Австріи еще въ к. XVIII в., а отменено уже 1848, что военные порядки въ обоихъ государствахъ всегда были разные и что австрійскіе и русскіе украинцы никогда не знали совместной рекрутчины. Русское правительство поняло значеніе этого нравственного обмѣна, когда послѣ крестьянскихъ возненій въ Австріи въ 1846—1848 гг. запретило входить оттуда въ Россію разнощикамъ и заработчанамъ, которые распространяли здѣсь противоположныя идеи. И теперь галицкіе заработчане въ Россіи являются разносителями противоположныхъ и вообще болѣе свободныхъ политическихъ идей и національных стремленій, — а съ другой стороны аграрныя движенія, бывшія въ руссійской правобережной Украйнѣ въ 1862—1863, гг. за которыми послѣдовали аграрныя льготы, принятія правительствомъ въ 1863—1865 гг., отражаются и на Галиціи возбужденіемъ у крестьянъ мысли о пересмотрѣ поземельныхъ отношеній.

Въ настоящее время взаимная роль Украины Галицкой и Россійской по отношенію къ намѣченнымъ выше цѣлямъ «Вольнаго Союза» представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Осуществленіе известной части упомянутыхъ цѣлей въ Украйнѣ Россійской, установленіе въ Россіи политической свободы, которая поведетъ за собою крѣпкую организацію интеллигенціи для работы въ пользу своего народа, — будетъ имѣть рѣшительнѣйшее дѣйствіе на Украину, которая ведется теперь въ

Австрійской України против національно-соціального гнета надъ тамошнимъ народомъ *). Независимо отъ непосредственной помощи, которая несомнѣнно будетъ тогда подаваема австрійскимъ украинцамъ изъ Россіи, уже одна нравственная поддержка освобожденнаго и организованнаго російскаго большинства украинскаго племени должна оказать рѣшительное вліяніе на подвѣтѣ духа у австро-венгерскаго меньшинства этого племени **). Съ другой же стороны даже и теперь, при всѣхъ невыгодахъ положенія украинцевъ въ Австро-Венгріи, страна ихъ, благодаря извѣстной политической свободѣ, можетъ оказать полезное вліяніе на Украину Россійскую. Всѣмъ извѣстно, что Галиція уже съ 1863 г. служить мѣстомъ, гдѣ печатаются украинскія произведенія, преслѣдуемыя русскою цензурою. Австрійская конституція дозволяетъ образованіе политическихъ обществъ, созваніе сходокъ, — а потому въ Австрійской Україні возможно напр. основаніе рабочихъ и крестьянскихъ союзовъ какъ по національностямъ, такъ и интернаціональныхъ. — изъ народностей, какія находятся и въ Россійской Україні: изъ украинцевъ, евреевъ, поляковъ и румыновъ. Образованіе такихъ союзовъ составляетъ теперь въ Австро-Венгерской Україні настоятельную необходимость, осуществленіе которой, по разнымъ причинамъ, врядъ ли можетъ быть исполнено теперь безъ помощи изъ Россійской Украины. Помощь эта была бы вознаграждена вліяніемъ упомянутыхъ обществъ и на Россійскую Украину, какъ по

*) Къ сожалѣнію, борьба эта, ведется сколько нибудь энергично только въ Галиціи, — а очень слабо въ Буковинѣ и вовсе не ведется въ Україні Венгерской, нравственно опустошенной московско-славянофильской пропагандой, которая призракомъ московскаго панрусизма сначала оторвала мѣстную интеллигенцію отъ народа, а за тѣмъ неизбежно предала эту безпочвенную интеллигенцію въ жертву аристократическому мадяризму.

**) Не невозможная вещь, что вліяніе украинскихъ областей въ Россіи на весь російскій государственный союзъ побудитъ послѣдній и къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австро-Венгріи, если въ послѣдней украинцы будутъ оставаться въ столь же невыгодномъ положеніи, какъ теперь.

средствомъ естественнаго, такъ сказать, всасыванія, такъ и примѣромъ и опытомъ, который, по установленіи политической свободы въ Россіи, могъ бы быть прямо перенесенъ въ Россійскую Украину. Вотъ почему извѣстно, хотя бы пока и косвенное, участіе въ дѣлахъ Австро-Венгерской Украины особенно интересно для тѣхъ изъ членовъ «Вольнаго Союза», которые имѣютъ болѣе интернаціональныя стремленія и держатся социалистическихъ идей, не находящихъ себѣ теперь приложенія въ Россіи. Наконецъ это участіе полезно для украинцевъ россійскихъ вообще, такъ какъ оно ведетъ къ установленію связей ихъ съ западно-европейскою политическою жизнью, безъ всякаго сомнѣнія болѣе сложною и вышею, но развитію всѣхъ ея отиравленій, а потому и могущей служить школой для всѣхъ общественныхъ дѣятелей въ Россіи.

Изъ сказаннаго нѣсколько выше, слѣдуетъ, что мы представляемъ себѣ Украину, не только какъ единицу этнографическую, но и какъ страну съ извѣстною однородностію географическихъ и экономическихъ условій, — а потому тѣмъ болѣе не можемъ имѣть въ виду исключительно только украинское населеніе этой страны, забывая различія инородческихъ колоній, въ ней водворившіяся. Жизнь которыхъ, какъ это излнине и доказывать, не можетъ не быть тѣсно связана съ жизнью народа украинскаго и на оборотъ. Поэтому привлеченіе въ свою среду членовъ изъ этихъ колоній и установленіе при ихъ посредствѣ соглашеній между украинскимъ населеніемъ и упомянутыми колонистами къ обоюдной пользѣ, является, по нашему мнѣнію, для украинскаго Союза дѣломъ очень важнымъ. Въ случаѣ необходимости, въ «В. Союзѣ» могутъ образоваться особые отдѣлы изъ такихъ инородческихъ членовъ, или вообще специально назначенные для особаго воздѣйствія на разныхъ колонистовъ въ видахъ скорѣйшаго привлеченія ихъ къ общимъ цѣлямъ Союза».

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что кромѣ общихъ дѣйствій въ упомянутыхъ цѣляхъ, представители разныхъ колоній могутъ быть полезны для разныхъ отдѣльныхъ, но существенно важныхъ для всего населенія украин-

скихъ областей цѣлей. Для направленія рѣшенія внутреннихъ дѣлъ въ Украинѣ Россійской изъ колонистовъ въ ней имѣютъ особенное значеніе: румыны (въ Херсонской губ.), поляки и великоруссы и кромѣ того евреи и нѣмцы. Колонисты румыны, поляки и великоруссы важны особенно потому, что они представляютъ отпрыски народовъ-сосѣдей украинцамъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и въ Австріи (румыны въ Буковинѣ и поляки въ Галиціи) и служатъ естественною связью между украинскими народами и этими сосѣдями. За тѣмъ въ частности о политическомъ значеніи поляковъ и великоруссовъ надо замѣтить слѣдующее:

Поляки въ Россійской Украинѣ являются въ видѣ: 1) отдѣльныхъ лицъ, изъ болѣе или менѣе привилегированныхъ классовъ, 2) цѣлыхъ крестьянскихъ поселковъ (въ Подоліи и въ странѣ по Зап. Бугу) и 3) мѣщанъ, составляющихъ значительный процентъ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно Волынско-Полѣсского края. Конечно, интересы и стремленія значительной части поляковъ перваго рода сильно расходятся съ интересами украинскаго народа, а потому «Вольному Союзу» слѣдуетъ ожидать себѣ изъ этой среды значительнаго и разнообразнаго противодѣйствія. Но извѣстная часть поляковъ этого рода, болѣе образованная и гуманно развитая, и теперь уже сознаетъ невозможность установленія польскаго государства надъ украинскимъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, а также необходимость экономическихъ и нравственныхъ уступокъ украинскому народу. Пониманіе своего положенія, а также привычки и естественная любовь къ родному краю должны побуждать этихъ поляковъ къ желанію самоуправленія этого края. А такъ какъ у поляковъ вообще довольно сильно развиты стремленія къ свободѣ и при этомъ довольно свѣжи воспоминанія о прежнемъ, (хотя и не совершенномъ, по своей ссловности) самоуправленіи провинцій по литовско-польскому праву, то можно надѣяться на извѣстный процентъ изъ теперешняго польскаго дворянскаго класса въ Россійской Украинѣ,

который вполне искренно может присоединиться къ «Вольному Союзу». Постаповка вопроса о правахъ чело-вѣка и гражданина въ уставѣ этого Союза должна, кажет-ся, вполне удовлетворить и національныя стремленія такихъ поляковъ, по скольку онѣ состоятъ въ желаніи оградить свою національность, а не навязать ее дру-гимъ. Что же касается до польскихъ поселковъ, а так-же горожанъ, то та же постаповка вопроса о личныхъ правахъ, и кромѣ того о самоуправленіи общинномъ, въ которомъ могутъ найти себѣ обезпеченіе и выра-женіе національно-культурные интересы всякаго сколь-ко нибудь крупнаго меньшинства населенія въ каждой области, — на столько можетъ удовлетворить ихъ на-ціональныя стремленія, что сочувствіе и поддержка «Вольному Союзу» со стороны этой части польскаго населенія будетъ зависѣть только отъ степени зна-комства ея съ его стремленіями.

Колонисты великорусскіе могутъ быть раздѣ-лены на группы, подобныя вышеприведеннымъ поль-скимъ раздѣленіямъ, и до нѣкоторой степени находят-ся въ подобныхъ же отношеніяхъ къ украинскому на-селенію. Различіе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ великорусскомъ крестьянскомъ и мѣ-щанскомъ населеніи гораздо сильнѣе идеи монархи-ческія, чѣмъ въ польскомъ, и если съ одной стороны въ образованныхъ великоруссахъ и въ овеликорушен-ныхъ дворянахъ на Украинѣ не такъ сильны, какъ въ соответственныхъ польскихъ и ополяченыхъ слояхъ, стремленія сословныя, но за то въ нихъ существуютъ стремленія государственно-централистическія, какъ у людей, принадлежащихъ къ народности господствующей въ государствѣ. Эти послѣднія стремленія могутъ быть ослабляемы вліяніемъ изъ коренныхъ великорус-скихъ областей, особенно изъ окраинныхъ, въ кото-рыхъ идеи децентрализаціи тѣмъ скорѣе могутъ взять верхъ, что тамошніе жители легче, чѣмъ колонисты среди подчиненной народности, могутъ увидѣть, что государственно-національная централизація и не даетъ имъ вовсе никакой существенной выгоды и лишаетъ ихъ самихъ свободы и самоуправленія.

Изъ евреевъ значительная часть, капиталисты и ихъ ближайшіе агенты, конечно, имѣтъ экономическіе интересы противоположные интересамъ украинскаго народа и отчасти потому уже, — какъ это показываютъ и примѣры западноевропейскихъ странъ (Германія и Австрія) въ которыхъ евреи составляютъ сколько нибудь значительный процентъ населенія, скорѣе должна стать на сторону политической централизаціи, нежели самоуправленія, особенно уѣзднаго и областного. Но среди украинскихъ евреевъ есть извѣстная часть (среднимъ числомъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$) населенія вполне производительнаго труда (ремесленники, земледѣльцы), которые могутъ быть, при посредствѣ образованныхъ и гуманно развитыхъ людей изъ числа украинцевъ и евреевъ, вполне сближены съ украинскимъ народомъ. А кромѣ того у всего теперешняго еврейскаго населенія на Украинѣ есть извѣстные интересы и стремленія, подходящія къ изложенной выше программѣ. Такъ евреи способны вполне сознательно желать осуществленія всей полноты правъ человека и гражданина, по этой программѣ, и ограниченія произвола властей, а также самоуправленія общиннаго; — послѣднее въ виду того, что евреи у насъ живутъ густыми массами, составляя во многихъ общинахъ большинство населенія. Наконецъ евреи, какъ принадлежащіе къ религіи только терпимой по законамъ Россіи и какъ собственно не имѣющіе уже духовенства, не могутъ не быть сторонниками полной вѣротерпимости, даже въ ея крайнемъ примѣненіи, — въ полномъ раздѣленіи церкви отъ государства (согласно пункту е раздѣла А 1 § III-ей статьи нашего проекта Устава.) Евреи повсюду въ Западной Европѣ способствовали ослабленію клерикальнаго элемента въ политикѣ, — а при огромномъ, сравнительно, количествѣ ихъ въ Россіи, евреи вмѣстѣ съ другими многочисленными же разнѣвцами и сектантами, могутъ тѣмъ болѣе успешно помочь достиженію этой существенной для развитія всѣхъ народовъ цѣли.

Нѣмцы на Украинѣ — преимущественно крестьяне, которыхъ если и можно въ чемъ нибудь упрекнуть по

отношенію ихъ къ туземцамъ, то развѣ только въ отчужденности, нѣсколько высокомерной. Въ послѣднее время отчужденность эта стала ослабѣвать, и между лицами и кружками обонхъ племенъ устанавливается видимая связь въ религіозныхъ братствахъ, извѣстныхъ обыкновенно подъ именемъ пугачевыхъ. Въ этомъ отношеніи вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ на украинцевъ вполне соответствуетъ нашимъ нѣмцамъ. Вліяніе это помогаетъ возвращенію украинскаго народа на путь къ реформаціи, на который народъ этотъ было вступилъ въ XVI в., — (когда среди него распространился кальвинизмъ и даже социновскій антитринитаризмъ, когда и православныя церковныя братства заявляли стремленія подчинить клиръ свѣтскому обществу), — и съ котораго пути сбили украинскій народъ только исключительно несчастныя обстоятельства (Брестская Унія съ ея послѣдствіями, опустошительныя войны, подчиненіе украинской церкви московской и т. п.) Протестантское же движеніе, проявляющееся въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Украины, при поддержкѣ колонистовъ-нѣмцевъ, конечно, подталкиваетъ украинскій народъ на путь вседѣлаго освобожденія разума отъ всякихъ путъ. Вслѣдствіе этого украинское политическое общество должно поддерживать начавшееся сближеніе между украинскимъ народомъ и нѣмцами-колонистами въ интересѣ перваго. Что же касается до самихъ этихъ колонистовъ, то члены такого общества должны поставлять имъ на видъ, что такъ какъ теперь прошло уже время льготъ и привилегій, которыя давало имъ царское правительство Россіи, — то благосостояніе, развитіе и сама религіозная свобода колонистовъ можетъ быть теперь обезпечена только посредствомъ политическихъ вольностей, общихъ всему населенію государства, особенно посредствомъ огражденія правъ человѣка и гражданина и общиннаго самоуправленія, каковыя вольности могутъ быть приобрѣтены только совокупными усиліями всѣхъ элементовъ населенія Россіи.

Таковы важнѣйшія изъ точекъ соприкосновенія меж-

ду интересами украинскаго народа и интересами различнаго рода колонистовъ на Украинѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при надлежащемъ разъясненіи этихъ точекъ и при систематическомъ дѣйствіи «Вольнаго Союза» по отношенію ко всѣмъ элементамъ населенія Украины и ея сосѣдей, возможно, — въ однихъ случаяхъ скорѣе, въ другихъ медленнѣе, — привлеченіе представителей всѣхъ этихъ элементовъ къ содѣйствію «Вольному Союзу» для достиженія его ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣлей.

Сказанное сейчасъ прилагается къ такимъ колонистамъ, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній украинскаго народа въ предѣлахъ Россіи. Но между колонистами на Украинѣ есть и другіе, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній заграничныхъ, теперь не такъ бросающихся въ глаза, но тѣмъ не менѣе не послѣдней важности. Это болгары и греки, крымскіе татары и отчасти упомянутые уже румыны. Колонисты эти связываютъ населенія Украины съ народами балканскаго полуострова, съ которыми одни уже географическія условія, какъ напр. то, что выходи изъ омывающаго берега Украины и принимающаго всѣ ея рѣки Чернаго моря (съ Азовскимъ) на великіе международныя водныя пути (Средиземноморскій и Суэцкій) лежитъ чрезъ проливы, отдѣляющіе Балканскій полуостровъ отъ Азіи, — приводятъ украинскія населенія въ ближайшее соприкосновеніе. Извѣстно, какое значеніе имѣетъ для всей Россіи т. наз. восточный вопросъ. Этотъ вопросъ навязанъ Россіи, которая, пока была только великорусскимъ государствомъ балтійско-каспійскаго бассейна, совершенно была далека отъ этого вопроса, — только присоединеніемъ къ ней украинскихъ областей (черноморскаго бассейна), — и не можетъ быть рѣшенъ только одною виѣнскою дѣятельностью государства. Благопріятное для всѣхъ ближайше заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ народовъ (жителей бассейновъ черноморскаго и средиземноморскаго) разрѣшеніе этого вопроса можетъ быть съ російской стороны достигнуто только культурно-эконо-

мическимъ развитіемъ населеній Юга Россіи (преимущественно украинцевъ и румыновъ) невозможнымъ безъ политической ихъ свободы, безъ которой также невозможно и симпатическое отношеніе къ російскому государственному союзу народовъ балканскаго полуострова и вообще средиземноморскаго бассейна.

Въ извѣстной степени входитъ въ область вѣтшей политики и вопросъ объ отношеніяхъ украинцевъ къ полякамъ, такъ какъ поляки живутъ не только внутри Россійской имперіи, какъ колонисты среди украинцевъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ, и какъ нація отдѣльно, — но и въ Австріи и въ Пруссіи. Въ Австріи поляки находятся теперь въ положеніи націи господствующей и именпо надъ украинцами, но въ Пруссіи они сами подчинены націи нѣмецкой, какъ въ Россіи великорусской. Хотя и въ средѣ російскихъ поляковъ еще довольно крѣпко идетъ объ «исторической Польшѣ», т. е. польскомъ государствѣ, владѣищемъ и Литвою, Бѣлоруссіей и Украиной, — но все таки у нихъ уже развивается идея о равноправности подчиненныхъ когда то польскому государству народовъ съ польскимъ, — и изъ среды російскихъ поляковъ, особенно живущихъ въ коренной польской области, какъ и изъ среды поляковъ прусскихъ, въ послѣднее время выходятъ все чаще голоса, осуждающіе нетерпимость господствующихъ въ Галиціи польскихъ партій по отношенію къ украинцамъ. Вслѣдствіе упомянутаго двойственнаго положенія поляковъ и двойственнаго же отношенія поляковъ къ украинскому народу двойнымъ должно оказаться и отношеніе къ нимъ «Вольнаго Союза». Нечего и говорить, что всякаго рода стремленіе поляковъ къ возстановленію историческаго польскаго государства можетъ встрѣтить только противодѣйствіе со стороны украинскаго Союза. Но за то движеніе къ добытію для польскаго населенія правъ человека и гражданина и самоуправленія для этнографически польской области должно быть признано соотвѣтствующимъ цѣлямъ этого Союза. Украинцы не могутъ позволить себѣ высказывать съ рѣшительностію свои мнѣнія о практическихъ вопросахъ другихъ на-

родовъ. — а потому и мы не беремся говорить рѣшительно о вопросѣ объ такомъ или иномъ отдѣленіи польской области Россіи въ особое государство, — но все же думаемъ, что преобразование Россіи на началахъ политической свободы, согласно напр. пункту III-му I-ой ч. настоящаго проекта, могло бы, по крайней мѣрѣ на долго, удовлетворить существеннѣйшіе интересы польскаго населенія въ Россіи, — какъ въ коренной польской области, такъ и въ колоніяхъ. Присоединеніе же поляковъ къ совмѣстному дѣйствію противъ теперешняго русскаго правительства для установленія въ Россіи политической свободы, согласно этому пункту, по нашему мнѣнію увеличило бы силу освободительнаго движенія въ Россіи, — а потому достиженіе соглашенія съ поляками на этихъ началахъ должно составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ украинскаго Союза*). За тѣмъ разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи, — по крайней мѣрѣ въ существеннѣйшихъ для практическихъ интересовъ польскаго населенія чертахъ. — при совокупномъ дѣйствіи представителей всѣхъ славянскихъ племенъ ея, — несомнѣнно оказало бы вліяніе и за границей Россіи, между прочимъ и на улучшеніе положенія поляковъ въ Пруссіи, — а также и на улучшеніе отношеній между поляками и украинцами въ Австріи. Здѣсь

*.) Какъ воплотить личное мнѣніе, мы позволимъ себѣ замѣтить, что отдѣленіе польской области отъ Россіи собственными усиліями поляковъ не имѣетъ вѣроятностей успѣха и врядъ-ли было бы выгодно для польскаго племени, при всѣхъ настоящихъ условіяхъ политической жизни въ Европѣ. Не говоря уже о томъ, что для привислянскаго польскаго населенія врядъ ли было бы выгодно въ экономическомъ да и въ нравственномъ отношеніи отдѣленіе отъ областей Днѣпровскаго бассейна (а только объ отдѣленіи «Привислянскаго края» и можетъ быть сколько нибудь серьезная рѣчь) — но даже и это отдѣленіе могло бы совершиться только при помощи Германской имперіи, которая конечно поставила бы польскую область въ подчиненное себѣ положеніе. Вотъ почему мы бы теперь подали голосъ противъ всякой практической поддержки украинцами польскаго сепаратистическаго движенія и поставили бы цѣлю усилій украинскихъ политическихъ дѣятелей въ отношеніяхъ съ поляками — привлеченіе послѣднихъ къ программѣ превращенія Россіи въ свободно-союзное государство.

уже одно нравственное давленіе поляковъ російскихъ и прусскихъ, конечно, при извѣстной энергіи самихъ украинцевъ, подѣйствовало бы на ослабленіе нетерпимости ихъ соплеменниковъ и на образованіе между ними партіи демократической, которая бы признала, что совокупная работа съ украинцами для блага народовъ польскаго и украинскаго составляетъ болѣе достойное нашего времени дѣло, чѣмъ тѣ проявленія національной, сословной и религіозной исключительности, какіе мы видимъ теперь въ Австрійской Польшѣ и Украинѣ.

Конечно, вопросы болѣе или менѣе далекаго будущаго и вопросы внѣшней политики не могутъ на столько заботить членовъ украинскаго Союза, какъ вопросы ближайшіе и политики внутренней, но совершенно закрывать глаза на первые, особенно въ виду того, что событія, — какъ это много разъ было и въ послѣднее время, напр. въ 1861—63 и 1875—78 гг. — могутъ во всякую минуту выдвинуть ихъ на первый планъ, — не позволительно для людей, выходящихъ на политическую дѣятельность. Необходимо по этому, чтобы украинскій Союзъ держался опредѣленнаго взгляда и на внѣшнюю политику Россіи, по скольку она косвенно и прямо связана съ украинскими интересами, и поддерживала какъ внутри Россіи, такъ и за границей извѣстные, наиболѣе вѣрные и въ то же время наиболѣе отвѣчающіе этимъ интересамъ взгляды на эту политику, впродъ до тѣхъ поръ, пока участвующія въ общемъ самоуправленіи всѣхъ областей Російскаго государственнаго союза украинскія области получать возможность непосредственно оказывать свое вліяніе на направленіе внѣшней политики этого союза.

Къ пункту 1, разд. А, § I статьи III-ей. Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ провозглашенное между прочимъ французскимъ конституціоннымъ актомъ 24 іюня 1793 г. (*Declaration des droits de l'homme et du citoyen*, art. 11) было неоднократно признано англійскими судами. Напр. въ правленіе королевы Анны полицейскій (констебль) хотѣлъ арестовать одного человека въ своей компетенціи и

слѣдовательно не законно; одинъ прохожій оказалъ помощь арестовываемому, и въ завязавшейся борьбѣ констебль былъ убитъ. Двѣнадцать судей подъ предсѣдательствомъ Lord chief justice Гольта рѣшили, что «случай ареста лица незаконною силою достаточно оправдываетъ сострадательное рѣшеніе проходящаго поспѣшить на помощь этому лицу; что всякое нарушеніе свободы подданнаго есть вызовъ всѣмъ подданнымъ короля Англіи, что всякій имѣетъ основаніе принять къ сердцу Актъ habeas corpus и т. п.» (Laferrière, Les Constitutions d'Europe et d'Amérique, 1869, 423—424).

Къ примѣчанію II къ раздѣлу А въ статьѣ III-ей. Сознательные и дальновидные сторонники свободы въ С. Америкѣ, среди самаго вооруженнаго возстанія за независимость, не побоились, ни по военнымъ, ни по политическимъ соображеніямъ, постановить, что «никто, кромѣ лицъ, входящихъ въ составъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ или состоящихъ въ дѣйствующемъ ополченіи, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть подчиненъ уставу военного положенія (martial-law), ни подвергнутъ наказаніямъ на основаніи этого устава. (29 § конституціи шт. Мерилендъ).

Къ § 1-му раздѣла Б, статьи III. Въ перечисленіи единицъ мѣстнаго самоуправленія существующая въ Россіи административная и земская единица,—губернія, опущена и замѣнена новою, — областью. Эта послѣдняя впрочемъ не можетъ называться вполнѣ неслыханнымъ нововведеніемъ, — такъ нѣчто подобное ей представляютъ теперь округа учебные и судебные, генераль-губернаторства, а въ прошломъ представляли губерніи Петра Великаго.

Теперешнія губерніи, выкроенныя для чисто административныхъ цѣлей и по канцелярскимъ соображеніямъ, часто совершенно случайнымъ, представляются единицами совершенно неудобными для интересовъ земскихъ. Земская единица, средняя между уѣздомъ и государствомъ, должна бы соединять въ себѣ слѣдующія условія: 1) обнимать собою края однородные по характеру земли и населенія, 2) быть достаточно населен-

ною, чтобы имѣть средства для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ, но все же совершенно неносильныхъ уѣздамъ, (напр. канализацію, орошеніе и осушеніе почвы, содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній и т. п.) 3) достаточно обширною, чтобы ея представительство стоило въ извѣстномъ отдаленіи отъ болѣе мелкихъ дѣлъ уѣзда и въ то же время, чтобы оно могло имѣть вѣсь предъ государствомъ, т. е. чтобы въ первомъ случаѣ оно могло не стѣснить, а во второмъ ограждать мѣстное самоуправленіе. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворилъ теперешній губерніалъ, — и потому то для нихъ должна быть образована новая земская единица: — область. Сознаніе ея необходимости уже и теперь проявляется въ обществѣ: въ ходатайствахъ многихъ земствъ о сѣздахъ изъ нѣсколькихъ губерній, объ учрежденіи извѣстныхъ кафедръ при высшихъ школахъ, существующихъ для цѣлаго округа, объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній для нѣсколькихъ губерній и т. п. *). Такъ какъ вся административно-политическая практика Россіи съ к. XVIII в. не благопріятствовала объединенію и даже сознанію областныхъ интересовъ, то, конечно, теперь трудно сразу намѣтить точно областное подраздѣленіе Россіи, которое можетъ быть только результатомъ заявленій уѣздовъ. Въ экстренномъ случаѣ можно бы было остановиться на учебныхъ или судебныхъ округахъ, съ тѣмъ чтобы въ областныя собранія, созванные по этимъ округамъ, представлены были соображенія собраній уѣздныхъ относительно распредѣленія уѣздовъ по областямъ. Мы позволяемъ себѣ предполагать, что предоставленные на ихъ волю уѣзды распредѣлились бы въ области, въ родѣ тѣхъ, какія мы рѣшились намѣтить въ примѣчаніи къ объясняемому теперь пункту.

За основаніе этого дѣленія мы брали не одинъ какой либо признакъ земли или населенія, а по возможности совокупность особенностей края: природныхъ, которыя обуславливаютъ единство хозяйственныхъ интере-

*) См. объ этомъ между прочимъ «Земскую хронику» въ «Вольномъ Словѣ» № 61—62.

совъ его жителей, а также особенностей національныхъ, опредѣляющихъ единство ихъ интересовъ нравственныхъ, при чемъ мы обращали преимущественное вниманіе на особенности перваго рода. Собственно національныя права ограждаются, по мысли нашего проекта Устава, признаніемъ правъ человѣка и гражданина, которыхъ они составляютъ часть. Въ силу этого признанія всякій національный языкъ, — главный и имѣющій наиболѣе практическаго значенія признакъ національности, — т. е. языкъ сколько нибудь значительной группы населенія, долженъ пользоваться неотъемлемымъ правомъ употребленія въ школѣ, судѣ и др. публичныхъ учрежденіяхъ. За тѣмъ самоуправленіе общинное и уѣздное достаточно можетъ оградить неприкосновенность національныхъ языковъ въ обученіи, особенно начальномъ, гдѣ это особенно нужно для успѣха дѣла. Конечно, и область должна служить огражденію и развитію нравственныхъ интересовъ національности, — но когда эти интересы достаточно ограждены другими условіями, тогда, при рѣшеніи вопроса объ устройствѣ областей, можно, вполне безъ страха за національные интересы, обратить особенное вниманіе на интересы другого порядка, напр. хозяйственные. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашего предположенія раздѣленія областей Россіи допущена смѣшанность населенія, въ другихъ населеніе одной національности раздѣлено на нѣсколько областей, какъ это имѣетъ мѣсто особенно относительно національностей многочисленныхъ и занимающихъ обширныя страны, какъ напр. великоруссы и украинцы, которыя если бы они составляли даже особня государства, то все же должны бы были, во избѣжаніе неудобствъ централизаціи, быть раздѣлены на области. Вообще въ поясненіе и оправданіе предлагаемаго здѣсь на судъ общества проекта областного раздѣленія Россіи можно сказать, что оно больше соотвѣтствуетъ раздѣленію Швейцаріи, чѣмъ тому, къ которому стремятся національныя политики Австрійской имперіи: въ Швейцаріи живетъ населеніе трехъ крупныхъ національностей: французской, нѣмецкой и итальянской, и двухъ малочисленныхъ разнородностей романскаго племени (т.

наз. рестороманцы въ кантонѣ Граубюнденскомъ) — и всѣ эти національности пользуются каждая въ своемъ мѣстѣ полными правами, но въ политическомъ отношеніи населеніе швейцарское сгруппировано не въ національныя области, а въ кантоны, изъ которыхъ многіе имѣютъ смѣшанный національный составъ.

Изъ предположенныхъ нами областей Россіи требуютъ особыхъ оговорокъ:

1. Область Балтійская. Одинаковыя хозяйственныя условія земли Эстонской (въ тѣнѣр. Эстляндской губ. и сѣв. части Лифляндской) и Латышской (въ ю. части Лифл. губ. и въ Курляндіи), а также одинаковое распространеніе въ нихъ нѣмецкаго населенія заставляютъ соединить эти земли въ одну область. Къ ней естественно должны принадлежать латышскіе уѣзды Витебской губ., оторванные отъ Лифляндіи совершенно случайно и ничего общаго съ бѣлорусскою землею въ нравственномъ отношеніи не имѣющіе.

2. Область Литовская естественно должна обнимать собою и большую часть губ. Сувальской. Последняя населена литовцами и до раздѣла Польши входила въ составъ Литвы и только потому попала въ Царство Польское 1815 г., что передъ тѣмъ, будучи по дипломатическому глазомѣру прирѣзана къ Пруссіи, а потомъ отрѣзана отъ нея въ совершенно искусственное Наполеоновское Герцогство Саксонское, попала за тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ во власть Россіи, при чемъ и осталась въ новообразованномъ Царствѣ Польскомъ 1815 г., благодаря полному невѣжеству русскаго правительства въ дѣлахъ его областей. Кромѣ племеннаго родства, всѣ экономическіе интересы тянутъ эту часть Литвы къ Нѣману, къ остальной Литвѣ, а не къ Вислѣ и Польшѣ.

3. Область Польская опредѣлена нами, сообразно этнографическимъ границамъ польскаго племени на Востокъ, а также экономическому тяготѣнію населеній по Вислѣ и Нареву къ Варшавѣ.

4. Предположенное нами очертаніе области, которую мы назвали Полѣскою, конечно, исполнѣ противурѣчить теперешнимъ административнымъ дѣлені-

ямъ этой мѣстности, но за то, по нашему мнѣнію, вполне отвѣчаетъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ ея, экономическимъ интересамъ населенія и даже прежнимъ историческимъ ея дѣленіямъ. Забужская Украина (б. Холмская епархія) попала въ Ц. Польское 1815 г. и остается въ немъ по причинамъ, подобнымъ тѣмъ, по которымъ попала туда и Занѣманская Литва. Даже во время существованія Польши въ союзѣ съ В. Кн. Литовскимъ, (не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, когда областная группировка была еще свободнѣе и натуральнѣе) — эта Забужская Украина, — окрестности Холма, Бѣлой, Сѣдльца, — отдѣлялась отъ чисто-польскихъ воеводствъ Мазовецкаго, Люблинскаго, а входила въ составъ восточныхъ русскихъ провинцій: земли Холмской, воеводства Подляскаго и Брестскаго (входившаго въ В. Кн. Литовское). Характеръ большинства населенія (русины) и экономическое тяготѣніе къ Бресту говорятъ и теперь въ пользу отдѣленія этихъ краевъ отъ Польской области. Край же Брестскій, по населенію, принадлежитъ тоже къ украинскому племени, и по географическимъ условіямъ и экономическимъ интересамъ принадлежитъ къ одной области съ Полѣсьемъ, краемъ по Припяти, по которой и распространялась почти до самаго Мозыря граница воеводства Брестскаго въ В. Кн. Литовскомъ, такъ что сѣверная граница этого воеводства почти совпадала съ теперешней границей украинскаго племени съ бѣлорусскимъ. Далѣе одпвъ взглядъ на карту ясно показываетъ, что края по рр. Туріи, Стири и Горыни, — до р. Случи, — составляющіе собственную Волинь (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ казенной Волинской губерніей, какъ это дѣлаютъ казенные учебники, даже писанные извѣстными учеными, въ родѣ г. Иловайскаго) тѣсно связаны съ вышеупомянутымъ Припетскимъ краемъ. Такимъ образомъ вся предположенная нами Полѣсская область является естественнымъ цѣлымъ, части котораго связывались и прежде рѣчными системами, а теперь чрезвычайно счастливымъ образомъ связываются цѣлою системой желѣзныхъ дорогъ: Жмеринско-

Брестской. Здолбуново-Бродской, Ковельско-Ивангородской. Пинско-Жабинской и строящейся Ровенско-Пинско-Виленской. Область эта, имѣющая по своимъ природнымъ богатствамъ, все шансы для развитія, назначена играть важную роль между Украиной, Польшей и Литвой, какъ Харьковская область, на другомъ концѣ Украины, — роль между этой послѣдней и Великороссіей.

5. Область Одесская, по нашему предположенію, должна заключать въ себѣ между прочимъ все румынское населеніе Россіи, провести прямую границу между которымъ и населеніемъ украинскимъ не только въ Херсонской губ., но и въ самой Бессарабіи, совершенно не возможно. Выдѣлять же въ особую область Бессарабію (1.052.000 жит., изъ коихъ 49% о румыновъ, 31% украинцевъ) не экономно, по причинѣ малой величины этой области, и не удобно для національныхъ интересовъ херсонскихъ румыновъ (около 110.000).

6. Въ областяхъ великорусскихъ, какъ они предположены нами, распределяются въ каждой и однородныя группы племенъ финноуральскихъ и тюркскихъ.

Къ § 3 статьи III-ей; къ примѣчанію I. Примѣчаніе это составлено въ виду того, что поголовная подача голосовъ есть, конечно, система наиболѣе справедливая въ идеѣ, но на практикѣ, при выборахъ депутатовъ отъ извѣстныхъ чисто пространственныхъ округовъ, она обращается въ представительство чисто механическаго, часто зависящаго отъ ловкости избирательныхъ комитетовъ, а то и отъ административныхъ давленій, большинства. Вслѣдствіе этого въ большей части западноевропейскихъ государствъ, гдѣ существуетъ эта, по видимому столь демократическая, система, собственно демось, а особенно крестьяне, представлены въ парламентахъ гораздо меньше, чѣмъ даже при классовой системѣ выборовъ (напр. въ австрійскихъ сеймахъ или нашихъ земствахъ). Вотъ почему желательно было бы, чтобы, не отступая отъ положенія, что каждый гражданинъ долженъ имѣть право непосредственнаго голоса, наши избирательные

законы не сгоняли бы избирателей въ чисто механическія массы, — а чтобы избирательные сходы были составлены изъ лицъ близкихъ мѣстностей, а также однородныхъ занятій, — напр. землевладѣльцы и земледѣльцы, — ремесленники и торговцы, — люди духовныхъ занятій (т. наз. свободныхъ профессій) и т. п. *) Представительство меньшинства, — вещь справедливая во всякомъ случаѣ, — является особенно необходимымъ въ округахъ съ смѣшаннымъ національнымъ составомъ. По немногу оно входитъ въ практику свободныхъ странъ, — такъ напр. оно уже существуетъ въ Англіи, по закону 1867 г., по которому въ округахъ, гдѣ выбирается болѣе 3 депутатовъ, никакой избиратель не можетъ подавать голосъ болѣе чѣмъ за двухъ кандидатовъ, такъ что меньшинство имѣетъ всегда по крайней мѣрѣ одного представителя на 3 выборахъ отъ большинства. — Примѣчаніе наше введено въ программу, для того чтобы обратить на вопросъ организаціи представительства вниманіе тѣхъ лицъ отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать разработки его примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ.

Къ §§ 4—9 статьи III-ей. Параграфы эти имѣютъ цѣлью намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ основы мѣстнаго самоуправленія преимущественно относительно заведыванія дѣлами общественнаго хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія, и только отчасти относительно устройства административно-полицейскаго. Подробности отложены до дальнѣйшей разработкѣ членовъ «Вольнаго Союза», а также до практикѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, начало мѣстнаго самоуправленія должно будетъ бороться съ началомъ централизаціи. Намъ кажется наиболѣе существеннымъ въ настоящее время устройство по изложеннымъ принципамъ органовъ мѣстнаго самоуправления съ разными кругами дѣятельности, — отъ общинныхъ до областныхъ, — и предоставленіе имъ возможно бо-

*) Напомнимъ, что къ этому вопросу подошли уже въ Россіи люди практики: земскія собранія, напр. Владимірское губ. земство и Моск. уѣздн. управа (см. «Земство», 1881, № 43 и 52).

лѣе всецѣлаго и съ наибольшею самостоятельностью завѣдыванія дѣлами, наиболѣе близкими повседневнымъ интересамъ населеній, т. е. дѣлами общественнаго хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія. Самостоятельное вѣданіе этими дѣлами упрочило бы существованіе органовъ мѣстнаго самоуправленія и дало бы оснзательныя основанія для постепеннаго расширенія круга ихъ вѣдѣній, включая въ него и дѣла административно-полицейскаго характера.

Мы не имѣли и не имѣемъ въ виду писать подробные проекты административной и полицейской реформы въ Россіи, — работа, которая требуетъ болѣе спеціальнаго изученія и всесторонняго обсужденія людьми кабинета и практики. Мы имѣли въ виду по этому вопросу намѣтить только такіе пункты, которые слѣдуетъ считать основными въ дѣлѣ огражденія политической свободы, въ двухъ ея кругахъ: свободы личной и самоуправления.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и та и другое могутъ быть ограждены тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе органы полиціи и администраціи на всѣхъ своихъ ступеняхъ будутъ поставлены въ зависимость отъ самаго населенія, будучи назначаемы прямыми или косвенными выборами. А потому, конечно, наиболѣе желательнымъ было бы и для насъ то полицейское и административное устройство, какое существуетъ въ федеративныхъ республикахъ Швейцаріи, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и т. п. Но мы не можемъ обольщать себя надеждою на скорое осуществленіе подобныхъ желаній на почвѣ Россіи, — гдѣ радикальное примѣненіе выборности (прямой или косвенной) полицейскихъ и административныхъ лицъ и отсутствіе по областямъ политическихъ представителей центральной власти (какъ отсутствуютъ они въ кантонахъ и штатахъ названныхъ федеральныхъ республикъ, безъ всякаго однакожъ ущерба для общихъ союзныхъ интересовъ, достаточно охраняемыхъ одними союзными властями) встрѣтитъ препятствіе не только въ монархическихъ преданіяхъ, но и въ предрассудкахъ государственной централизаціи, развитыхъ

долгой исторіей во всѣхъ большихъ государствахъ материка Европы. А потому слѣдуетъ думать, что въ ближайшемъ будущемъ административно-полицейское устройство въ Россіи выйдетъ только соглашеніемъ начать самоуправленія и централизаціи, выборности и назначенія, и слѣдуетъ заранѣе примириться съ этимъ, если при томъ будутъ ограждены интересы лицъ и мѣстныхъ коллективностей въ ихъ самыхъ существенныхъ, повседневныхъ дѣлахъ.

Необходимо чтобы этотъ компромиссъ былъ выполненъ честнымъ и откровеннымъ договоромъ, который бы съ одной стороны предоставлялъ органамъ мѣстнаго самоуправления извѣстную широту дѣйствія, а съ другой стороны полагалъ бы строго опредѣленные предѣлы вмѣшательства назначаемыхъ сверху администраторовъ въ рѣшенія органовъ этого самоуправления и ставилъ бы судью между ними исполнѣ самостоятельное учрежденіе, которое не могло бы руководствоваться въ своихъ приговорахъ ни чѣмъ другимъ, кромѣ законовъ. На основаніи этихъ соображеній можетъ быть допущена на условіяхъ, намѣченныхъ во II-мъ примѣчаніи къ объясненію параграфа должность областного намѣстника, назначаемого главою государства, по только этотъ намѣстникъ вовсе не долженъ быть ни «хозяиномъ области» по отношенію къ администраціи вообще, какому хотѣли сдѣлать прежняго губернатора, ни властелиномъ надъ органами самоуправления, какому въ сущности остался теперешній губернаторъ въ Россіи. Соединеніе областныхъ (нынѣ губернскихъ) административныхъ учреждений подъ властію одного администратора не нужно ни для какихъ реальныхъ интересовъ ни областей, ни государства, даже централизованнаго. Нынешнія учрежденія губернскія: финансовыя, почтовые, контрольныя и т. п., могли бы распределиться по Россіи согласно своимъ цѣлямъ и мѣстнымъ условіямъ, независимо отъ областныхъ подраздѣленій, — подобно тому какъ и теперь распределяются учрежденія судебныя, независимо отъ раздѣленій административныхъ, — и будучи органами соответственныхъ общегосударственныхъ учреждений не нужда-

ются еще въ мѣстномъ ихъ объединеніи, но существу дѣла совершенно формальномъ.

Областное намѣстничество могло бы существовать безъ вреда только какъ посредникъ между органами мѣстнаго самоуправленія и правительствомъ центральнымъ. Областной намѣстникъ могъ бы имѣть право протеста противъ дѣйствій и постановленій органовъ мѣстнаго самоуправления, въ случаѣ нарушенія ими основныхъ законовъ и общихъ интересовъ государственнаго союза, съ тѣмъ чтобы протесты противъ органовъ сельскихъ и волостныхъ разсматривались напр. въ уѣздномъ сѣздѣ мировыхъ судей (который вообще могъ бы быть апелляціонной инстанціей на сельскія и волостныя учрежденія) а въ случаѣ несогласія мирового сѣзда съ намѣстникомъ, переносилась бы въ Сенатъ, — который бы разсматривалъ и протесты намѣстника противъ дѣйствій и постановленій управъ и думъ городскихъ и уѣздныхъ. О дѣйствіяхъ же и постановленіяхъ управъ и думъ областныхъ намѣстникъ могъ бы только представлять свои заключенія на усмотрѣніе министерства, которое одно бы имѣло право опротестовывать ихъ, каковыя протесты разсматривались бы въ Сенатѣ въ общемъ собраніи его департаментовъ съ призваніемъ къ объясненію уполномоченныхъ отъ областной думы. Въ пособіе намѣстнику по вѣдѣнію этихъ дѣлъ надзора за органами мѣстнаго самоуправления могъ бы быть учрежденъ областной совѣтъ, половина членовъ котораго могла бы назначаться правительствомъ, а другая избиралась бы областными думами.

Что касается до устройства полиціи, — важнаго особенно по отношенію, какое имѣетъ оно къ вопросу объ огражденіи личной ооводы, — то мы считаемъ существеннымъ условіемъ послѣдняго — избираемость, прямую или косвенную, чиновъ полиціи въ уѣздахъ и городахъ и отвѣтственность ихъ предъ уѣздными и городскими думами *). За тѣмъ, кто собст-

*) Мы разумѣемъ здѣсь собственно полицію безопасности, такъ какъ полиція благоустройства, по смыслу § 8, должна принадлежать прямымъ органамъ самоуправления общиннаго, волостнаго и уѣзднаго.

венно будетъ выбрать этихъ чиновъ (инспекцихъ исправниковъ и полиціймейстеровъ), — соответственные ли думы (городскія и уѣздныя, или тѣ и другія вмѣстѣ) или управы, каковы будетъ способъ назначенія подчиненныхъ этимъ чинамъ агентовъ, — это вопросы второстепенные, равно какъ и вопросъ о подчиненности полиціи министерству внутреннихъ дѣлъ, — (преимущественно политическому), — или же министерству юстиціи, (что казалось бы намъ болѣе уместнымъ) а также вопросъ о нужности и устройствѣ областной полицейской инстанціи. Избирательность чиновъ полиціи, или назначеніе ихъ избранными управами, — существующее напр. въ кантонахъ Швейцаріи, — конечно, является чѣмъ то въ родѣ ереси для бюрократіи и доктринеровъ государственности, но оно не представляетъ ничего особенно новаго даже для русской практики, а тѣмъ болѣе для теоріи. Еще до 1862 г. въ Россіи существовали уѣздные исправники, избираемые дворянами, и хотя они, какъ вообще русскія учрежденія стараго времени, не оставили по себѣ доброй памяти, но по меньшей мѣрѣ ничѣмъ не были хуже теперешнихъ уѣздныхъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, а въ свое время были, конечно, приличіе правительственныхъ городничихъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ общество и печать въ Россіи сознавали неудовлетворительность полицейскаго устройства вообще и сословности земской полиціи, но не думали отказываться отъ принципа выборности въ этомъ отношеніи, а напротивъ желали его расширенія, при всесословности. Въ такомъ духѣ состоялись въ 1858 — 60 гг. адреса и ходатайства, напр. адресъ нѣкоторыхъ депутатовъ редакц. комиссіи по кр. дѣлу, дворянскихъ собраній Владимірской, Орловской, Нижегородской и др. губ., адресъ петербургскаго дворянскаго собранія, спеціально направленный противъ предположеній о преобразованіи уѣздной полиціи на началахъ, осуществленныхъ въ 1862 г., и требовавшій въ замѣнъ того всесословнаго самоуправленія. (См. въ «Матеріалахъ для ист. упраздн. крѣп. сост.», т. 2. и въ «Вольномъ Словѣ» 1883, № 56 «Толците и отвер-

зется»). II въ послѣднее время, когда поднялся вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, многія земскія собранія высказались за избирательность уѣздныхъ начальниковъ или головъ и т. п. или по крайней мѣрѣ въ пользу представленія земствомъ правительству или сенату нѣсколькихъ кандидатовъ на такія должности. (См. напр. въ «Земствѣ» 1881 г. № 24, мнѣніе Павлоградскаго земства, въ № 17 — Спасскаго, ряз. губ. въ № 36, 43 — Владим. губ. з., въ № 41, Черниговскаго, въ № 52 — Моск. уѣздн. з. упр. и т. д. въ «Вольномъ Словѣ» 1883 г., № 52 мнѣніе Костромскаго губернскаго земства, въ «Русск. Мысли» 1883, Декабрь. О преобразованіи мѣстнаго управленія: мнѣнія Воронежской и Калужской земскихъ комиссій, Псковскаго губ. земск. собранія и др.)

Къ § 12 статьи III. Предварительное разсмотрѣніе всѣхъ финансовыхъ законовъ въ областныхъ думахъ существенно необходимо въ виду разнообразія экономической жизни областей Россіи. При такомъ способѣ законодательства не были бы возможны напр. разрушительныя для украинскихъ областей постановленія, въ родѣ теперешнихъ законовъ объ акцизѣ съ водки, табаку и т. п. По тѣмъ же причинамъ необходима и извѣстная доля законодательной самостоятельности областей Россіи. II теперь административныя и судебныя учрежденія, избирательные порядки, самое гражданское законодательство имѣютъ свои отличія напр. въ Балтійскихъ губерніяхъ, въ Ц. Польскомъ, Бессарабіи, за Кавказомъ, въ Козацкихъ земляхъ и даже въ губерніяхъ бывшей Гетманщины Малороссійской, не говоря уже о т. ваз. инородцахъ. Но только теперь допущеніе и опредѣленіе мѣстныхъ учреждений и законоположеній зависитъ всецѣло отъ центральной бюрократіи, обыкновенно являющейся чуждой въ дѣлахъ областей. Предполагаемое нашимъ проектомъ предоставленіе всѣхъ этихъ дѣлъ въ дѣлю областныхъ собраній можетъ только обезпечить большую разумность въ приспособленіи учреждений и законовъ къ разнообразію жизни областей, не устраняя выработанныхъ областными представителями

проэктовъ отъ контроля учрежденій все-государственныхъ.

Къ § 13 статьи III. Наслѣдственно-аристократическій характеръ англійской палаты лордовъ и разныя, болѣе или менѣе неудачныя подражанія ей въ новѣйшихъ конституціяхъ государствъ Западн. Европы создали въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ, — особенно французскихъ и тѣхъ, на какіе они имѣютъ вліяніе, — предубѣжденіе противъ двухъ палатъ, какъ противъ учрежденія будто бы недемократическаго и стѣснительнаго для прогресса. Но проектируемая нами Союзная Дума имѣетъ себѣ подобіе не въ верхнихъ палатахъ или сенатахъ европейскихъ государствъ, а въ Сенатѣ С. А. М. Соединенныхъ Штатовъ или Совѣтѣ Кантоновъ (Conseil des Etats) Швейцарскомъ. Эти учрежденія, — представители интересовъ штатовъ, или кантоновъ, не имѣютъ въ себѣ, какъ извѣстно, ничего ни противудемократическаго, ни обязательно консервативнаго. Назначеніе союзныхъ палатъ состоитъ не въ томъ, чтобъ тормозить движеніе впередъ палатъ національныхъ или государственныхъ, а въ томъ, чтобъ останавливать рѣшенія и дѣйствія, какъ центральнаго правительства, такъ и государственныхъ палатъ, противныя существеннымъ интересамъ каждой изъ областей. Эти же рѣшенія и дѣйствія сами по себѣ могутъ быть реакціонны, какими напр. оказались: установленіе смертной казни, стѣсненіе свободы печати, противу-соціалистическій законъ и т. п. постановленія германской Національной Палаты (Reichstag), противныя общественному мнѣнію и даже законамъ разныхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи. Принявъ во вниманіе, что въ Германской имперіи Союзный Совѣтъ (Bundesrath) представляетъ не палаты союзныхъ государствъ, а правительства ихъ, можно сказать, что имперія эта собственно не имѣетъ союзной палаты и такимъ образомъ являетъ собою примѣръ государства съ одной національной палатой, — но, какъ видно и изъ указанныхъ примѣровъ, быстрою прогресса далеко не отличается. Вообще же объ условіяхъ прогресса при

болѣе централизованнымъ, или союзномъ характерѣ политическаго устройства, слѣдуетъ сказать, — что первое дѣйствительно даетъ иногда возможность обнародовать законы и принимать мѣры прогрессивнаго характера раньше, чѣмъ необходимость ихъ сознается дѣйствительнымъ большинствомъ населенія во всѣхъ частяхъ государства. Но за то централизація же даетъ возможность принимать мѣры и реакціоннаго характера, противныя желанію большинства, не только въ разныхъ отдѣльныхъ областяхъ, но часто и всей страны. А наконецъ и въ первомъ случаѣ прогрессивное законодательство становится чисто фиктивнымъ, такъ какъ силою удобнѣе разрушать, чѣмъ созидать, и насильственное приложеніе самихъ прогрессивныхъ идей, раньше, чѣмъ создалось въ пользу ихъ общественное мнѣніе, производитъ только раздраженіе, которое, благодаря именно централизованному политическому строю, суммируется наконецъ и въ единой палатѣ и приводитъ къ отміну прогрессивнаго законодательства, столь же быстрой, какимъ было его установленіе. Устройство союзное не способно къ такимъ качаніямъ политическаго маятника и потому дѣлаетъ прогрессивное движеніе болѣе реальнымъ и безповоротнымъ. Кромѣ того оно даетъ отдѣльнымъ областямъ союза, находящимся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для развитія, просторъ для принятія у себя прогрессивныхъ мѣръ раньше, чѣмъ онѣ могли бы быть проведены чрезъ центральное законодательное учрежденіе, и такимъ образомъ оправдать ихъ опытомъ и тѣмъ создать сильнѣйшее доказательство въ пользу ихъ необходимости. Такъ въ Швейцаріи всѣ прогрессивныя мѣры въ пользу народнаго образованія были дѣломъ кантоновъ; кантоны же ввели у себя въ разныхъ формахъ и непосредственное народное законодательство (referendum и инициатива); наконецъ отдѣльные же кантоны взяли на себя починъ и фабричнаго законодательства гораздо раньше федеральнаго фабричнаго закона 1877 г. Такъ уже съ 50-хъ годовъ нѣсколько кантоновъ (а Тургау даже съ 1815 г.) ограничили работу дѣтей и женщинъ и ввели фабричную инспекцію; съ 1864 г. кантонъ

Гларусъ ввелъ гуманныя ограниченія въ работу взрослыхъ и мужчинъ (нормальный день въ 11 часовъ, ограниченіе ночной работы и т. п.) Гларусу послѣдовали и нѣкоторые другіе кантоны и когда, при случаѣ общей ревизіи федеральной конституціи, былъ предложенъ въ 1875 г. общій фабричный законъ, то онъ почти цѣликомъ взятъ былъ изъ испытаннаго уже гларусскаго закона (1864—1872). Если теперь федеральные фабричные инспекторы жалуются на помѣхи, которыя имъ дѣлаютъ мѣстныя власти остальныхъ кантоновъ,— то это вовсе не опровергаетъ всего сказаннаго выше о благотворномъ вліяніи децентрализаціи на свободу и прочность прогресса. — Россію очень трудно вообще сравнивать съ западными государствами, а по вопросу о децентрализаціи тѣмъ больше, что въ Россіи области превосходятъ величиною нѣмныя государства, но и въ Россіи характерно то обстоятельство, что такіе вопросы, какъ объ отмѣнѣ подушной подати, объ обязательномъ выкупѣ, съ пониженіемъ платежей, о крестьянскихъ банкахъ, инспекціи фабрикъ и т. п., были подняты раньше центрального правительства въ провинціальныхъ земскихъ собраніяхъ, которыя, конечно, и приступили бы къ ихъ практическому разрѣшенію, если бы имѣли для того свободу въ дѣйствительномъ самоуправленіи.

Къ § 16 статьи III. Положеніе это введено въ видахъ сохраненія государственныхъ имуществъ, какъ общаго всему населенію государства запаса, — сохраненія отъ продажи центральною государственною властью, которая можетъ смотрѣть на эти имущества только какъ на удобнѣйшее подспорье въ бюджетныхъ затрудненіяхъ, — (причина, по которой многія западноевропейскія государства быстро лишились подобнаго запаса) а равно и отъ расточительности тѣхъ областей, въ которыхъ въ настоящее время государственный имуществъ, особенно земли, — находятся въ излишкѣ, сравнительно съ ихъ теперешнею населенностію (причина, по которой области, предоставленныя самъ себѣ, быстро могутъ лишиться вышеупомянутаго запаса). Кому же естественнѣе всего ввѣрить охрану и распредѣленіе

этого запаса, какъ не Союзной Думѣ, которая соединяетъ въ себѣ уполномоченныхъ отъ каждой области и въ цѣломъ является представительницею всего государства? Никакого преимущества надъ Государственною Думою этотъ пунктъ Союзной Думѣ не даетъ, а просто только передаетъ заведываніе государственными имуществами въ руки того учрежденія, которое наилучше сможетъ охранить и употребить ихъ на пользу населенія всѣхъ областей государства.

Къ статьѣ IV. Если во всякомъ дѣлѣ сущность важнѣе формы и во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ фактическое пользованіе извѣстной вещью важнѣе отвлеченнаго права на другую, хотя бы и большого размѣра, то и въ дѣлѣ политической свободы вопросъ о личныхъ правахъ и мѣстномъ самоуправленіи долженъ быть важнѣе вопроса о государственномъ представительномъ правленіи. Нечего и доказывать, что для каждаго лица неприкосновенность его индивидуальныхъ правъ гораздо существеннѣе права его вліять даже прямо, а особенно косвенно, — на ходъ государственныхъ дѣлъ. За тѣмъ изъ числа дѣлъ общественныхъ наибольшее число и при томъ дѣлъ наиболѣе близко касающихся интересовъ каждаго лица, принадлежатъ къ дѣламъ мѣстнымъ, а потому изъ всѣхъ видовъ самоуправления наиболѣе реальнѣе интересъ для наибольшаго числа отдельныхъ лицъ можетъ имѣть самоуправленіе мѣстное. Конечно, и это самоуправленіе можетъ быть исполнѣе обезпечено только самоуправленіемъ государственнымъ, при формѣ республиканской или по крайней мѣрѣ при монархіи конституціонной. Но еслибъ пришлось выбирать между двумя половинами цѣлаго, — съ одной стороны, между самоуправленіемъ мѣстнымъ, при правахъ личныхъ, съ сохраненіемъ (по силѣ вещей, временнымъ) даже самодержавно-монархической формы правленія государственнаго, и съ другой между представительнымъ государственнымъ правленіемъ безъ свободы личной и мѣстнаго самоуправления, то, конечно, выборъ слѣдовало бы сдѣлать въ пользу перваго. Въ большихъ государствахъ только мѣстное самоуправленіе устраняетъ управ-

леніе бюрократическое, которое собственно и составляет самую темную, самую тяжкую для населенія принадлежность новѣйшихъ самодержавныхъ монархій.

Исторія новоевропейскихъ государствъ показываетъ, что населеніе легко примиралось съ единоличнымъ рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ. и даже, при извѣстной степени своего политическаго развитія и при извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ, находило власть монархическую для себя полезною до тѣхъ поръ, пока монархи не обставили себя чиновническою іерархіею, — а сохраняли и даже расширили мѣстное самоуправленіе, при администраціи или выборной или по крайней мѣрѣ назначаемой короной изъ мѣстныхъ лицъ, а также пока монархи не нарушали системы разныхъ личныхъ и корпоративныхъ правъ и привилегій. Только тогда, когда европейскія монархіи стали принимать форму централизованно-бюрократическихъ государствъ, которую теперь сохранила въ наиболѣе неприкосновенномъ видѣ имперія Россійская, европейскіе народы стали возставать противъ монархическаго правленія. — при чемъ оказалось, что только тѣ народы и успѣли установить у себя прочную политическую свободу, въ которыхъ удары возстаній направлены были на главное зло самодержавной монархіи, — на бюрократію, и въ которыхъ успѣло сохраниться или заново устроиться мѣстное самоуправленіе. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ либеральная оппозиція была направлена преимущественно на вышнюю форму центрального правительства, не только не достигалось дѣйствительное освобожденіе населенія, но даже не упрочивалась сама представительная форма центрального правительства.

Разсматривая политическую исторію Швейцаріи, Нидерландовъ, Шотландіи и Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, — странъ, которыя и до сихъ поръ остались образцами политически свободныхъ государствъ на земномъ шарѣ, — мы видимъ, что въ нихъ политическія революціи направлялись прежде всего противъ несвязанной съ мѣстнымъ населеніемъ бюрократіи, которой развитіе эти революціи успѣли приоста-

новить въ самомъ началѣ, равно какъ и сохранить самоуправленіе корпоративное, общинное и земское*). Въ рамкахъ этого самоуправления успѣли въ этихъ странахъ развиться права человека и гражданина, которыя наконецъ и были систематизированы въ конституціяхъ разныхъ штатовъ сѣверо-американской союзной республики (начиная съ Виргиніи, 1 іюня 1776 г.), изъ которыхъ идея этихъ правъ перенесена была въ законодательство Франціи и другихъ странахъ Европы.

Къ несчастію, во Франціи, какъ и въ большей части государствъ материка Европы, государственная централизациа съ ея неизбежной принадлежностію, — бюрократіей, успѣла развиться на столько, что привычки ея привились и къ самому либеральному движенію, которое по этому приняло сразу ошибочное направленіе. Французскіе либералы времени великой революціи сосредоточили все свое вниманіе на вопросѣ о формѣ центральнаго правительства, — мѣстное же самоуправленіе не только не устроили, но даже уничтожили и тѣ здоровые остатки его, которые еще пощадила бюрократія «старого порядка» въ управленіи провинцій, городовъ и сельскихъ общинъ.

Но примѣру американскихъ республикъ, права человека и гражданина были провозглашены во Франціи

*) Ссылаемся на оппозицію швейцарскихъ кантоновъ австрійскимъ фогтамъ, (а не императорской власти, которую кантоны долго признавали и на привилегіи, полученныя отъ которой долго опирались) на борьбу нидерландскихъ общинъ и сословій за свои права противъ испанскихъ наместниковъ, на неудовольствіе шотландцевъ противъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ и при томъ изъ иностранцевъ (французовъ) въ регентство Маріи Лотарингской (1554—1560), на Petition of Right англійскаго парламента 1628, протестующую противъ произвольныхъ дѣйствій королевскихъ чиновниковъ, командировъ и тайнаго совѣта, наконецъ на декларацію независимости Соединенныхъ Штатовъ С. Америки 1776 г., которая между прочимъ жалуется на то, что англійское правительство «надѣлало п насало въ страну рой новыхъ чиновниковъ, которые беспокоятъ нашъ народъ и пожираютъ его достатокъ».

съ большою торжественностью въ 1789, 1791 и въ 1793 г. какъ «права прирожденныя, независимыя отъ писаннаго закона, неотчуждаемыя и священныя» (*droits naturels et imprescriptibles, inaliénables et sacrés*); затѣмъ республиканскою конституціей 1793 г. обѣщаны были либеральнѣйшія учрежденія, въ родѣ избирательной администраціи и даже суда, и прямого участія народа въ законодательствѣ. Но политики французскаго Народнаго Собора (*Convention Nationale*) поставили себѣ главною цѣлью, во что бы то ни стало придать республиканскую форму своему государству и при томъ установить республику «единую и нераздѣльную». А такъ какъ при этомъ они смѣшивали идею о свободѣ съ идеей о «верховности общей или народной воли» или «народномъ самодержавіи» (какое смѣшеніе особенно опасно въ большомъ централизованномъ и разноразичномъ государствѣ) то надежды, что революція осуществитъ во Франціи идеалъ политической свободы, оказались тщетными. Народный Соборъ самъ считъ себя представителемъ народного самодержавія и, сосредоточивъ въ себѣ всѣ власти (законодательную, исполнительную и судебную), сталъ передавать это самодержавіе разнымъ своимъ комитетамъ, — при чемъ всего менѣе уважалъ признанныя и имъ самимъ права человека и гражданина, который, по существу своему и по буквѣ самихъ декларацій 1789 и 1793 гг., должны были быть неприкосновенны даже и для «общей воли», — приостановилъ и наконецъ отмѣнилъ и всю составленную имъ самимъ и утвержденную примымъ народнымъ голосованіемъ конституцію.*). Республиканцы-централисты якобинскаго клуба обольщали себя и другихъ надеждою, что такая политика будетъ только «моментальною организаціей деспотизма свобо-

*) Впрочемъ еще раньше этого ослѣщенія конституціи самодержавнымъ народомъ и даже прежде составленія ея, Народный Соборъ предпріимъ два изъ самыхъ существенныхъ ея положеній, провозгласивъ «республику единую и нераздѣльную» и назначивъ смертную казнь и за монархизмъ, и за федерализмъ.

ды для разрушенія деспотизма царей» (Слова Marat и Робеспьера). Но на самомъ дѣлѣ за диктатурою Народнаго Собора послѣдовалъ, — и вполнѣ естественно, — рядъ разнообразныхъ, сопровождавшихся убійствами и административными ссылками, переворотовъ (*coup d'état*) которые совершались все тоже во имя «общаго или народнаго спасенія» (*salut public, salut du peuple*) пока послѣдній изъ нихъ не установилъ, — опять во имя «верховой власти народа» (*volonté souveraine du peuple*) — единоличную диктатуру Наполеона I, которая также естественно обратилась въ наследственную монархію. «Народная же воля», упрямая, даваемая совершавшимися фактами и лишенная, чрезъ отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, не только должныхъ преградъ для ея деспотизма, но и естественныхъ кадровъ для своего просвѣщенія въ общественныхъ дѣлахъ и для своего правильного выраженія, попускала всѣ эти перевороты и даже освящала ихъ своимъ голосованіемъ, всякій разъ когда фактическіе «представители» ея обращались къ ней за ея голосомъ; такъ она одобрила конституцію 1795 г., какъ прежде конституцію 1793 г. и потомъ въ 1799 г. десятилетнее, а въ 1802 пожизненное консульство Наполеона, а въ 1804 г. наследственную имперію. Дальнѣйшимъ неизбежнымъ послѣдствіемъ всего этого ошибочнаго направленія великой революціи по Франціи была шаткость всѣхъ ея политическихъ учреждений въ теченіи всего XIX ст. и то, что во Франціи и до сихъ поръ, не говоря уже о мѣстномъ самоуправленіи, нѣтъ той свободы личности, какая существуетъ не только въ федеральныхъ республикахъ Цвейцаріи или С. Америки, но и въ монархической Англіи *).

*) Чтобы понять всю разницу между политическими идеями федеральной республики С. Американской и «единой и нераздѣльной» республики Французской, по отношенію къ правамъ личности, — существеннѣйшимъ изъ политическихъ правъ, — достаточно будетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: Въ то время, какъ французскій Народный Соборъ во имя «народнаго самодержавія», сначала приговоря себѣ судебную власть надъ королемъ, а потомъ устанавливая революціонные суды (исключительные и связанные съ самымъ

Въ большей части материка Европы либеральное движеніе въ теченіе XIX в. пошло по типу французскаго, — чѣмъ и объясняется непрочность въ этихъ государствахъ даже самой представительной формы центральнаго правительства, которая во всѣхъ почти государствахъ этихъ отминаясь по нѣскольку разъ. Мало того, вообще неудовлетворительный съ точки зрѣнія всеобщей свободы централистическій парламентаризмъ, въ государствахъ съ разнонаціональнымъ соста-

Нар. Соборомъ) возводилъ на степень политическаго абсолюта не только «народную волю», но и «народную месть», и издавалъ инквизиціонные законы «о подозрительныхъ», — конституціи с. американскихъ штатовъ сразу позаботились объ огражденіи правъ человека и гражданина даже и отъ деспотизма «народнаго самодержавія», которое обыкновенно представляется собраніемъ законодательнымъ (если не столичною улицей). Такъ § 25 и 30 конституціи Массачусеттса постановлено: «Никто, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ измѣнѣ и государственномъ преступленіи законодательною властью. Въ правленіи этой республики департаментъ законодательный никогда не можетъ пользоваться властію исполнительною или судебною» и на оборотъ департаменты судебный и исполнительный никогда не выйдутъ изъ круга ихъ дѣлъ, — «для того чтобъ въ республикѣ этой существовало правленіе законовъ, а не правленіе людей». (Подобное въ конституц. Виргиніи, С. Каролины и др.) Интересно, что многіе французскіе политики времени революціи, ознакомившись съ конституціями отдѣльных штатовъ и конфедераций С. Америки, находили такія вещи, какъ дѣль палаты, раздѣленіе властей и самый федерализмъ, недостаточно демократическими и республиканскими! Были и во Франціи, особенно въ началѣ революціи, республиканцы, которые понимали свободу въ смыслѣ, близкомъ къ американскому. Такъ не говоря уже о Кондорсе, присоединившемся потомъ къ жирондистамъ, который считалъ необходимымъ провозглашеніе правъ человека для того, чтобъ обезопасить гражданина отъ тираніи «власти правительственной, судебной, военной, духовной и самой законодательной», самъ Камилль Демуленъ, потомъ дантонистъ, писалъ, что «выше общей вѣли стоятъ права природныя» (Condorcet. *Idées sur le despotisme, à l'usage de ceux qui prononcent ce mot sans l'entendre. — Déclaration des droits. — Lettres d'un gentilhomme à MM. du tiers état. 1789* C. Desmoulins. *La France Libre. 1789. Oeuvres, éd. 1874, I, 84—87*). Но и эти люди мало понимали необходимости учрежденій, которыя могли бы обезпечить эти прирожденные права, а кромѣ того слишкомъ поздно выступили противъ якобинскаго абсолютизма.

вомъ явился новымъ орудіемъ насилія надъ естественными правами и интересами населеній, — какъ это можно видѣть въ Австро-Венгріи, въ которой парламентарное правленіе стало средствомъ для господства нѣмцевъ и венгровъ надъ славянами и румынами и поляковъ надъ украинцами. Не мудрено, что парламентское правленіе здѣсь было поводомъ къ гражданской войнѣ (возстаніе славянъ и румынъ въ Венгріи въ 1848—49 гг.), было отмѣнено два раза съ 1848 г. и до сихъ поръ не упрочено. Необходимое развитіе государственной справедливости, черезъ уравниеніе правъ національныхъ, производится здѣсь больше прямымъ дѣйствіемъ короны и исполнительной власти, чѣмъ парламентскимъ законодательствомъ, — предзнаменованіе крайне опасное для будущаго представительныхъ учрежденій въ странѣ. При томъ же основатели централистическаго парламентаризма въ Австро-Венгріи, а особенно въ Цислейтаніи, — въ видахъ обезоруженія національно-федеральной оппозиціи, — должны были оставить исполнительной власти слишкомъ много простора для подавленія личной и общественной свободы (печати, сходовъ, обществъ), каковымъ просторомъ разныя партійныя министерства пользуются здѣсь въ широкой степени противъ оппозицій національно-политическихъ, а также противъ движенія социальнаго.

Было бы крайне печально, если бы всѣ эти уроки исторіи политической свободы въ разныхъ странахъ пропали даромъ для Россіи, которая тѣмъ болѣе должна бы не пропустить ихъ безъ вниманія, что многія условія ея жизни, начиная съ исторіи и преданій централизованнаго и національно-цетериннаго Московскаго Государства, заставляютъ опасаться, что развитіе ея политическихъ учрежденій можетъ пойти скорѣе по типу французскому, нежели англо-американскому. Правда, уже одна величина Россіи и крайняя нецѣлостность ея теперешняго бюрократическаго правленія возбуждаютъ въ умахъ ея обитателей мысль о необходимости пзвѣстнаго простора для мѣстнаго самоуправленія. Но для того, чтобъ это стремленіе было упрочено и пацло себѣ сознательное выраженіе и настойчивое при-

ложеніе на практикѣ, необходимо, чтобъ масса общества была систематически воспитывасма передовыми политическими дѣятелями въ идеяхъ, благопріятныхъ мѣстному самоуправленію, каковой систематичности, къ сожалѣнію, не замѣтно теперь въ русской политической литературѣ, внутренней и заграничной.

При первомъ сильномъ пробужденіи общественной мысли въ Россіи въ эпоху освобожденія крестьянъ вопросъ о политическомъ преобразованіи Россіи былъ поставленъ на рациональную дорогу. Дворянскія собранія 1860—1862 гг., единственные въ то время организованныя группы представителей образованнаго общества, потребовали прежде всего мѣстнаго «самоуправленія» (адрессы и пренія въ губ. Владимірской, Харьковской, Орловской, Тверской, Воронежской, Петербургской, Московской и др.; при чемъ Петербургское, Московское и Воронежское собранія прямо употребляли и слово «самоуправленіе»; см. Матерьялы для истор. освобожд. крестьянъ, т. 2; Вольное Слово 1883, №№ 56—57 Толщые и отверзется и Владимірскій адресъ; Русскія Вѣдомости, 1884, № 1, Двадцатиплѣтіе земства). Въ то же время въ исторической и политической литературѣ русской съ любовью развивались идеи самоуправления (въ историческихъ трудахъ П. В. Павлова, Костомарова, Щанова и др., въ переводныхъ сочиненіяхъ Токвиля, Лабуле, Милля*) въ популяризаціи трудовъ Гнейста, въ статьяхъ Герцена, Огарева, Бакункина и др.). Земскія учрежденія 1864 г. весьма мало отвѣчали требованіямъ общества, но встрѣчены были съ симпатіей именно какъ начало ожидаемаго самоуправления, и, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы стать прочнымъ для него исходнымъ пунктомъ. Но городскія учрежденія 1870 г. дали еще меньше простора дѣйствительному самоуправленію и при томъ еще болѣе, чѣмъ земскія, оперлись на цензовое начало, да еще въ самомъ неблагопріятномъ для общественнаго прогресса видѣ его, предоставивъ

*) Демократія въ Америкѣ, Старый порядокъ и революція, Государство и его предѣлы, О свободѣ и т. п.

веденіе городскихъ дѣлъ классу городскихъ капиталистовъ, наименѣ развитому въ общественномъ отношеніи изъ всѣхъ состоятельныхъ классовъ въ Россіи. Вообще же примѣненіе цензового начала, какъ въ земскихъ, такъ и въ городскихъ учрежденіяхъ, оказалось всего болѣе неблагопріятно классу образованныхъ мелкихъ собственниковъ, который по глубокимъ историческимъ причинамъ, въ Россіи является болѣе развитымъ въ общественномъ отношеніи и болѣе способнымъ стать выразителемъ общихъ интересовъ всѣхъ классовъ населенія. Этотъ то классъ, изъ котораго выходитъ въ Россіи болѣе людей свободныхъ профессій, оказался всѣхъ болѣе устранимымъ отъ органовъ земскаго и городского самоуправленія, въ то время какъ сословное крестьянское устройство сельской общины и волости устранило всѣ образованные классы, въ томъ числѣ и классъ «благородныхъ разночинцевъ» и отъ участія въ сельскихъ учрежденіяхъ. Оторванный такимъ образомъ отъ мѣстныхъ дѣлъ классъ образованныхъ разночинцевъ сталъ терять и сознаніе важности мѣстнаго самоуправления въ политической жизни государства, и потому, съ новымъ пробужденіемъ соціального и политическаго движенія въ странѣ въ 70-е годы, люди этого класса стали обращаться къ мыслямъ государственнаго централизма. Въ нѣкоторыхъ «революціонныхъ» кругахъ появились даже опасныя для будущаго свободныхъ идей и учреждений въ Россіи признаки подражанія политической терминологіи и стремленія французскаго якобинства и при томъ иногда даже съ отбѣнкомъ наполеоновской его эпохи *).

Правда, что въ кругахъ «земцевъ» мысль о мѣстномъ самоуправленіи не только не замерла, но, какъ это можно видѣть и по мнѣніямъ земскихъ собраній о реформѣ административной, и разрабатывалась въ послѣдніе годы. Но дальнѣйшее политическое развитіе

*) Подробнѣе объ этомъ мы говорили въ «Историч. Польша и Великорусская демократія», «Народная Воля о централизациі революціонной борьбы», «Къ біографіи А. И. Желябова» и «Календарь Народной Воли» (Волын. Слово, № 61—62).

Россіи естественно будетъ дѣломъ совокупнаго дѣйствія разныхъ слоевъ населенія, а не однихъ только захваченныхъ нынѣшними земскими учрежденіями, особенно если эти послѣдніе будутъ дѣйствовать въ вопросѣ полит. преобразованія Россіи съ столь малою энергіей, какую они показали до сихъ поръ. А потому чрезвычайно важно, чтобы, — при распространеніи среди «земцевъ» идея о необходимости общегосударственнаго представительства для самаго упроченія и развитія мѣстнаго самоуправленія, — въ классахъ разночинскихъ распространилось сознаніе недостаточности центрапаго парламентаризма для реализаціи политической свободы. Вместе съ тѣмъ необходимо, конечно, чтобы всѣ эти круги приступили какъ можно скорѣе къ дружному напору на теперешнее правительство Россіи, заставивъ его уступить мѣсто правительству представительному.

Послѣдніе годы, кажется, наглядно показали, что само по себѣ теперешнее правительство Россіи не способно помириться ни съ какимъ видомъ независимаго представительства, даже самаго скромнаго. Не говоря уже о первыхъ временахъ дѣйствія земскихъ учреждений, когда правительство съ какимъ то безумнымъ озлобленіемъ всячески преніяствовало ихъ дѣятельности, но даже въ эпоху нѣкотораго покаянія его, — во время «вѣяній» гр. Лорисъ-Меликова, — правительство упустило время уступокъ мѣстному самоуправленію, которые могли бы нѣсколько отдалить настоятельную необходимость центрапаго представительства, и при томъ даже не безъ пользы для развитія реальной политической свободы въ Россіи. Надо сознаться, что дѣйствительно созваніе удовлетворительнаго общегосударственнаго представительства въ Россіи теперь дѣло не легкое. Оно затрудняется отсутствіемъ земскихъ учреждений въ цѣлой западной половинѣ Европейской ея части, не говоря уже о Кавказѣ и Сибири. Къ тому же практика земскихъ учреждений и въ губерніяхъ «реформенныхъ», подъ гнетомъ бюрократіи и урѣзокъ правительственныхъ даже въ Положеніи 1864 г., при явной неудовлетворительности самаго этого Поло-

женія, особенно относительно ценза, слишкомъ пыскаго для личныхъ собственниковъ, не дали земскимъ учрежденіямъ возможности стать правильною школою представительнаго правленія и привлечь къ себѣ дѣйствительно лучшія силы населеній. Вотъ почему, при нормальномъ ходѣ вещей, было бы всего целесообразнѣе, еслибъ, при устраниніи искаженій земскаго Положенія, введенныхъ съ 1865 г., сначала было исправлено само это Положеніе согласно указаніямъ опыта, заключающимся въ ходатайствахъ многихъ земскихъ собраний, — что улучшило бы составъ земскихъ собраний, — еслибы полученнымъ такимъ образомъ болѣе дѣйствительнымъ земскимъ представителямъ уѣздовъ и губерній были предоставлены просторъ сѣздовъ и группировки областной, еслибы эти неуправленные и расширенныя земскія учрежденія были введены во всей Россіи, — и за тѣмъ уже было приступлено къ созыву общегосударственнаго представительства. Такого рода политика, (конечно, при амнистіи и огражденіи личныхъ правъ отъ всякаго рода жандармовъ, административныхъ ссылокъ и исключительныхъ судовъ) диктовалась самими обстоятельствами династіи и правительству въ эпоху свѣтлѣйшихъ, послѣ того, какъ періодъ нерѣшительныхъ реформъ и реакцій 60-хъ годовъ принесъ свои горькіе плоды въ внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи въ концѣ 70-хъ годовъ. Но обстоятельства показали, что ни у династіи Романовыхъ, ни въ окружающихъ ее правящихъ кружкахъ нѣтъ не только просвѣщеннаго патріотизма и политической мудрости, но даже умнаго инстинкта самосохраненія, для усвоенія подобнаго рода политики. А потому, въ настоящее время людямъ, сознавшимъ необходимость политическаго преобразованія Россіи, необходимо прежде всего добиться созванія общегосударственнаго земскаго собора, который бы устранилъ отъ правленія теперешніе правящіе кружки и вразумилъ, если не устранилъ, теперешнюю династію. Но необходимо при этомъ, чтобъ политическія общества, которыя будутъ вести агитацію въ пользу подобнаго переворота, на столько уяснили разнымъ слоямъ на-

селенія, важность мѣстнаго самоуправленія, чтобъ земскій соборъ не сдѣлался новымъ орудіемъ централизаціи и источникомъ новой бюрократіи и насилія надъ личностями и мѣстностями и чтобъ установленіе представительства въ Россіи было сразу же оперто на широкую основу правъ человека и гражданина и мѣстнаго самоуправленія. Последнее необходимо въ Россіи тѣмъ болѣе, что, при разбросанности ея населенія и слабости его образованія, въ этой странѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, угрожаетъ опасность подтасовокъ центральнаго представительства, а также всякаго рода направленныхъ на него *coups d'état*. отъ чего всего это представительство можетъ быть охранено только тогда, когда оно будетъ связано съ народными массами не формально, моментальными, болѣе или менѣе механическими, выборами, а реально, постояннымъ дѣйствіемъ посредствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправления, и когда это последнее живо заинтересуетъ населеніе въ дѣлѣ коллективнаго правленія *) Во всѣхъ этихъ видахъ, необходимъ, кромѣ постоянной пропаганды началъ самоуправления, приступъ, при первой возможности, къ созванію областныхъ представительныхъ собраній. Само собою разумѣется, что подобныя собранія должны стать дѣломъ первой необходимости для политическихъ дѣятелей на Украинѣ, если въ другихъ областяхъ противуправительственное движеніе пойдетъ вло или же если тамъ обнаружатся централистическія стремленія.

Къ статьѣ V. Политическая свобода сама по себѣ не можетъ быть цѣлью, а есть только условіе для обезпеченія жизни и развитія населенія посредствомъ ряда мѣръ социально-экономическаго и культурнаго характера, которыя могутъ быть безпрепятственно при-

*) Интересно, что уже и теперь въ русскихъ придворныхъ, аристо-бюрократическихъ кругахъ есть элементы, которые, видя слишкомъ уже большую нецѣльность теперешняго положенія самодержавія въ Россіи, подаютъ голосъ за парламентаризмъ, но только централистическій, такъ какъ они всего менѣе понимаютъ сущность теперешняго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, легче всего можетъ быть испровергнуто.

пять самоуправляющимся населением на свою пользу. Вот почему всякое сообщество, задавшееся целью политического освобождения известной страны, должно иметь кроме известного плана устройства самоуправления, — готовую программу мѣръ социально-экономического и культурнаго характера, которыми оно могло бы привлечь къ себѣ возможно большее число сообщниковъ и которыхъ, будучи осуществляемы, по достиженіи политической свободы, могли бы служить ей наиболѣе крѣпкой поддержкой.

Соціально-экономическая программа сообщества, имѣющаго первою цѣлью политическое освобожденіе населеній Россіи должна по силѣ вещей представлять собою среднее изъ стремленій всѣхъ элементовъ этихъ населеній, наиболѣе живо чувствующихъ недовольство теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Главныхъ элементовъ такихъ три: 1) масса народа, 2) образованные разночинцы, люди т. наз. свободныхъ профессій и 3) образованные собственники. Въ массѣ народа несомнѣнно существуетъ недовольство безтолочью и гнетомъ чиновническаго управленія, которое недовольство даетъ возможность распространенія среди нея, по крайней мѣрѣ среди болѣе развитыхъ ея членовъ, проповѣди идей политической свободы. Но рѣзче всего масса народа недовольна все болѣе возрастающимъ обѣдненіемъ своимъ, которому мечтаетъ увидѣть конецъ въ новомъ, болѣе или менѣе равномъ передѣлѣ земли. Образованные разночинцы, конечно, болѣе всего заинтересованы въ политической свободѣ, которая для нихъ представляетъ необходимое условіе существованія, не только нравственнаго, но и матеріальнаго, а для многихъ изъ нихъ, наиболѣе горячо относящихся къ идеямъ всеобщаго благосостоянія, — является необходимымъ условіемъ для распространенія этихъ идей. Эти разночинцы распределяются на двѣ группы, незамѣтными оттѣнками переходящія одна въ другую: либераловъ и социалистовъ. Послѣдніе еще не очень давно относились равнодушно къ политической свободѣ, и обращая вниманіе исключительно на экономическую сто-

рову жизни, проповѣдывали немедленную конфискацію силъ природы и орудій труда въ пользу чернорабочихъ классовъ, долженствовавшихъ быть устроенными въ коммунистическія ассоціаціи, и ждали осуществленія этого идеала отъ скорого простонароднаго возстанія. Либералы или не выходили подобную конфискацію справедливою, или не считали ее возможною въ настоящее время и указывали на политическую свободу, какъ на первую потребность для Россіи, при чемъ значительная часть ихъ предлагала извѣстный рядъ мѣръ къ улучшенію и матеріальнаго положенія чернорабочихъ массъ. Образованные собственники, — которые отчасти представляются нынѣшними земскими учрежденіями, — тоже выработали по дѣламъ соціально-экономическимъ и культурнымъ цѣлый рядъ проэктвъ въ пользу чернорабочихъ классовъ. Проэкты эти въ сущности согласны съ планами болѣе демократической части либераловъ-разночинцевъ, но конечно, далеки отъ идеи полной конфискаціи частной собственности.

Въ послѣдніе годы русскіе соціалисты, разочаровавшись въ надеждахъ на близкое осуществленіе ихъ идеаловъ посредствомъ простонароднаго возстанія, обратились значительной своей частію къ политической программѣ либераловъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы появились въ свѣтъ отъ пняи русскихъ соціалистовъ нѣсколько программъ и заявленій (въ литературѣ, въ судебно-политическихъ процессахъ и т. п.) долженствовавшихъ быть компромиссами между стремленіями соціалистовъ и либераловъ. Но такъ какъ составители этихъ компромиссовъ не отказывались вполне и отъ прежнихъ соціально-революціонныхъ надеждъ, то компромиссы эти представляютъ довольно неорганическую склейку требованій либеральныхъ, — преимущественно центрально-парламентарныхъ, — съ стремленіями соціально-революционными. Рядомъ съ тѣмъ другая часть русскихъ соціалистовъ выработала себѣ другія, столь же механическія склейки изъ стремленій, заявляемыхъ въ западноевропейской соціалистической литературѣ, и изъ домашнихъ, по большей части мистическихъ, представленій о стремленіяхъ

«русского народа» (народничество революционное). — а еще одна часть (народничество государственное) подобным же образом соединяет социалистическія стремленія съ надеждами на диктатуру, то революционную, то (даже послѣ всѣхъ горькихъ опытовъ!) легитимно-правительственную *)

*! Всѣ эти характеристики могли бы быть подтверждены указаніями на русскую литературу, «не-легальную», к кѣ и «легальную», на рѣчи, произнесенныя въ разныхъ политическихъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ, — но указанія эти частью не совѣтъ удѣлы, частью же излишни для понимающихъ дѣло. Наму крикну въ ближайшей части заговоренныхъ выше не-разумѣній и иллюзий, разоблачаемыхъ теоріей и практикой жизни образованныхъ странъ, любознательный читатель можетъ найти въ разныхъ нашихъ изданіяхъ, особенно въ «Листокъ Громади» (1878) «Громеда», т. IV, стр. 202 и слѣд. въ «Волын. Словѣ» (особ. въ статьяхъ «Историч. Польна и Велико-русская демократія» и въ нѣсколькихъ статьяхъ № 61—62). Въ послѣднее время болѣе наглядное знакомство съ политическою жизнью З. Европы вызвало и со стороны лицъ, причисляющихъ себя къ «русской социально-революционной партіи», мысли, отличныя отъ тѣхъ, какія высказываются во внутреннихъ социально-революционныхъ изданіяхъ, и въ то же время близкія къ тѣмъ, какія мы излагали въ упомянутыхъ нашихъ изданіяхъ и какія суммируемъ здѣсь. Таковы напр. мысли, высказанныя г. Ц. въ его статьѣ «Самодержавіе и ближайшія задачи его прогнаниковъ» въ № 60 «Волынаго Слова» и многія изображенія недавно вышедшей брошюры г. Плеханова «Соціализмъ и Политическая борьба», изданной отъ имени группы «Освобожденіе Труда», отказавшейся отъ прежняго имени «Черный Передѣлъ». Впрочемъ, указывая на эту брошюру, мы имѣемъ въ виду больше ея критическія замѣчанія объ ошибкахъ и иллюзіяхъ разныхъ русскихъ социально-революционныхъ группъ (которыя замѣчанія по нѣскольку разъ были высказаны нами въ разныхъ публикаціяхъ съ 1876 г.) чѣмъ ея положительныя мысли. Послѣднія или не развиты сколько нибудь опредѣленно (напр. по вопросу политическаго устройства Россіи) или же (по вопросу социальному) представляютъ рефлексивный переходъ отъ великорусскаго самобытничества бунтарско-народническаго характера къ подражанію одной изъ западно-европейскихъ партій. Цепогрѣшимую моделью для русскаго автора являются нѣмецкіе социально-демократическіе вожди, при чемъ онъ даже усиливаетъ ихъ доктринерскія иллюзіи о будущей «классовой диктатурѣ» рабочаго, фабрично-городскаго, пролетаріата. Русскимъ социалистамъ онъ ставитъ цѣлью тоже образованіе социалистической партіи изъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ, если и нѣмецкая со-

Результатомъ такихъ раздѣленій въ стремленіяхъ образованныхъ сторонниковъ прогресса и социальной справедливости въ Россіи является прежде всего отсутствіе должнаго единства въ борьбѣ съ политическимъ порядкомъ, отъ котораго нельзя уже ожидать ничего добраго для населенія. За тѣмъ неорганическое склеиваніе въ однихъ и тѣхъ же программахъ требованій политически-либеральныхъ и социально-революционныхъ, — отнимаетъ всякую возможность и скрѣпленіяго, а потому и дружнаго, союза даже между такими элементами образованнаго общества, которые

пятиная демократія слаба между прочимъ неспособностію привлечь на свою сторону крестьянство, — то русское подражаніе ей, въ странѣ преимущественно крестьянской, еще меньше можетъ быть признано рациональнымъ. Въ Россіи ужъ конечно нечего и думать о какой бы то ни было «диктатурѣ» класса фабрично-заводскихъ рабочихъ, если бы даже предитное отношеніе промышленнаго и земледѣльческаго населенія и дѣлало подобную диктатуру возможнымъ въ другихъ странахъ материка Европы. (Въ Англіи промышленностью обрабатывающею и горной, а также торговлей занимается 61⁰/₀ производительнаго населенія, во Франціи 29,4⁰/₀, въ Пруссіи 32,4⁰/₀. — а земледѣіемъ въ Англіи 17⁰/₀, во Франціи 37⁰/₀, въ Пруссіи 48⁰/₀. См. Якоба. Сравни. Стат. I, 106. Изъ Россіи статистика занятій весьма не полна, но по извѣстнымъ цифрамъ, сведеннымъ напр. въ календаріяхъ Суворина 1883—1884 гг. число фабрично-заводскихъ рабочихъ съ горными врядъ ли можетъ быть много выше 1⁰/₀ всего населенія). Въ Россіи программа, предлагаемая г. Плехановымъ социалистамъ, обрекла бы ихъ почти на полное безучастіе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ страны. — Самое интересное мѣсто въ социальной части брошюры г. Плеханова — это приглашеніе, обращенное къ русскимъ социалистамъ, «не пугать никого далекимъ пока краснымъ призракомъ» (соціальной революціи) — но жалъ, что я оно оставлено авторомъ безъ должнаго развитія — Еще болѣе жалъ, что въ предисловіи къ только что вышедшей второй брошюрѣ группы «Освоб. Труда» (Развитіе научнаго социализма. Фр. Энгельса. Съ предисловіемъ переводчицы В. З.) основная идея первой доведена почти до карикатуры: здѣсь говорится даже о «соціалистическомъ государствѣ», которое долженъ основать русскій фабричный пролетаріатъ, и обсуждаются условія, при которыхъ «мѣры, предпринимаемыя этимъ государствомъ, могутъ встрѣтить сочувствіе и поддержку въ массѣ крестьянскаго населенія!!» Подобными наивностями новая группа, которая могла бы имѣть извѣстное значеніе, подрываетъ себѣ всякое будущее.

одинаково признають насущнымъ дѣломъ въ Россіи установленіе политической свободы. Наконецъ существованіе среди образованныхъ людей въ Россіи пародниковъ государственныхъ угрожаетъ, при малѣйшей ловкости правительства, — большими еще раздѣленіями въ интеллигенціи и эскамотированіемъ вопросовъ и политическихъ, и социальныхъ, такъ какъ правительство диктаторіальное вообще, а русское царское въ особенности, съ его поверхностною и продажною бюрократіей, не въ состояніи сколько нибудь искренно и умѣло провести какія бы то ни было реформы въ пользу даже однихъ чернорабочихъ классовъ.

Прошлое многихъ областей Россіи, а особенно долгая оторванность нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ болѣе культурныхъ и свободныхъ странъ міра, крайнее развѣтіе царско-чиновническаго начала, притупившее въ населеніи чувство личнаго достоинства (эту естественную основу стремленія къ политической свободѣ) и породившее у многихъ мизантропическое недовѣріе къ человѣческой самодѣятельности, накопили въ Россіи не мало людей послѣдняго сорта, изъ которыхъ абсолютизмъ можетъ еще долго набирать себѣ примыхъ и косвенныхъ помощниковъ, которые могутъ даже вполне искренно обольщать себя претензіями на практичность своего политическаго поведенія и на соответствіе его «самобытнымъ» условіямъ русской жизни. Но какъ бы ни многочисленна была эта категорія людей между образованными людьми въ Россіи и какъ бы ни благонамѣренны были отношенія многихъ изъ нихъ къ «народу», — очевидно, они должны быть скинуты со счета при разсужденіяхъ относительно соединенія силъ, необходимыхъ для всесторонняго измѣненія теперешняго положенія Россіи. Соединеніе это возможно только между тѣми общественными группами, которые какимъ бы то ни было путемъ, но припили безповоротнo къ сознанію необходимости установленія въ Россіи политической свободы.

Но разсматривая даже эти группы въ настоящее время, неизбѣжно находишь, что соглашеніе напр. между либералами не только изъ собственниковъ,

но и изъ людей свободныхъ профессій, и между соціалистами въ Россіи не возможно до тѣхъ поръ, пока послѣдніе будутъ настаивать на болѣе или менѣе непосредственномъ примѣненіи коммунистическаго идеала и при этомъ, выставляя на видъ свое имя соціальныхъ революціонеровъ, будутъ обнаруживать желаніе примѣнить этотъ идеалъ непременно путемъ гражданской войны.

По существу дѣла, теорія государственнаго либерализма соответствуетъ въ сферѣ политики по соціальнымъ и культурнымъ вопросамъ теоріи прогрессивныхъ реформъ, а не революціи, какъ насильственнаго переворота *). Соціально-революціонная теорія, по существу своему, гораздо ближе къ теоріи абсолютизма, какъ и всякой другой диктатурѣ, чѣмъ къ либерализму. Въ то же время и съ практической, или, такъ сказать, тактической стороны дѣла, никакой искренней союзъ между общественными группами невозможенъ при слишкомъ большой, а особенно коренной, разницѣ ихъ стремленій, которая дѣлаетъ неизбежною взаимную борьбу этихъ группъ не только тогда, когда достигнута цѣль союза, но собственно и во время ихъ достиженія. При подобныхъ отношеніяхъ непременно по крайней мѣрѣ одна изъ союзныхъ сторонъ должна бы быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другой, — чего въ настоящее время трудно ожидать отъ сколько нибудь сознательной политической группы. На этихъ основаніяхъ со стороны тѣхъ группъ въ Россіи, которыя удерживаютъ за собою имя соціальныхъ революціонеровъ, совершенно непослѣдовательно обращаться къ «обществу», «интеллигенціи», «земцамъ», «либераламъ» съ рѣчью объ «общихъ интересахъ», съ предложеніемъ «союза» и т. п. вмѣсто того, чтобъ обращаться только къ «народу», — пролетаріату и крестьянамъ (собственно бѣднѣйшимъ изъ нихъ), призывая ихъ къ возстанію противъ всякаго рода собственниковъ и за

*) Либеральныя теоріи признаютъ политическія революціи, какъ средство устраненія государственнаго насилія, препятствующаго реформамъ, которыя могло бы производить самоуправляющееся населеніе.

тѣмъ уже противъ правительства, по столько, по сколько оно стоитъ за этихъ собственниковъ. И въ данномъ случаѣ, какъ и всѣхъ почти подобныхъ, непослѣдовательность эта въ то же время и безполезна и даже вредна, такъ какъ, при искренности вѣры въ близость социальной революціи въ Россіи, она только раздвигаетъ мысли и усилія самихъ сторонниковъ этой революціи: — при отсутствіи же этой вѣры, рѣчь объ этой революціи можетъ имѣть цѣлью только привлеченіе на сторону партіи, въ сущности не социально-революционной, сторонниковъ социального переворота, — пріемъ мало того что сомнительной нравственности, но и сомнительной полезности, такъ какъ имъ можно увлечь только очень наивныхъ людей, или очень молодыхъ, которые, при первомъ пробужденіи способности къ самостоятельному мышленію, не преминутъ замѣтить, какой игры они оказались орудіемъ. Во всякомъ случаѣ, если только разъ извѣстная часть социалистовъ въ Россіи сознала необходимость союза съ «обществомъ», разъ признала существованіе общихъ интересовъ у всѣхъ классовъ населенія, у всѣхъ прогрессивныхъ партій и т. п. хоть на данный моментъ, «на сегодня», — то столь же не послѣдовательно и для дѣла прогресса вредно отрицать покрайней мѣрѣ извѣстную долю этой общности интересовъ и на слѣдующій моментъ, «на завтра», — общности въ дѣлѣ защиты разъ добытыхъ совокупными усиліями правъ и учреждений, долженствующихъ служить для всѣхъ наличныхъ классовъ населенія, а также и въ дѣлѣ прогрессивныхъ мѣръ ко благу наиболѣе обиженныхъ теперь въ социальномъ и культурномъ отношеніи классовъ. Сознаніе общности интересовъ и необходимости совокупной борьбы различныхъ общественныхъ группъ въ Россіи противъ абсолютизма, — если только оно послѣдовательно, непремѣнно должно повести за собою сознаніе необходимости органическаго компромисса между стремленіями различныхъ группъ, въ видѣ извѣстной программы, столько же политической, сколько и социальной.

Въ параграфахъ статьи III-ей мы старались сдѣ-

латъ систематическій сводъ политическихъ стремленій либеральныхъ группъ въ Россіи, изъ людей свободныхъ профессій и собственниковъ. По множеству причинъ, которыхъ выше мы коснулись только отчасти, для всѣхъ этихъ группъ является настоятельно необходимымъ выработать, рядомъ съ программю чисто-политическою, и достаточно широкую програму социально-экономическихъ мѣръ въ пользу чернорабочихъ массъ народа. Съ другой стороны всѣ защитники интересовъ этихъ массъ, въ томъ числѣ и социалисты, сознавши разъ необходимость, для какого бы то ни было прогресса Россіи, установленія въ ней политической свободы, и то, что добытіе это невозможно безъ дружнаго дѣйствія «всѣхъ прогрессивныхъ партій» въ образованной части общества, должны выставить такую программу социально-экономическихъ мѣръ, которая могла бы быть вполне искренно принята и значительною частію образованныхъ собственниковъ и которая только въ такомъ случаѣ явится компромиссомъ органическимъ, а не механическимъ.

Такая программа можетъ быть, по нашему мнѣнію, получена вполне объективнымъ способомъ, — если, оставивъ въ сторонѣ идеальные планы и теоріи социально-экономическаго устройства, консервативнаго или революціоннаго характера, — взять *maximum* (съ демократической точки) практическихъ мѣръ, предложенныхъ въ русской печати и зсмствахъ въ пользу массъ народа со стороны либеральныхъ разночинцевъ и образованныхъ собственниковъ, и *minimum* требованій «социалодемократическихъ», «народныхъ», «рабочихъ» и т. п. партій въ Западной Европѣ, т. е. требованія, возможные къ исполненію и безъ всеобщей конфискаціи личной собственности. Въ ст. V мы предлагаемъ опытъ программы, полученный нами подобнымъ способомъ. Соединивъ около себя во вполне искренній союзъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время *chacun de son cöté*, значительное число образованныхъ людей разныхъ социально-экономическихъ идеаловъ, — такого рода программа дала бы, и при томъ въ легко вообразимомъ времени, извѣстныя существенныя облегченія

тяжестей чернорабочихъ массъ, а потому могла бы рассчитывать и на искреннее сочувствіе и поддержку впачительной доли этихъ массъ. Вместе съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что при самомъ непродолжительномъ проведеніи начертанныхъ въ этой программѣ мѣръ, въ предположенныхъ въ III-ей статьѣ учрежденіяхъ мѣстнаго и государственнаго самоуправленія, образовались бы въ Россіи основы столько же оригинальной, сколько и европейской, прогрессивной демократіи, которая была бы способна принять дѣловое участіе въ общей теперь всему цивилизованному міру работѣ надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса.

Вопросъ же этотъ въ настоящее время въ наиболѣе образованныхъ странахъ проявляется далеко не въ тѣхъ простыхъ формахъ, въ какихъ его себѣ представляютъ многіе наши домашніе политики консервативнаго и революціоннаго направленія. Соціальное движеніе въ этихъ странахъ является въ нѣсколькихъ видахъ; напр. не только 1) въ видѣ болѣе или менѣе рѣзкой пропаганды различныхъ варьяцій коммунистическаго идеала, — но и 2) въ видѣ усилій къ организаціи «рабочихъ, или народныхъ партій», которыя должны соединить въ себѣ по возможности всѣ элементы теперешнихъ чернорабочихъ классовъ для дѣятельнаго участія въ текущей политической жизни, — а такое соединеніе возможно только около программъ практическихъ мѣръ, осуществимыхъ въ скорѣйшее время, т. е. при настоящихъ условіяхъ общественной жизни,*) — и наконецъ, 3) въ видѣ попытокъ раз-

*) Стремленіе это обнаружилось въ 'свободной Англіи уже давно, во время агитаціи въ пользу фабричнаго законодательства и въ рабочихъ союзахъ (trades-unions); — теперь даже болѣе радикальная democratical federation въ своей программѣ, правда, говоритъ о «націонализациі земли», какъ о дѣлѣ болѣе созрѣвшемъ въ Англіи, но по фабричному и другимъ подобнымъ вопросамъ ограничивается требованіями въ родѣ обязательной постройки здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, нормальнаго рабочаго дня въ 8 часовъ, обязательнаго образованія съ обѣдомъ для дѣтей въ школахъ, прогрессивнаго налога п. т. и. Въ Швейцаріи,

ныхъ политическихъ группъ, не принадлежащихъ къ чернорабочимъ классамъ, сблизиться съ этими послѣдними. — хотя бы пока и въ чисто консервативныхъ видахъ, — провести извѣстныя мѣры или даже выработать, (неизбѣжно, при извѣстномъ участіи самихъ чернорабочихъ классовъ), основы соціальной политики, которая бы по крайней мѣрѣ смягчала, если не уничтожала вовсе, несправедливости теперешняго экономического строя, основаннаго на частной собственности *).

гдѣ проповѣдь революціоннаго соціализма никогда не имѣла успѣха, потому что при тамошнихъ политическихъ учрежденіяхъ она не имѣетъ смысла. — рабочія организаціи разныхъ отѣнковъ мнѣній, въ прошломъ году на общемъ съѣздѣ (Arbeitertag) постановили солидарно дѣйствовать для проведенія чрезъ соответственныя законодательныя учрежденія мѣръ въ пользу болѣе дѣйствительнаго надзора за фабриками, обезпеченія стариковъ и увѣчныхъ, международнаго фабричнаго законодательства, введенія посредническихъ судовъ (prud'hommes) и т. п. Даже во Франціи, послѣ утвержденія республики, сами теоретики-коммунисты почувствовали необходимость въ programmes-minimum, а въ послѣднее время значительнѣйшая часть ихъ, т. наз. поессибилисты, рѣшительно стали выходить на практическій путь, перемѣнивъ даже имя своей «рабочей партіи» съ «соціально-революціонной» на «*fédération des travailleurs socialistes de France*». Въ Германіи бисмарковскій противосоціалетическій законъ задерживаетъ обращеніе «соціальной демократіи» въ практическую политическую партію, по примѣру швейцарскаго Arbeitertag, которому сочувствуютъ нѣмецкіе соціалдемократы. Но и теперь органъ послѣднихъ Der Social Democrat (1884, № 6) говоритъ о своей партіи, что «она не признаетъ принципиальнаго противурѣчія между реформою и революціею и не представляетъ изъ себя партіи революціонныхъ дѣлъ мастерства (keine Partei der Revolutionsmacherei)».

*) Въ Англіи упомянутыя попытки проявились уже давно въ т. наз. «христіанскомъ соціализмѣ» и въ поддержкѣ фабричнаго законодательства даже торіями, а теперь проплетаются въ аграрномъ законодательствѣ, въ разработкѣ вопроса о націонализациі земли, о жилищахъ рабочихъ классовъ и т. п. людьми разныхъ направленій: пасторами, учеными, въ родѣ Уоллеса, радикалами-миллионерами, въ родѣ Чемберлена, и даже консерваторами, въ родѣ Солсберіа. Менѣе глубоко, но все таки важны, какъ начало, тѣ подходы къ соціальному вопросу, которые обнаружались въ послѣдніе годы въ правительственныхъ прозктахъ, парламентскихъ рѣчахъ и въ литературѣ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи. Въ С. Американскихъ

Какъ подвигъ намѣченныхъ выше проявленій соціального движенія повѣйшаго времени, не послѣднее мѣсто занимаетъ начавшееся выступленіе на политическую арену, рядомъ съ чернорабочими городскими классами, крестьянства, — которое во многихъ мѣстахъ состоитъ на добрую долю изъ собственниковъ, а вовсе не изъ однихъ пролетаріевъ, а потому, по крайней мѣрѣ на долго, останется глухо къ проповѣди коммунизма, хотя не можетъ быть равнодушно къ разнымъ другимъ сторонамъ соціального движенія. Все это вмѣстѣ, при возрастающемъ юридическомъ и практическомъ расширеніи все-народнаго представительства и опытахъ непосредственнаго народнаго законодательства, (которое, къ стати сказать, не мыслимо въ централизованныхъ государствахъ, гдѣ не можетъ быть ни правильной развертки вопросовъ на мѣстныхъ и общіе, ни надлежащей политической школы въ голосованіи по дѣламъ мѣстнымъ) выдвигаетъ соціальное движеніе на такую широкую арену открытой борьбы и конкуренціи сложныхъ общественныхъ элементовъ, на которой теріетъ всякое значеніе вся фразеологія и всѣ расчеты прежнихъ политическихъ и соціальныхъ партій консервативнаго и революціоннаго характера. Всѣ мечтанія пріостановить, или урегулировать соціальное движеніе «спасительными» диктатурами и разными манипуляціями «сильной власти», или же сразу порѣшить соціальныя вопросы революціонными вспышками: хитрыми заговорами, столничными возстаніями, диктатурами временныхъ правительствъ, или даже всего городского рабочаго класса, хотя бы и всей страны, — все это теперь становится полнымъ апахронизмомъ, «явленіемъ переживанія» *).

Штатахъ интересны знаменія въ родѣ прокта губернатора (президента) шт. Мериленда о 8 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ Швейцарскихъ политическихъ кругахъ знаменательны стремленія обезпечить дѣйствительность мѣстнаго фабричнаго законодательства международными договорами о рабочемъ днѣ. И т. п. и т. п.

*) Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, что въ западно-европейскомъ мірѣ уже совершенно невозможны, какъ революціонныя вспышки, а тѣмъ болѣе индивидуальныя и круж-

Соціалистическое движеніе въ Россіи до сихъ поръ исходитъ преимущественно отъ людей, которые сами не принадлежатъ къ классамъ чернорабочимъ и которые увлекаются соображеніями нравственными: потребностью видѣть около себя осуществленіе соціальной справедливости, а не потребностями экономическими или стремленіями классовыми. Эта принадлежность соціалистовъ въ Россіи къ классамъ состоятельнымъ и болѣе образованнымъ налагаетъ на нихъ обязанность понимать современное соціальное движеніе во всей его широтѣ, свободно отъ всякой исключительности классовыхъ кружковъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ основаніе смотрѣть не слишкомъ несимпатично-

ковыя попытки нарушить мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, такъ и опыты полицейской реакціи. Напротивъ того, мы думаемъ, что и западноевропейскому міру предстоитъ въ ближайшіе годы пережить періодъ довольно дѣятельнаго проявленія того движенія, которое называется теперь «анархическимъ» (довольно неправильно, такъ какъ оно не имѣетъ почти ничего общаго съ извѣстнымъ а н а р х и ч е с к и м ъ ученіемъ Прудона), — или соціально-террористическимъ, по просту: рядъ попытокъ убійства, разбоя и кражи съ политико-соціальными тенденціями. Движеніе это вытекаетъ, какъ изъ весьма естественнаго, хотя и не дальновиднаго, озлобленія соціальными несправедливостями, такъ и отъ заразы, распространяющейся изъ давно обижаемой въ соціальномъ и національномъ отношеніи Ирландіи и изъ угнетаемой во всѣхъ отношеніяхъ Россіи. Проявленія этого движенія, конечно, вызываютъ опыты полицейской реакціи, особенно въ странахъ, гдѣ эти проявленія могутъ послужить предлогомъ для оживленія еще не окончательно подавленнаго монархическаго абсолютизма (въ Пруссіи, Австріи, Испаніи). Но важно, что теперь во всѣхъ странахъ Западной Европы есть уже политическія партіи, — и соціалистическія, и консервативныя, — которыя понимаютъ, въ чемъ состоитъ суть рабочаго движенія и какова должна быть относительно его здравая политика. Важно и то, что въ странахъ болѣе свободныхъ (Швейцаріи, Бельгіи и даже Англіи собственно) проповѣдь соціальнаго терроризма не прививается къ населенію. (Объ этомъ всемъ мы говорили подробно въ брошюрѣ *Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale*, 1881, которой предсказанія, относительно перенесенія политическихъ убійствъ изъ Россіи на соціальную почву въ З. Европу, къ сожалѣнію, вполне оправдались, — а также въ статьѣ «Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе» въ № 58 «Вольнаго Слова»).

чески на будущее отношеніе въ Россіи болѣе состоятельныхъ классовъ ко благу классовъ чернорабочихъ, когда всѣ эти классы, поставленные лицомъ къ лицу, выступятъ на арену политической самодѣятельности *).

Судя по тому искреннему отношенію къ нуждамъ чернорабочихъ классовъ, которое проявилась значительная часть образованныхъ людей въ Россіи съ самаго

*) Здѣсь кстати будетъ замѣтить вообще, что не отрицая нисколько важности классового сознанія въ разныхъ слояхъ демоса, ни необходимости ихъ классовой организаціи для защиты своихъ интересовъ, мы думаемъ, что социально-демократическая доктрина, исповѣдуемая многими и въ Россіи, какъ своего рода религія, которая предписываетъ видѣть во всей исторіи только классовую экономическую борьбу, со ступенчатою смѣною господствующихъ классовъ, болѣе правильна, какъ схематическій чертежъ, полезный для уясненія многихъ явленій жизни и вмѣстѣ утѣшительный для извѣстныхъ социалистическихъ кружковъ, во время ихъ слабости, чѣмъ вѣрна, какъ полное изображеніе дѣйствительности. Въ послѣдней напр. политической революціи XVI—XVIII вв. вовсе не были исключительно дѣломъ «третьего класса, или буржуазіи»: такъ, не говоря уже о революціяхъ голландской, англійской, с. американской, довольно будетъ напомнить, что во время великой французской революціи ограниченія монархическаго абсолютизма, посредствомъ провозглашенія неприкосновенности личныхъ правъ и посредствомъ организаціи представительства, требовали наказъ и перовъ двухъ классовъ (духовныхъ и дворянъ), а уничтоженіе остатковъ феодализма совершилось подъ давленіемъ крестьянскаго движенія, носившаго даже монархическую окраску (въ государствахъ средней Европы значительная часть противуфеодальныхъ преобразованій, совершенныхъ во Франціи революціей, сдѣлана была въ XIX в. даже монархіей съ бюрократіей). Подобно этому и социальный вопросъ XIX в. (вопросъ соц. справедливости и вмѣстѣ организаціи производства) не есть дѣло одного «четвертаго класса, пролетаріата», который въ добавокъ вовсе не «весь народъ», какъ не было «всѣмъ народомъ» и «третье сословіе» 1789 г. Пролетаріатъ, — фабрично-городской и даже сельскій, — конечно, чѣмъ дальше, все больше получаетъ политическое значеніе, но и другіе классы (и высшіе, и низшіе) не бездѣйствовали и не будутъ, конечно, бездѣйствовать въ вопросахъ общественнаго устройства, хозяйства и просвѣщенія. Этихъ обстоятельствъ не слѣдуетъ забывать и въ 3. Европѣ, а особенно въ Россіи, гдѣ, въ силу историческихъ условий, столпились вмѣстѣ политическія и социальныя (и даже религіозныя) задачи цивилизаціи XVI—XIX столѣтій.

времени освобожденія крестьянъ, можно съ достовѣрностью предпологать, что, при политической свободѣ, въ двухъ ея непремѣнныхъ видахъ, — правахъ челоуѣка и гражданина и самоуправленіи, — не малое количество «интеллигенціи» найдетъ въ органахъ самоуправленія естественное поле для приложенія своихъ гуманныхъ чувствъ и широкихъ стремленій къ служенію черно-рабочимъ массамъ. Въ этихъ же учрежденіяхъ, а особенно въ мѣстныхъ, — и между ними въ первой линіи въ общинныхъ и волостныхъ, — гуманнѣйшіе люди изъ интеллигенціи встрѣтятся съ надѣленнымъ въ огромномъ большинствѣ своимъ поземельною собственностію, — во многихъ мѣстахъ общинною или [артельною, — крестьянствомъ *). Не отказывался, конечно, отъ связи съ городскими классами (да это и не возможно!) ни тѣмъ болѣе отъ европейскихъ, (если хотите, городскихъ) идей, эти люди всего скорѣе могутъ получить политическую силу въ Россіи, въ союзѣ съ упомянутымъ крестьянствомъ, съ которымъ тѣмъ скорѣе могутъ они соединиться въ органическое цѣлое, что это крестьянство наиболѣе въ нихъ нуждается, — и такъ въ Россіи можетъ сложиться дѣйствительно оригинальное (хотя конечно, па исполнѣ самобытное) социальное-политическое явленіе въ ряду другихъ социальное-народныхъ партій Европы.

Особенно скорого успѣха можетъ надѣяться такого рода прогрессивно-демократическая, по своему тоже социальная, партія въ тѣхъ областяхъ Россіи, гдѣ болѣе свободный духъ населенія, меньше подвергавшагося давленію крѣпостнаго права, соединится съ болѣе благоприятнымъ для демоса распределеніемъ землевладѣнія (большой процентъ землевладѣнія мелкаго, казеннаго или войсковаго), — какъ напр. въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Припуралыи, въ Волжскомъ Низовьи, въ земляхъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссіи, въ Лѣвобережной Украйнѣ, въ которой изъ добавокъ значи-

*) Вопросъ о такомъ значеніи мѣстнаго самоуправления для наиболѣе нравственно развитой части «интеллигенціи» въ Россіи очень обстоятельно разобранъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей по вопросу Что дѣлать?» въ 38 № «Вольн. Слова».

тельное число мелкаго дворянства, дающее и теперь большой процентъ людей свободныхъ профессій, а также сословіе «малороссійскихъ козаковъ», представляютъ весьма многонадежный матеріалъ для предполагаемой нами прогрессивной демократіи. И теперь уже, въ нашихъ крайне несовершенныхъ и поданныхъ бюрократіей земскихъ учрежденій названныхъ областяхъ, можно видѣть указанія, довольно благоприятныя въ пользу намѣченныхъ выше ожиданій нашихъ. *) При широкомъ же мѣстномъ самоуправленіи, можно съ положительностію рассчитывать на то, что въ этихъ областяхъ (изъ которыхъ, замѣтимъ, большое количество приходится на земли украинскія) дѣло благоприятной массамъ народа социально-экономической политики пойдетъ довольно успешно, даже если бы въ другихъ областяхъ Россіи оно и встрѣтило себя бѣдшія помѣхи.

Такимъ образомъ будущность практическаго социализма въ Россіи, также какъ и будущность политической свободы, лежитъ въ вопросѣ объ организаціи въ ней системы самоуправления!

Таковы теоретическія соображенія, на основаніи которыхъ мы позволяемъ себѣ думать, что предлагаемая нами социальная программа могла бы быть поддерживаема, какъ своего рода руссійская *platforme*, и лицами, разделяющими начала европейскаго социалистическаго движенія. Но независимо отъ этихъ соображеній, а стоя на чисто практической точкѣ, мы думаемъ, что, во всякомъ случаѣ, программа эта не очень удалится отъ того *maximum*, какой можетъ быть осуществленъ въ Россіи по социальному вопросу въ ближайшей десяткѣ лѣтъ. Если бы осуществленіе этого *minimum* или *maximum*, — смотря по тому, какъ глядѣть на него, — сопровождалось въ Россіи прочнымъ установленіемъ политической свободы, (единственной, по развитому опыту

*) См. свѣдѣнія о заботахъ разныхъ земствъ о народномъ образованіи, между прочимъ и въ брошюрѣ «Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» (отдѣльный оттискъ изъ «Вольнаго слова») стр. 80—82.

сознанію современныхъ европейскихъ социалистовъ, естественной основы и для социальнаго движенія) — то мы думаемъ, что даже люди, которыхъ болѣе или менѣе близкія социальныя стремленія выходятъ за предѣлы вышеупомянутой программы, — далеко не потеряли бы отъ того, что въ теченіе извѣстнаго времени работали бы вмѣстѣ съ тѣми, стремленія которыхъ по социальному вопросу не заходятъ дальше этого minimum. И это тѣмъ болѣе, что, согласно статьѣ VI нашего проекта Устава, члены «Вольнаго Союза» съ значительно разнящимися социальными идеалами, по достиженіи общихъ условленныхъ цѣлей, могли бы разойтись совершенно свободно и безъ всякихъ недоразумѣній.

Ко второй части.

Къ статьямъ I—II. Во всѣхъ образованныхъ странахъ, гдѣ общественная жизнь представляетъ разнообразныя примѣры политической дѣятельности: открытыхъ или политическихъ партій, заговоровъ или, или военно-революціонной борьбы, мы видимъ, что политическая карьера не есть что либо отдѣльное отъ всѣхъ другихъ публичныхъ профессій, а тѣсно связана съ этими послѣдними, такъ что разные дѣятели по столько и вліятельны на политическомъ полѣ, по сколько они представляютъ собою извѣстныя общественныя профессіи и интересы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ также, что политическая дѣятельность требуетъ весьма высокаго нравственнаго и интеллектуальнаго развитія и образованія, на столько широкаго, чтобы политикъ могъ отчетливо сознать настоящее и возможное ближайшее будущее положенія дѣлъ, какъ въ своей родинѣ, такъ и въ окружающихъ ее странахъ.

Въ Россіи группу политическихъ дѣятелей, наиболѣе вліятельныхъ во время своего дѣйствія и даже послѣ своего военнаго пораженія, слѣдуетъ, конечно, признать такъ называемыхъ декабристовъ. Извѣстно же, какого разносторонняго образованія бы-

ли эти люди и какъ въ кружкахъ ихъ, особенно въ кружкѣ «Соединенныхъ Славиль», давимъ едва ли не самыхъ энергическихъ людей даже въ военно-революціонномъ дѣлѣ возстанія въ Кіевской губерніи въ январѣ 1826 г., — поставлялось правиломъ, что члены общества, кромѣ приготовленія къ непосредственному военно-революціонному дѣйствію, должны заботиться о своемъ усовершенствованіи и о снисканіи себѣ сочувствія общества и солдатъ прежде всего добросовѣстнымъ и гуманнымъ исполненіемъ своихъ профессиональныхъ обязанностей, распространеніемъ образованія, содѣйствіемъ освобожденію крестьянъ и т. п. (Подробности см. напр. въ «Запискахъ Незвѣстнаго», Горбачевского, — въ Русскомъ Архивѣ 1882. № 2).

Изложенныя выше понятія о качествахъ, требуемыхъ отъ политическаго дѣятеля, естественно дѣлаютъ невозможнымъ для «Вольнаго Союза» ни принятіе въ число своихъ членовъ людей очень молодыхъ и не окончившихъ образованія по избранной ими профессіи, ни какія либо дѣйствія, которыя бы препятствовали такимъ людямъ стать въ свое время политическими дѣятелями съ требуемыми качествами. Исключительныя понятія, какія существуютъ еще въ разныхъ кругахъ въ Россіи относительно роли «молодежи» въ революціонной дѣятельности заставляютъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Никогда ни въ одной странѣ молодежь, — преимущественно учащаяся, не принимала относительно столь большаго участія въ революціонно-политической дѣятельности, какъ въ послѣднее время въ Россіи. Обстоятельство это, конечно, объясняется прежде всего относительною слабостію политическаго образованія и энергіи въ взрослыхъ членахъ общества и потому является фактомъ фатальнымъ. Но будучи таковымъ, обстоятельство это является тѣмъ не менѣе бѣдственнымъ для страны, — пораждалъ разнаго рода слабости и прямыя немощи, какъ внутри самыхъ политико-революціонныхъ партій русскихъ, такъ и во всемъ ходѣ политическихъ дѣлъ въ странѣ. Преимущественное пополненіе рядовъ дѣятельныхъ революціонеровъ людъ-

ми очень молодыми и не окончившими своего образования неизбежно придает политическому движению характер неустойчивости въ его теоритической и практической сторонахъ и лишаетъ это политико-революціонное движеніе должной силы и вліянія на общество и потому какихъ либо прочныхъ успѣховъ. Въ тоже время внутри самаго движенія численное преобладаніе молодежи дѣйствуетъ деморализирующимъ образомъ на руководителей этого движенія, пріучая ихъ имѣть дѣло съ средою, слишкомъ податливою, когда обращаются къ ея чувству, и слишкомъ нетерпимою, когда противорѣчатъ ея идеямъ и надеждамъ, продиктованнымъ этимъ чувствомъ. Критическая мысль все больше изгоняется изъ среды, въ которой ея наиболѣе слѣдовало бы ожидать, и мѣсто ея начинаютъ занимать признаки религіознаго сектанства, которое неизбежно стремится сложиться въ своего рода церковь съ всѣми ея невыгодными сторонами. Съ другой же стороны, преждевременная гибель молодыхъ политическихъ борцовъ въ теченіи длиннаго промежутка времени, приводятъ страну къ истощенію нравственныхъ силъ, необходимыхъ для ея прогресса политическаго, соціальнаго и культурнаго, — и въ концѣ всего поражаетъ довольно печальную реакцію и въ самой молодежи. Въ виду отчасти указанныхъ выше слабостей, а особенно безрезультатности гибели той части молодежи, которую горячность ввела слишкомъ рано въ политическую борьбу, другая часть молодежи также преждевременно охлаждается, заражается полнымъ скептицизмомъ и отдается грубо-эгоистическимъ стремленіямъ. Всѣ эти и многія другія подобныя явленія достигаютъ степени настоящаго бѣдствія для страны вообще и для самаго рев.-политическаго движенія въ ней въ частности. Когда они сопровождаются, какъ это было недавно въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, проповѣдью о ненужности высшаго школьнаго ученія для «революціонной дѣятельности». *)

*) Характерно, что теперь въ органахъ реакціонныхъ, поддерживающихъ русское правительство въ его мѣрахъ къ разрушенію высшихъ школъ въ Россіи можно встрѣтить почти

Въ настоящее время нужно быть ослѣпленнымъ, чтобъ не видѣть всей ошибочности отношеній большей части иниціаторовъ русскаго революціоннаго движенія съ к. 60-хъ годовъ къ «молодежи» и «наукѣ». Даже если вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ, что «партія дѣйствій» не можетъ быть создана въ Россіи изъ наличнаго состава болѣе взрослого ся населенія, то все таки нужно сознаться, что серьезныя политическія партіи, въ полномъ значеніи этого слова, не могутъ быть созданы изъ не окончившей ученія молодежи и людей безипрофессіональных, — и что во всякомъ случаѣ лучше подождать нѣсколько лѣтъ, пока элементы для такой партіи созрѣютъ изъ теперешней молодежи, нежели двигать послѣднюю въ политическую борьбу неприготовленною въ теоритическомъ и практическомъ отношеніи.

По этому прямой интересъ противниковъ настоящаго политическаго, соціальнаго и культурнаго строя въ Россіи удерживать учащуюся молодежь отъ преждевременной активной политической дѣятельности, или, — что въ сущности одно и тоже, — поддерживать въ этой молодежи мысль о необходимости политическаго образованія (при профессиональномъ, ко-

буквальное повтореніе тѣхъ нападокъ на «буржуазную» науку и на «барскія» школы, какія нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказывались «русскими соціальными революціонерами» и «народниками». Это одинъ изъ многихъ съ 60-хъ годовъ примѣровъ совпаденія и даже упреженія разными фракціями русскаго радикализма и народничества стремленій реакціоннаго абсолютизма. Интересно, что въ послѣднее время начинается передвигаться съ лѣва на право и теорія «субъективнаго метода въ «соціальныхъ наукахъ» (удивительная въ научномъ мірѣ теорія!) бывшая въ ходу въ тѣхъ кругахъ русскихъ радикаловъ, которые допускали пользу наукъ и для «революціоннаго» или народнаго дѣла». Слѣдуетъ надѣяться (и на это есть уже признаки) что подобный переходъ антикультурныхъ рефлексовъ и заблужденій въ круги, въ коихъ они всего болѣе у мѣста, окажетъ самое благотѣльное вліяніе на русскія радикально-демократическія партіи, научивъ ихъ основывать свое дѣло на прочныхъ устояхъ нравъ чловѣка и объективной (числой) науки и искусства, — устояхъ, которые неблагоприятно пробовать было колебать недавній нигилизмъ.

нечно) для политической дѣятельности. Конечно, такое дѣйствіе представляетъ задачу не легкую и очень деликатную, такъ какъ агенты правительства чуть не ежедневно нарушаютъ естественнѣйшіе интересы учащейся молодежи и оскорбляютъ ея благороднѣйшія чувства, при чемъ иногда дѣйствуютъ съ видомъ сознательныхъ провокаторовъ, — но трудность и деликатность задачи не дѣластъ ее еще невозможною. Во всякомъ случаѣ важно, чтобы политическое общество, въ родѣ «Вольнаго Союза», задавшееся цѣлями, требующими весьма сложнаго, сознательнаго и настойчиваго дѣйствія на довольно продолжительный срокъ времени, — не увлекалось соблазномъ поскорѣе и легче собрать себѣ по больше членовъ изъ учащейся молодежи и придать себѣ поскорѣе видъ сильной и активной партіи и тѣмъ на самомъ дѣлѣ не подорвало своей силы въ ближайшемъ будущемъ, когда ряды его могли бы быть пополняемы постояннымъ притокомъ изъ созрѣвшей и окончившей свое образованіе молодежи. По этому отношенію «Вольнаго Союза» къ учащейся молодежи должны быть отношеніями, такъ сказать, боевой арміи къ резерву: они должны состоять прежде всего въ добросовѣстномъ и гуманномъ исполненіи профессиональныхъ обязанностей передъ молодежью, во всегдашней готовности оказать послѣдней матеріальную и правяственную помощь и защиту, въ распространеніи среди молодежи идей Союза, подкрѣпляемыхъ научными доказательствами, и въ склоненіи молодежи приготовляться къ труду въ пользу родной страны и ея населенія сообразно идеямъ Союза. Въ послѣднемъ отношеніи необходимость систематической помощи политическому образованію молодежи является тѣмъ болѣе настоятельною, что правительство русское своимъ отношеніемъ къ печати и школѣ полагаетъ всевозможныя препятствія такому образованію. Препятствія эти не могутъ теперь быть преодолены безъ распространенія въ Россіи произведеній мысли болѣе свободныхъ народовъ, составленія и печатанія за границей книгъ для политическаго воспитанія російскихъ обществъ, доставленія моло-

дѣлѣ людямъ возможности наглядно познакомиться съ жизнью передовыхъ народовъ и другихъ подобныхъ приемовъ, за которые не можетъ взяться никто, кромѣ организованнаго политическаго общества.

Доказывать необходимость основательнаго ознакомленія съ своею родиной для полноты политическаго образованія, какъ залога для успешной политической дѣятельности въ этой родинѣ, мы думаемъ, теперь уже нѣтъ надобности. Такимъ образомъ мы получаемъ цѣлый кругъ подготовительной для политической дѣятельности работы, исполненіе которой, конечно, можетъ наполнить съ избыткомъ нѣсколько лѣтъ молодой жизни. Само собою разумѣется, что эта подготовительная работа, даже для своей формальной успешности, требуетъ своего рода организаціи и между молодыми людьми, а также связи этой организаціи съ дѣйствующими политическими сообществами, при чемъ связь между членами кружковъ молодежи, имѣющихъ цѣлью политическое самообразование, должна не прекращаться и по окончаніи ученія, а самое занятіе родиновѣдѣніемъ должно сопровождаться планами систематическаго выбора мѣстъ приложенія труда, но выходѣ изъ школы, такимъ образомъ, чтобы постоянный переходъ молодыхъ людей отъ школы къ практической дѣятельности былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ занятіемъ страны силами политическаго общества, имѣющаго цѣлью ея освобожденіе и развитіе.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о примѣчаніи къ настоящей статьѣ. Въ примѣчаніи этомъ можетъ нѣкоторымъ показаться страннымъ поставленіе необходимости «знакомства съ жизнью западноевропейскихъ народовъ» прежде «ознакомленія съ своею родной». Конечно, никто больше насъ не можетъ желать того, чтобы украинскіе уроженцы наиподробнѣйшимъ образомъ изучали свою родную страну и ея населеніе, такъ какъ знакомство это есть не только необходимое условіе прочности успѣха всякаго рода общественной дѣятельности въ странѣ, но и условіе самаго побужденія къ работѣ

на пользу ея населенія. любяи къ послѣднему. (Не подлежитъ сомнѣнію, что сама теперешняя необходимость призывать образованныхъ уроженцовъ Украинъ къ работѣ въ ней и въ пользу ея населенія происходитъ отъ того, что вся система публичнаго образованія и условія печати въ Россійской имперіи съ XVIII в. ведутъ къ тому, чтобъ ослабить знакомство образованныхъ классовъ на Украинѣ съ этой страной и ея населеніемъ). Но вся Восточная часть Европы стоитъ въ особыхъ отношеніяхъ къ Западу ея. вслѣдствіе своей исторической отсталости. Только знакомство съ жизнью западной, передовой части нашей страны свѣта можетъ дать и намъ руководящія нити для правльнаго прогресса политическаго, соціальнаго и культурнаго. Неправильность, перерывчатость, неустойчивость и пагубнѣйшія ошибки въ общественномъ движеніи Россіи за послѣднее время и множество страннѣйшихъ заблужденій, господствующихъ въ разныхъ кругахъ образованныхъ людей въ Россіи. — объясняются главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительственная система образованія и печати стѣсняетъ знакомство этихъ людей съ современной жизнью западноевропейскихъ народовъ и ея исторіей, не только новѣйшей, но даже (что напр. нѣтъ мѣсто особенно относительно религіознофилософской стороны культуры) и болѣе раннихъ эпохъ *).

*) Много пришлось бы говорить намъ, если бы мы взяли перечислить даже важнѣйшія изъ затронутыхъ въ текстѣ пагубныхъ послѣдствій отсутствія въ Россіи близкаго знакомства съ Западной Европой. Мы укажемъ только на нѣкоторые новѣйшія и важнѣйшія ошибки и заблужденія, каковы напр. погоня за осуществленіемъ идеаловъ соціально-демократическихъ безъ предварительнаго установленія политической свободы, различія между русскаго народничества, какъ консервативнаго, такъ и революціоннаго характера (идеализація раскола, крестьянской общины, старыхъ и новыхъ крестьянскихъ бунтовъ и казачества и даже разбойничества и т. п.) какъ равно и подражательное отношеніе къ явленіямъ и учрежденіямъ отдѣльныхъ народовъ Запада и мѣра въ возможности всецѣлаго переносенія ихъ въ Россію. Только подробное изученіе жизни разныхъ народовъ Запада можетъ показать, что у каждаго изъ нихъ общее, а что частное, и выяснитъ вмѣстѣ

По отношенію къ Украинѣ прямое знакомство съ Западомъ Европы имѣетъ еще особенное значеніе, дѣлающее это знакомство необходимымъ для успѣха самаго украинскаго родниовѣдѣнія и соображенной съ нимъ общественной дѣятельности. Украина до XVIII в. была хотя и самою отсталюю (въ слѣдствіе совпаденія разныхъ географическихъ и историческихъ условій) но все таки органическою частію культурной Европы. Оторвана была Украина отъ этой Европы въ слѣдствіе своего подчиненія деспотической и централизованной Россійской имперіи, именно тогда, когда коренная страна этой имперіи, Великороссія, — (сама отставшая отъ культурной Европы столько же въ слѣдствіе неблагоприятныхъ географическихъ и внѣшнихъ историческихъ причинъ, сколько и чрезъ разореніе родныхъ центровъ культуры, сѣверозападныхъ народоправствъ Новгородскаго и Псковскаго, Московскимъ царствомъ) — начала входить въ болѣе близкія сношенія съ культурной Европой, хотя по инициативѣ гораздо болѣе правительственной, нежели народной, а потому и преимущественно съ видами военно-административными, нежели свободно-общественными. Съ тѣхъ поръ между Украиной и Европой создалась стѣна, и окнами въ Европу и для Украины стали великороссійскія столицы. — что вдвойнѣ неблагоприятно отразилось и отражается на развитіи Украины. Благодаря правительственной цензурѣ надъ школами и печатью, европейскій свѣтъ проникаетъ чрезъ эти окна весьма затемненнымъ даже и въ Великороссію, но и остатки этого свѣта переломляются въ великороссійской средѣ и принимаютъ тамъ мѣстную окраску. Въ этой частной, великороссійской, окраскѣ европей-

съ тѣмъ, что есть и что должно остаться самобытнымъ и въ жизни народовъ нашей половины Европы. Нельзя не упомянуть здѣсь также и объ общей наклонности даже образованныхъ русскихъ къ мистицизму и фантастичности, при всей ихъ внѣшней нерелигіозности и отвлеченной любви къ реализму, — наклонности, которая можетъ быть объяснена между прочимъ отсутствіемъ въ русской системѣ образованія свободной науки о религіозно-философской сторонѣ исторіи культуры и которая составляетъ важное препятствіе къ выработкѣ въ Россіи системы настойчиво-прогрессивной политической дѣятельности.

скія політичeskія, соціальныя и культурныя идеи предлагаются и украинцямъ за идеи европейскія, по сущности, и за родныя и для украинцевъ, по формѣ и по подробностямъ ихъ развитія. Но такъ какъ между Украиной и Великоюроссіей далеко не существуетъ тождества, особенно въ условіяхъ и признакахъ жизни внутренней: въ народномъ бытѣ и характерѣ, въ политическихъ традиціяхъ и историческихъ задачахъ и т. п., — то вышеупомянутое предложеніе украинцямъ политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ идей, выработанныхъ въ великорусскихъ столицахъ, создасть около нравственныхъ очей даже наиболее образованной части украинской публики цѣлый рядъ миражей: то мнимо-космополитическаго, то мнимо-національнаго и народническаго характера, среди которыхъ крайне трудно оріентироваться въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи. *) Только обращеніе украинцевъ къ

*) Въ поясненіе сказаннаго выше замѣтимъ, — что послѣдствіемъ слабости непосредственной связи Украины съ цивилизованнымъ міромъ, было то что на Украинѣ націонализмъ (украинофильство) сбивается на пути «московскаго славнофильства», съ его православною устояю (не говоримъ уже о тѣхъ, кто цѣликомъ переносятъ программу московскаго славнофильства и на Украину), космополитизмъ явился въ видѣ «петербургскаго западничества», съ его культомъ Петра Великаго, т. е. прогресса, предписываемаго военно-административнымъ порядкомъ, и съ его непониманіемъ значенія западнославянскихъ отношеній по крайней мѣрѣ для народовъ нашей, югозападной части Россіи, — радикализмъ явился въ видѣ «нигилизма», съ его антикультурными порывами, социализмъ — въ формѣ «народничества», съ его мистицизмомъ и деревенщиною, — политическій революціонизмъ, — въ формѣ «народновольства», съ его централизмомъ и темнотою понятій о сущности политической свободы, — все вообще съ окраскою столько же неевропейскою, сколько и не украинскою. Мы не скажемъ, чтобы элементы этой окраски были существенно великорусскими, но несомнѣнно, что они представляютъ прямое или косвенное порожденіе Московскаго государства, которое начало свою политическую карьеру съ уничтоженія свободы, или даже съ совершеннаго разрушенія великорусскихъ городовъ и ихъ общественной культуры, столько же національной, сколько, по тогдашнему, и европейской. Отъ разныхъ послѣдствій этой «московской заразы» (*pestis moscovitica*, — по слову знаменитаго путешественника, описывавша-

непосредственными источниками европейской культуры, может положить конец такому ненормальному и для всех вредному положению дѣлъ. Это обращеніе будетъ доставлять Украинѣ европейскія идеи въ ихъ неурѣзанномъ и чистомъ видѣ, и тогда естественное стремленіе приложить эти идеи къ родной почвѣ поведетъ за собою и изученіе этой послѣдней въ ея дѣйствительномъ, а не мнимомъ видѣ. Вотъ почему желательно бы было, чтобы и въ настоящее время зачинатели освободительнаго движенія на Украинѣ, въ своихъ усиліяхъ для пріобрѣтенія политическаго образованія, обратились къ непосредственному общенію съ культурной Европой, въ ожиданіи пока вся Украина, съ массою своего населенія, получивъ политическую свободу, опять прямо примкнетъ къ числу странъ, составляющихъ культурное человѣчество.

Къ примѣчанію I къ статьѣ III. Все это примѣчаніе было бы излишнимъ, если бы оно не вызывалось извѣстными фактами, совершающимися въ послѣдніе годы даже и на украинской землѣ, и которыя обязываютъ великую являющуюся на ней политическую группу высказаться о нихъ безъ обиняковъ. Начнемъ съ обмана населенія.

Недальновидная истеричность не разъ уже подвигала различныхъ противниковъ теперешняго политико-соціального порядка вещей въ Россіи, соблазненныхъ успѣхами (въ сущности моментальными и непрочными!) великорусскихъ самозванцевъ XVII—XVIII в., на такія дѣйствія, какъ распространеніе фальшивыхъ слуховъ, изданіе подложныхъ манифестовъ и т. п. съ цѣлью поднять крестьянъ къ бунту. Во время послѣдней войны, въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ Украины были распространяемы фальшивыя телеграммы (о пораженіи р. арміи и дарованіи конституціи). Около того же времени, — въ 1877 г., — нѣсколько лицъ,

го Новгородъ и Псковъ скоро послѣ ихъ порабоженія) которая по своему культивировалась и въ петербургскій періодъ исторіи Россіи, и сама Великороссія можетъ быть радикально излѣчена только усиленными пріемами того же лекарства, которое мы даже предлагаемъ для Украины.

причислявшихъ себя къ «русской соціально революціонной партіи», составили подложный царскій указъ къ крестьянамъ, по поводу аграрныхъ волненій въ чигиринскомъ уѣздѣ. Последнее дѣйствіе было представлено, какъ образцовое въ одной русской соціально-революціонной газетѣ («Землѣ и Волѣ») и, если потому оно было изображено съ нѣкоторыми оговорками въ другой русской соціально-революціонной газетѣ, («Черный Передѣлъ») то все таки признано было дозволительнымъ, или во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ. По личнымъ наблюденіямъ мы знаемъ, что мысль о самозванствѣ и подобныхъ политическихъ и религіозныхъ приемахъ (последнее въ виду многочисленныхъ сектантовъ) возбужденія смуть и бунтовъ, далеко не исчезла изъ разныхъ сферъ общества въ Россіи.

Мы не будемъ здѣсь приводить противъ всякаго рода обмановъ населенія возраженій со стороны нравственныхъ принциповъ, а ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями утилитарнаго характера. Уже самая неудача всѣхъ новѣйшихъ опытовъ политическаго обмана въ Россіи, показываетъ, что время самозванщины и всего подобнаго ей прошло и здѣсь. Въ настоящее время рѣшительно невозможно систематическая выдержка политическаго притворства и обмана со стороны лицъ и группъ, которыя задаются скольконибудь широкими цѣлями общественнаго преобразованія, а не мелкими заговорщическими цѣлями и экспериментами. При томъ же въ настоящее время всякій обманъ разоблачается весьма скоро, а разоблаченіе неизбежно производитъ весьма невыгодное впечатлѣніе на обманутыхъ, какъ это недавно было подтверждено и примѣромъ обманутыхъ крестьянъ въ чигиринскомъ уѣздѣ (См. корреспонденцію изъ Сибири о сосланныхъ туда «чигиринцахъ» въ 21 № «Вольнаго Слова») въ которомъ обманъ 1877 г., очевидно, надолго затруднитъ возможность сближенія противниковъ правительства съ крестьянами.

Кража и даже разбой съ цѣлью добытія средствъ для революціонной дѣятельности, какъ своего рода

конфискація, практикується въ послѣднее время нѣ-
которыми политико-соціальными группами не только
въ Россіи, но и въ З. Европѣ, гдѣ въ Австріи и Герма-
нии недавно было нѣсколько опытовъ подобной «кон-
фискаціи» *). Мы не ставемъ здѣсь обсуждать и этого
вопроса съ точки зрѣнія нравственныхъ принциповъ,
а опять станемъ на точку зрѣнія практическую. Въ
практическомъ отношеніи для всякаго политическаго
движенія приобрѣтеніе себѣ общественнаго сочувствія,
по меньшей мѣрѣ столь же важно, какъ и приобрѣ-
теніе матеріальныхъ средствъ, уже и потому, что со-
чувствіе это можетъ стать постояннымъ прочнымъ
источникомъ и самихъ этихъ средствъ. Но общест-
венное мнѣніе вообще относится неодобрительно ко
всякой кражѣ, не только у частныхъ лицъ и общест-
венныхъ учреждений, но и изъ государственныхъ кассъ.
А потому во всякомъ случаѣ «конфискаторамъ» са-
мымъ благонамѣреннымъ придется брать на себя не-
популярность, которая не можетъ не падать и на ихъ
цѣль и которая становится совѣмъ невознаградиomoю,
въ случаѣ неудачи покушенія на «конфискацію», — не-
удачи очень вѣроятной, какъ показываютъ почти всѣ
извѣстные примѣры. Но если тенденціозная кража
является, даже съ грубо-утилитарной стороны, дѣломъ,
по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительной полезности, — а
потому такимъ, къ которому политической группѣ
лучше бы не прибѣгать, — то всякое покушеніе на
тенденціозный разбой, которое можетъ, или даже
должно, сопровождаться убійствомъ лицъ, обязанныхъ

*) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ обѣихъ названныхъ
странахъ опыты тенденціозной кражи и разбоя, какъ и при-
ложенія на зап. европейской почвѣ тенденціозныхъ убійствъ,
встрѣтили рѣшительное осужденіе правильно организованныхъ
соціалистическихъ партій. См. въ «Der Social Demosrat» статью
«Воровство и революція» (1883, № 13), которая заканчи-
вается рѣзкими словами: «отмѣнить частную собственность оп-
томъ и цѣликомъ — дѣло революціонное, отмѣнять же частную
собственность въ раздробь — обыкновенное дѣло жуликовъ»
(Spitzbubenpraxis). Ср. также въ № 34 статью «Attentate
und Attentate», въ № 46 — «Brutalität und Revolution» и
др. Тоже въ органѣ «всеобщей рабочей партіи земель вен-
герскихъ» — «Die Arbeiter-Wochen-Chronik».

охранять предназначенное къ «конфискаціи» имущество, — (сторожей, почталіоновъ и частныхъ лицъ) возбуждаетъ общественное отвращеніе, а слѣдовательно безусловно вредно для политической группы, которая прибѣгаетъ къ подобнымъ способамъ увеличенія своихъ средствъ. А, по старому еще наблюденію, всякая кража можетъ, по обстоятельствамъ, перейти въ разбой и убійство...

Къ примѣчанію II-му къ статьѣ III. При такомъ политическомъ порядкѣ, какому подчинена теперь Россія, въ такое время, какое она теперь переживаетъ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не совершитъ убійства, которое будетъ имѣть политическій характеръ. Но сколько нибудь дальновидные политическіе дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы, должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убійства въ систему политической борьбы, или придать убійству видъ принципиально-законнаго дѣйствія. Во первыхъ это бы стѣзило самую политическую борьбу, направивъ ее болѣе противъ личностей, чѣмъ противъ извѣстнаго порядка, и давъ ей поверхностный характеръ и въ сущности болѣе легкія задачи, — а во вторыхъ, — и главное, признавая убійства за законный способъ политической борьбы, сторонники политической свободы дѣйствовали бы въ поддержку противнаго имъ принципа и въ подрывъ собственнаго будущаго. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о тѣхъ сторонникахъ политической свободы, которые придаютъ преимущественное значеніе огражденію интересовъ лица, — правамъ человѣка и гражданина, — и всѣмъ общественнымъ формамъ и учрежденіямъ придаютъ значеніе лишь по столько, по сколько они обезпечиваютъ эти интересы и права. Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личныхъ, — и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни, даже послѣ самыхъ широкихъ гарантій судебной справедливости. Но убійство, по личному замыслу, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйст-

вія личнаго произвола, — нускай, и самого благонамѣреннаго, но все таки произвола; убійство же, по постановленію тайнаго политическаго общества, есть прежде всего казнь, по приговору тайнаго суда, безъ выслушанія защиты подсудимаго, суда, котораго члены суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, — т. е. дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу, можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то представленіе тайнаго суда заговорщиковъ дѣйствіемъ законнымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только подкапываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина, которыя по смыслу понятія о свободѣ, должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ и порушеніе которыхъ не можетъ пройти безнаказанно для цѣлаго этого порядка и его развитія и въ першю линію именно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія.

Вся исторія политическихъ убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ говоритъ въ пользу справедливости послѣдняго замѣчанія и противъ того мнѣнія, оныи распространенія котораго были недавно дѣлаемы въ Россіи, а именно будто политическія убійства составляютъ особенно удобный (и при томъ новый) прогрессивно-революціонный способъ дѣйствія. Въ исторіи Западной Европы тенденціозныя убійства стали особенно часты въ эпоху борьбы религіозно-политическихъ партій XVI—XVII в., когда собственно и была систематически развита (по классическимъ, а особенно библейскимъ примѣрамъ: — Аодъ, Іегу, Юдиѣ и т. п.) и теорія этихъ убійствъ. Но изъ сопоставленія фактовъ оказывается, что теорія эта съ особеннымъ усердіемъ разрабатывалась и практиковалась реакціонною стороною, — напистами, особенно іезуитами, — такъ какъ за убійствомъ Фр. Гиза (1563) гугенотомъ Польтро, котораго его единовѣрцы сравнивали съ Юдиѣю, послѣдовало со стороны напистовъ: во Франціи: покуше-

ніе на Колины и потомъ Варфоломеевская ночь (1572), убійство Генриха III (1589) Ж. Клеманомъ, котораго уже католики сравнивали съ Юдиною, и избіеніе «политиковъ» (сторонниковъ вѣротерпимости) членами Св. Католической Лиги, нѣсколько покушеній на Генриха IV и потомъ убійство его (1610), въ Голландіи — убійство Вильгельма Молчаливаго (1584) послѣ неоднократныхъ покушеній, въ Англіи — пороховой заговоръ (1605); сюда же слѣдуетъ зачислить и убійство Валленштейна 1634. (Нельзя не вспомнить также и убійства Мазаниелло, народнаго вождя въ Неаполѣ въ 1647, хотя въ этомъ убійствѣ, какъ вообще во всемъ дѣлѣ Мазаниелло, религіозный элементъ не игралъ никакой роли).

Съ конца XVIII в., когда обострилась борьба изъ-за политическихъ принциповъ, тенденціозныя убійства опять стали весьма часты. Во время суда надъ Людовикомъ XVI (вообще менѣе законнаго съ процессуальной стороны, чѣмъ судъ надъ Карломъ I англійскимъ, и веденнаго съ явнымъ нарушеніемъ деклараціи о правахъ человѣка и гражданина) французскіе республиканцы якобинской школы высказывали идею о томъ, что король долженъ быть убитъ даже безъ всякаго суда (Робеспьеръ), и приводили примѣръ съ Юл. Цезаремъ, убитымъ «безъ всякихъ формальностей» (С. Жюсть). Но на другой же день послѣ приговора надъ Людовикомъ XVI (1793) роялисты Парисъ убилъ якобинца Лепеллетье «безъ всякихъ формальностей», — за тѣмъ не много спустя Шарлота Корде, также «безъ формальностей», убила Мара, — который, впрочемъ, при всемъ своемъ тиранокенавидѣніи, имѣлъ дальновидность замѣтить сосѣду, при слушаніи вышеупомянутой аргументаціи Робеспьера, что «подобныя доктрины принесутъ республикѣ больше вреда, чѣмъ всѣ тираны вмѣстѣ»; вскорѣ за тѣмъ слѣдовали покушенія на жизнь Колло д'Эрбуа и Робеспьера. И если время в. французской революціи сравнительно мало еще представило примѣровъ политическихъ убійствъ такого рода, — то, конечно, только, потому, что разныя партіи могли по очереди убивать своихъ

противниковъ посредствомъ уличной («народной») расправы и исключительныхъ, «революционныхъ», трибуналовъ, при чемъ напр. самый арестъ Робеспьера и Кутона для постановки передъ такой трибуналь, сопровождался покушеніями на убійство. Когда видные люди республиканскихъ партій перебили такимъ образомъ не только множество роялистовъ, но и другъ друга, — тогда за уличную расправу и за политическія убійства взялись роялисты («бѣлый терроръ» 1795 г., болѣе жестокій еще, чѣмъ терроръ «красный», адская машина 1800 г. и заговоръ Кадудали и Пинштрек 1803 г., бѣлый терроръ 1815 г. — противъ республиканцевъ, бонапартистовъ и даже протестантовъ).

Какъ видно и изъ сказаннаго выше, политическія убійства въ XVI—XVIII в. тѣсно связывались съ т. наз. «народными расправами». Ученіе же о тѣхъ и другихъ находилось въ связи между прочимъ и съ тогдашними теоріями объ «общемъ спасеніи» и о «народномъ самодержавіи». Такъ проповѣдники религіозно-политическихъ убійствъ въ XVI—XVIII в. исходили почти всегда изъ идеи не только о «волѣ божіей», которой убійца былъ-де исполнителемъ, но и изъ идеи о волѣ народа (*voluntas, arbitrium populi*) которая, по ихъ мнѣніямъ, проявлялась въ убійствѣ или массовыхъ расправахъ съ еретиками, и которой должны были подчиняться начальники и цари, подѣ страхомъ быть осужденными судомъ воли божіей и народнои. Исполнителемъ приговора такого суда и спасителемъ общества, полагалось, могъ явиться, не только весь народъ въ цѣломъ (что въ дѣйствительности не возможно), но и всякая часть его, (въ дѣйствительности первая собравшаяся толпа) и каждый частный человекъ. Подобныя идеи развивали съ особенною послѣдовательностью католическіе проповѣдники и писатели, — напр. во Франціи Boucher и неизвѣстный авторъ знаменитаго трактата «О праведной власти христіанскаго общества надъ нечестивыми царями (*De justa Reipublicae Christianae in reges impios auctoritate*. 1590) Для того чтобъ понять всю разницу между идеями этихъ своего времени «народниковъ» и «народновольцевъ» и

новѣйшими идеями о свободѣ, достаточно только вспомнить, что эти люди, хотя и доходили иногда до полнаго республиканизма, но возставали противъ начавшей тогда устанавливаться въ нѣкоторыхъ странахъ свободы религіозной (*libertas religionis*). А между тѣмъ эта свобода была одною изъ первыхъ вольностей или правъ человѣка, которыя достались образованному міру послѣ долгой борьбы противъ невѣжества и тираніи не только царей, но и народовъ. Только идеи объ этихъ вольностяхъ и о потребныхъ для огражденія ихъ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ и судебныхъ) и составляетъ основу новѣйшихъ понятій о человѣчномъ обществѣ (*respublica humana*), — а вовсе не идея о законности политическихъ убійствъ и народныхъ расправъ и о самомъ народовластіи, — вещахъ въ сущности очень старыхъ и согласимыхъ съ самымъ крайнимъ деспотизмомъ, даже монархическимъ, такъ какъ мы видимъ ихъ не только въ древнихъ республикахъ, но и въ имперіяхъ, не только римской, но и восточныхъ. (Римская имперія прямо и началась съ диктатуры, установленной «волею народа», — отчего и вышло ея юридическое опредѣленіе: «то, что пожелалъ государь, имѣетъ силу закона, — такъ какъ народъ, закономъ о царствѣ, вручаетъ ему и возлагаетъ на него всю свою власть и силу (*utpote quum populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*)).

Капитальнѣйшая ошибка французскихъ республиканцевъ якобинскаго толка состояла именно въ томъ, что они, даже послѣ провозглашенія правъ человѣка и гражданина, своротили къ старымъ понятіямъ религіозныхъ народновольцевъ, — политическимъ, а за тѣмъ неизбѣжно и судебнымъ, — за что и платились прежде всего своими головами. Такъ Мара проповѣдывалъ «народныя расправы» (*les exécutions populaires*) впрочемъ надѣясь управлять ими посредствомъ надежныхъ руководителей; Дантонъ восклицалъ при звукѣ набата, возвѣстившаго сентябрскія расправы съ «подозрительными» въ 1792 г.: «гласъ народа — гласъ божій!» Herault de Séchelles привѣтствовалъ депутацію парижскаго «народа», явившуюся въ

Конвентъ 31 мая 1793 г. требовать объявленія жироидистовъ внѣ закона, словами: «сила народа и сила разума одно и тоже»; Робеспьеръ (въ своемъ вообще болѣе достойномъ жреца, нежели политика, докладѣ «Объ основахъ политической нравственности, которыя должны руководить Нар. Соборомъ во внутр. управленіи Республики», 5 февр. 1794) подкладывалъ подъ это народничество идею, буквально повторившую формулу религиозныхъ гонителей: «казнить утѣснителей человѣчества — есть милосердіе, щадить ихъ — варварство; медленность правосудія равна безнаказанности!» Извѣстно, какъ кончили жизнь всѣ три упомянутые ораторы и ихъ болѣе искренніе друзья: Дантона и Геро казнены были какъ измѣнники «народному дѣлу» (*cause du peuple*), Робеспьеръ, какъ «тиранъ и утѣснитель», — и самому Дантону пришлось называть толпу, бѣжавшую за колесницей, на которой его везли на эшафотъ, уже не «народомъ», а «сволочью» (*vile canaille*)!

Горькій опытъ прошлаго, до великой французской революціи включительно, — въ связи съ прогрессомъ теоритическихъ понятій о политикѣ, — произвелъ въ XIX в. значительную перемѣну и въ судебныхъ, какъ и въ политическихъ понятіяхъ цивилизованныхъ обществъ. Старая абсолютная идея, — въ томъ числѣ и абсолютное преклоненіе предъ «общимъ спасеніемъ», которое-де требуетъ принесенія ему въ жертву всѣхъ остальныхъ человѣческихъ принциповъ и интересовъ, и передъ «судомъ» и «волею народа», — потеряли прежній кредитъ *) Политическія убійства, какъ и «народ-

*) Имѣлъ въ виду въ настоящемъ случаѣ преимущественно судебную сторону извѣстныхъ общественныхъ теорій, мы не можемъ распространяться здѣсь объ ихъ собственно политической (государственной) сторонѣ, которой впрочемъ посвящена значительная часть какъ нашей программы, такъ и объясненій къ ней. Замѣтимъ только, что старая народно-вольческая фразеологія въ 3. Европѣ сдѣлалась теперь достояніемъ только отсталыхъ въ политическомъ образованіи кружковъ да партій бонапартистовъ, которал, вдыхая по народнымъ голосованіямъ (плебисцитамъ), освящавшимъ мильонами голосовъ наполеоновскія диктатуры (въ 1799 г. 3.011.007 гол.,

ныя расправы» въ принципѣ отрицаются теперь всѣми политическими партіями въ этихъ обществахъ, въ томъ числѣ и самыми революціонными и проповѣдуются только небольшими кружками, да и то не безъ оговорокъ. (Органъ нѣмецкихъ социальныхъ демократовъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ, даже оправдывая такія убіенія, какъ напр. Александра II, какъ «послѣднее» средство лишенныхъ всякихъ правъ людей, или ирландскаго предателя Кери (Carty), какъ актъ «по-

въ 1802 г. — 3.508.885, въ 1804 г. — 3.572.329, послѣ того, какъ тоже самое политическое поколѣніе приняло республиканскую конституцію 1793 г. — 1.801.918 гол., а конституцію 1795 г. — 914.853 гол., — въ 1851 г. — 7.481.636 гол., въ 1852 г. — 8.157.752, въ 1870 г. — 7.350.142 голоса) называютъ себя теперь «партіей народнаго опроса» (*appel au peuple*). Вообще же старая идея народнаго самодержавія раздѣляла въ нашъ вѣкъ участь другихъ самодержавій, духовныхъ и свѣтскихъ, и замѣнилась идеей о свободномъ государствѣ, — управляемомъ при всеобщемъ контролѣ и всеобщемъ участіи въ направленіи общественныхъ дѣлъ, но съ гарантіями свободы лицъ и группъ и даже политическаго меньшинства. — не говоря уже о разверсткѣ дѣлъ на мѣстныхъ и общегосударственныхъ, изъ которыхъ каждый подлежитъ разрѣшенію соответственныхъ круговъ населенія. При этомъ теперь признается, что даже рациональное направленіе тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть предоставлены иждѣію администраціи и законодательства, — болѣе или менѣе прямо зависящихъ отъ всеобщаго (народнаго) голосованія (т. е. большинства голосовъ) а также прогрессивность всего общественнаго развитія могутъ быть обеспечены столько же періодическимъ дѣйствіемъ этого голосованія, сколько и постоянной свободой критики и публичнымъ просторомъ инициативы для лицъ и группъ, а также элементовъ политическаго меньшинства. То непосредственное участіе населеній въ законодательствѣ и администраціи, какое теперь вырабатывается въ федеральной Швейцаріи, изъ древнихъ общинныхъ отношеній и новыхъ демократическихъ стремленій, на основѣ вышеупомянутыхъ понятій о свободномъ государствѣ и при воздѣйствіи широкато народнаго образованія, а именно т. наз. инициатива и *referendum* (законодательный починъ, помимо представительныхъ собраній, и всеобщее голосованіе объ извѣстныхъ мѣрахъ и законахъ, издаваемыхъ этими собраніями), — учрежденія, которыя, несомнѣнно приготавливаютъ политическую форму будущаго всенароднаго правленія, — не имѣютъ ничего общаго съ старымъ «самодержавіемъ народнои воли», о которой мы должны были столько разъ оговариваться, во избѣжаніе смѣшенія понятій.

этической справедливости», протестуетъ противъ политическихъ убійствъ, совершенныхъ въ послѣдніе годы въ Зап. Европѣ и проповѣдуемыхъ ново-анархистами, и говоритъ: «культурная партія не можетъ провозглашать культъ убійства, — а убіеніе чловѣка, которое не неизбежно вынуждается обстоятельствами, есть преступное убійство и [Mord]» «Народныя расправы», (въ родѣ убіенія гр. Ламберга въ Венгріи, министра Латура въ Вѣнѣ, ки. Тихоновскаго и ген. Ауэрвальда подъ Франкфуртомъ въ 1848 г.) дѣлаются чрезвычайно рѣдкими въ политической практикѣ XIX ст. даже и при возбужденіи въ революціонное время и проявляются больше въ отсталыхъ и болѣе придушенныхъ монархическимъ деспотизмомъ странахъ. При этомъ замѣчательно, что самими кровопролитными народными расправами и въ нашемъ столѣтіи явились расправы «контр-революціонныя», — какъ напр. въ первой линіи убіеніе польскихъ революціонеровъ польскими же крестьянами въ Галиціи въ 1846, повторившееся въ меньшихъ размѣрахъ и въ 1848 г., или участіе неаполитанскихъ лаццароновъ въ убіеніи республиканцевъ 15 мая 1848 г., повторившее въ меньшихъ размѣрахъ тамошнюю же по истинѣ каннибальскую расправу съ республиканцами въ 1799 г.

Политическія убійства, по индивидуальному или кружковому замыслу, являются еще довольно часто и въ XIX ст., — и если они теперь направляются преимущественно противъ лицъ консервативнаго направленія, то, конечно, только потому, что власть въ это время принадлежала преимущественно людямъ этого направленія. Но въ числѣ немногихъ, удавшихся въ наше время покушеній на жизнь лицъ, поставленныхъ у кормила власти, значительный процентъ представляютъ убійства государственныхъ людей прогрессивнаго направленія: маршала Прима въ Испаніи и президентовъ Линкольна и Гарфильда въ С. Америкѣ. (Напомнимъ также неоднократныя покушенія на жизнь знаменитаго республиканскаго дѣятеля въ Ю. Америкѣ Боливара-Освободителя). Интересно, что и въ Россіи, гдѣ недавнія политическія убійства вызваны правительственнымъ гнетомъ и

жестокостями, которыя напоминають гоненія католицизма на протестанство, эти убійства вызвали въ свою очередь попытки уличной расправы надъ «крамольниками» и даже планы контръ-покушеній на предполагаемыхъ «вождей крамолы», вертѣвшіеся въ средѣ т. наз. «Священной Дружины», — т. е. маленькія пока подобія расправъ съ протестантами въ эпоху Варо-ломеевской ночи, да конспирацій Св. Католической Лиги.

Всѣ эти факты доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что убійства представляютъ для политическихъ партій орудіе обоюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и установленія другого. Мало того, факты эти, по нашему мнѣнію, даютъ основаніе ожидать, что въ Россіи, (въ которой правительство теперь такъ напоминаетъ неаполитанскихъ Бурбоновъ) монархическая реакція, въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ, сама прибѣгнетъ къ политическимъ убійствамъ и къ расправамъ какихъ нибудь московскихъ мясниковъ, а потому мы думаемъ, что участники организованной борьбы за политическую свободу въ Россіи, — вмѣсто того, чтобы увлекаться обоюдоострою политикой страстей и непосредственныхъ чувствъ, должны заблаговременно приготовиться къ парализированію подобныхъ вышеупомянутымъ приѣмовъ реакціи: широкой пропагандой истинно свободныхъ политическихъ идей и прочной организаціей для защиты свободныхъ учреждений.³ (Выше, на стр. 70, уже было замѣчено, на сколько послѣдняя зависитъ отъ децентрализаціи представительнаго правленія).

Къ статьѣ IV, § 5. Лучшимъ примѣромъ гибельности для страны положенія, когда военный классъ, даже заключающій въ себѣ элементы либеральные, считаетъ себя въ правѣ рѣшать политическія дѣла страны, представляетъ изъ себя Испанія, которая въ теченіе всего XIX столѣтія переходитъ отъ либеральныхъ переворотовъ къ реакціоннымъ и въ которой политическая нравственность именно военного класса, высоко поднимавшаяся было во время войнъ за освобожденіе отъ Наполеона, — дошла теперь до самой низкой степени. Противуположный примѣръ представляютъ

С. Американскіе Соединенные Штаты, которыхъ населенія, хотя и должны были во время войны за освобожденіе выдѣлить изъ себя военный элементъ, но удержали его въ законной роли, постановивъ принципъ своихъ конституцій положеніи, въ родѣ слѣдующаго: «во всякихъ случаяхъ и во всякое время военная сила должна быть вполнѣ подчинена власти гражданской и управляема ею». (§ 20 конституцій шт. Делавера. Подобное въ конституціяхъ Массачусетса, Мериленда, Виргиніи, Сѣв. Каролины и др.).

Таковы соображенія, которыя казались намъ необходимыми для разъясненія и поддержки различныхъ положеній представленнаго выше проекта Устава. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ общей практической его цѣлесообразности, относительно которой мы предвидимъ сомнѣнія даже со стороны многихъ изъ тѣхъ, кто одобрилъ бы теоретическія положенія этого проекта въ цѣломъ или въ частности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что проектъ этотъ, для своего осуществленія, предполагаетъ организацію довольно обширную по составу своему, энергическую и настойчивую по дѣятельности, и при томъ въ теченіи довольно значительнаго промежутка времени. Судя по примѣру политической жизни другихъ государствъ Европы, этотъ промежутокъ слѣдуетъ опредѣлить лѣтъ въ 10—15, при достаточно еще благоприятныхъ условіяхъ. Мы не обольщаемъ себя надеждою, что предполагаемая нами организація можетъ сразу же стать на столько обширную, на сколько это необходимо для скорѣйшаго осуществленія если не всѣхъ, то хотя важнѣйшихъ изъ намѣченныхъ въ нашемъ проектѣ политико-соціальныхъ цѣлей. Напротивъ того, мы ожидаемъ, что самая сложность этого проекта, необходимость для его осуществленія обширныхъ средствъ и продолжительной дѣятельности оттолкнетъ отъ него многочисленные ряды тѣхъ, кто, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, отличается свойствами, которыя необ-

ходимо долженъ былъ развитъ въ населеніяхъ Россіи долгіи гнетъ царскаго деспотизма и централизаціи: а именно съ одной стороны недовѣрчивою пассивностію, а съ другой лихорадочною нетерпѣливостію, въ обоихъ же случаяхъ узко-эмпирическою практичностью.

На сомнѣнія, которыя истекаютъ съ первой стороны, мы скажемъ, что все, происходящее на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы въ общественной жизни Россіи, показываетъ ясно невозможность для этой страны оставаться при нынѣшнемъ политическомъ и социальномъ порядкѣ, а равно и то, что страна эта не выйдетъ изъ этого порядка (*sic!*) безъ энергическаго дѣйствія самаго населенія къ его измѣненію. А потому мыслящимъ людямъ въ Россіи остается или безотлагательно приступить къ такому дѣйствію, или терпѣть на себѣ и на дѣтяхъ своихъ всѣ послѣдствія своей пассивности. Не заходя далеко. — уже передъ послѣдней Балканской войной, множество людей, зрѣлыхъ возрастомъ, состоятельныхъ и вліятельныхъ въ извѣстныхъ кругахъ, сознавало необходимость большей части реформъ, которыя намѣченны въ нашемъ проэктѣ, и многіе даже высказали это сознаніе прямо или косвенно въ печати и въ собраніяхъ, — но только, подъ разными предлогами, не приступили къ организованнымъ и настойчивымъ дѣйствіямъ для пракческаго осуществленія своихъ идей. Съ тѣхъ уже поръ прошло семь лѣтъ, — половина срока, который можно назвать періодомъ дѣятельности политическаго поколѣнія и который предположенъ нами для дѣятельности нашего политическаго общества!

На сомнѣнія со стороны практицизма нетерпѣливаго, который соглашается дѣйствовать только тогда, когда онъ предполагаетъ немедленное осуществленіе широкаго плана, а иногда и мечты, или же хочетъ видѣть немедленные, наглядные результаты своей дѣятельности, хотя бы направленной только на одно явленіе, или даже на одно лицо, — мы отвѣтимъ тоже указаніемъ на послѣдніе годы въ Россіи, когда столько мечтаній оказались неосуществленными и столько отдѣльныхъ практическихъ дѣйствій, даже моментально удавшихся, оказались въ сущности безрезультатными, потому прежде всего,

что они являлись узко-практичными, не соображенными съ цѣлю спстемой дѣйствій, расчитанныхъ не на одинъ моментъ, не на одну категорію явленій. А между тѣмъ, пока разбивались мечты да совершались опыты узкаго практицизма, ушло время ничуть не меньшее, чѣмъ то, какое нужно бы было для систематическаго дѣйствія по плану, соображенному столько же съ реальными условіями даннаго времени и мѣста, сколько и съ перспективою общаго движенія цивилизованныхъ странъ.

Какъ бы ни малочисленъ былъ вначалѣ кругъ лицъ, которыя бы задались цѣлю политической дѣятельности по подобному плану, сколь бы ни мало замѣтно было начало ихъ дѣятельности, по сознательное и неуклонное исполненіе этого плана, по истеченіи извѣстнаго времени, не преминетъ повести за собою осязательные плоды, которыхъ не въ состояніи дать ни пассивная, ни торопливая эмпиричность. Повторяемъ, что и та и другая въ нашихъ глазахъ слишкомъ натуральны въ населеніи Россіи, — а потому мы напередъ знаемъ, что не смотря на то, что политическія идеи, которыя легли въ основаніе нашего проэкта, раздѣляются весьма многими изъ нашихъ соотечественниковъ, практическая сторона этого проэкта, т. е. предполагаемое нами политическое общество и его склобы дѣйствій, какъ слишкомъ не похожіе на обычное поведеніе и дѣятельность различныхъ общественныхъ круговъ въ Россіи, не могутъ стать очень популярны съ разу. Но мы все таки не сомнѣваемся въ возможности успѣха предполагаемаго нами политическаго общества, какъ бы ни малочислененъ былъ вначалѣ составъ его, — имѣя въ виду законъ, вѣрность котораго была столько разъ оправдана въ исторіи и который очень хорошо выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Эрнеста Ренана:

Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se resigner à être démodé. (Чтобъ восторжествовать въ будущемъ, нужно, въ извѣстныя минуты, имѣть терпѣніе побыть не въ модѣ).

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

На страницѣ 10, въ примѣчаніи, въ 8 строкѣ снизу
пропущено:

восточная часть Екатеринославской губ.

рядчика; Шевченко українофіли і соціалізм І, II, III. М. Драгоманова, Кілька слів про І. М. Ковальського. Е. Ч. Грунт, книжка та «приємствід.» (Листи і уваги впорядчика про новини на Україні); Спомин помершого товаришча, Зубку-Кодреану. М. Д.; Вільний земський рух в Черниговщині; Героїська самооборона соціалістів в Київі. М. Д.; Книгарські Звістки: Федералізм і соціалізм в Окцітанії. Польський демократ про українство і соціалізм, Українське письменство в «Історії словянських літературъ» Пыпина и Спасовича. М. Д.; Відповіді і замітки: Українська «Громада» і «націоналізованіє соціалізма» по V т. «Впереда.» Де-що про львівських народовців і соціалізм в Галичині. (З поводу брехні «Руского Сіона» і «Газети школьної»). З університетського життя в Київі. (Помилка брошури «Мартовское движеніє студентовъ Кіевскаго университета в 1878 г.» Брехня генерала Антоновича). Ми і «Набатъ.» (Чому і як ми говоримо про «Набатъ.» Д. Молчановъ-Другъ в редакції «органа русскихъ революціонеровъ.» Примір набатської нисенітниці. Добролюбов і Пирогов. Остатля рада «Набату»). М. Драгоманова; На увагу товаришчам і землякам української і польської мови. Впорядчика «Громади».

ГРОМАДА, № 5. Женева, 1882. 6 фр.

ГРОМАДА, Українська часопись впорядкована М. Драгомановим, М. Павликом і С. Подольнським. Рік V. № 1 і 2. Женева 1881, по 2 фр.

Нові українські пісні про громадські справи (1764—1880). М. Драгоманова. (З Громади 1881 р.). Женева 1881. 3 фр.

Політичні пісні українського народу XVIII—XIX ст. З увагами М. Драгоманова. Ч I. Розд. I. 1883. 3 фр. 50.

ЛИСТОК ГРОМАДИ № 1, 1878. Видав М. Драгоманов. 1 фр.

ВІЛЬНА СПІЛКА — Вольный Союзъ — La Fédération. (Безстроковий додаток до „Громади“). № 1 Женева 1881. 25 с.

Про багатство та бідність. 1876. 25 с.

Про те, як наша земля стала не наша. Липський. 1877. 40 с.

Про хліборобство. Як де земля упорядкована і як би слід їй держати. Липський. 1877. 80 с.

Про багатство да бѣдносьць. (На білоруській мові. Переклад з українського). Женева. 1881. 25 с.

Ukraino. (M. Dragomanov). Movimento letterario ruteno in Russia e Gallicia. Firenze. 1873. Loecher. 1 fr.

Література російська, великорусська, українська и галицка. Українця. (М. Драгоманова). Львів. 1874.

Галицько-руське письменство. Яого ж. Львів. 1876. 12 кр. ав.

Народні школи на Україні серед життя і письменства в Росії. З видань «Громади». Яого ж. Женева. 1877. 3 фр.

По вопросу о малорусской литературѣ. (Панславизмъ, панрусизмъ и панмалорусизмъ). Его же. Вѣна. 1876. 80 кр.

Турки внутренніе и вѣншіе. Его же. Женева. 1876. 1 фр.

Внутреннее рабство и война за освобожденіе. Его же. Женева. 1877. 1 фр.

До чего довоевались? Его же. Женева. 1878. 50 с.

За что старика обидѣли и кто его обижаетъ? (Размышленіе по дѣлу Трепова). Его же. Женева. 1878. 50 с.

Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины процес-са московск. соціалістовъ. Его же. Женева. 1877. 25 с.

Соловѣя баснями не кормятъ. Письмо къ генералу Лорису-Меликову Его же. Женева. 1880. 25 с.

Было бы болото, а черти будутъ. Его же. Женева. 1880. 50 с.

Терроризмъ и Свобода, Муравьи и Корова. Отытъ на отытъ «Голоса». Его же. Женева. 1880. 50 с.

La littérature Oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe. Rapport présenté au congrès littéraire de Paris 1878, par M. Dragomanov. Genève. 1878. 1 fr.

Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale. Par M. Dragomanov. Genève. 1881. 1 fr.

Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ М. Драгоманова. Женева. 1880. 1 fr.

Реторы и революція. Н. Жуковскаго. Женева. 1878. 50 с.

Историческая Польша и великорусская демократія. М. Драгоманова. (Отдѣтискъ изъ «Вольнаго Слова» № 3—20). Женева. 1881. 3 fr. 50 с.

Діонизій III Санкт-петербургскій и Платонъ II Московскій. Его же. (Отдѣтискъ изъ «Вольн. Слова» № 27) Женева 1882. 50 с.

«Народная Воля» о централизациі революціонной борьбы въ Россіи. Его же. (Отдѣльный отыскъ изъ «Вольнаго Слова» № 37 и 38). Женева. 1882. 50 с.

Къ біографіи А. И. Желябова. Его же. (Отдѣтискъ изъ «Вольнаго Слова» № 39 и 40). Женева. 1882. 50 с.

Marija maty Isusowa. Wirszi Szewczenka z uwahamy M. Dragomanowa. 1882. 50 с.

Записки южно-русскаго социалиста. Выпускъ первый. Ж. 1877. 1 fr.

Житытя і здоровја людєй на Україні. Зложив С. Подолінськїй. 1879. 3 fr.

Соціалісти украинцы въ Австрія. С. Подолінскаго. Женева 1880. 50 с.

Ремесла і хазарики на Україні. С. Подолінського. Женева. 1880 2 fr.

Пач-Народолубець. Повість. Женева. 1879. 1 fr.

Хиба ревуть воли, як ясла повні? Роман з народнього житытя. П. Мирного та І. Білика. 1880. 6 fr.

Кобзарь Т. Гр. Шевченка. (Виданья стереотипне). Книжка перша і друга. Женева. 1881. по 1 fr.

Историческія піснї Малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, тт. I—II. Кієвъ. 1874—75 (Награждено преміей Петерб. академіи наукъ). 10 fr.

Малорусскія народныя преданія и рассказы. Сводъ М. Драгоманова. Кієвъ. 1876. 8 fr.

Повісті Ост. Федьковича з переднім словом про галицько-руське письменство М. Драгоманова. К. 1876. 2 fr.

Святе Письмо Нового Завіту. Мовою русько-українською перекладали вкупі П. А. Куліш и Др. И. Пулюй. Відень. 1880. (в оправі) 4 fr.

Шекспирови твори. Перекладав П. А. Куліш. Том I. Львів. 1882. 7 fr.

Хуторна поезія. П. А. Куліша. Львів. 1882. 2 fr.

Крашанка русинам и полякам. Львів. 1882. П. А. Куліша. Вид. друге. 1 fr.

«ВОЛЬНОЕ СЛОВО». 1881—1883 гг. II. 50 с. и I fr. за №.